

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научный журнал
Том 3 (69). № 1

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2017

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол № 1 от 30 августа 2017 г.

Главный редактор – Шоркин Алексей Давыдович, д-р филос. н., проф.,
КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Редколлегия:

Берестовская Д. С.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Вигель Н. Л.	д-р филос. н., проф., РГМУ (Ростов-на-Дону)
Габриелян О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Грива О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Кузьмин П. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Лазарев Ф. В.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Морозова Е. В.	д-р филос. н., проф., ГПГУ (Краснодар)
Николко В. Н.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Романова А. П.	д-р филос. н., проф., Гуманитарный институт, АГУ (Астрахань)
Рыскельдиева Л. Т.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Сенюшкина Т. А.	д-р гос. упр., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Темненко Г. М.	д-р филол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Фёдорова М. М.	д-р полит. н., Институт философии РАН (Москва)
Юрченко С. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь: Иванова Р. А.

Редактор электронной версии: Шкорубская Е. Г.

Техническая корректура: Кузьменко Н. С.

Ответственные за выпуск:

Гросфельд Е. В.	канд. полит. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Зарапин О. В.	канд. филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Коротченко Ю. М.	канд. филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Темненко Г. М.	д-р филол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Цветков А. П.	канд. филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Контакты редакционного совета серии:

Тел.: +7-978-736-7713   Факс: +7 (3652) 54-52-46
E-mail: raisaivanova2013@yandex.ru
Сайт: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Подписано в печать: 14 сентября 2017-09-22.
Формат 70x100 1/16 10 усл. п. л. Заказ № НП/78
Тираж: 50 экземпляров (бесплатно)
Отпечатано в отделе редакционно-издательской деятельности
КФУ имени В. И. Вернадского
295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

ФИЛОСОФИЯ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 3 (69). 2017. № 1. С. 3–12.

УДК 316.3

HIGH-HUME VERSUS HIGH-TECH?

Антипов Г. А.

*Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск,
Российская Федерация*

E-mail: Dr-eji2@yandex.ru

Противоречивое отношение High-Hume и High-Tech – один из характерных сюжетов в современном культурологическом контексте. Рассмотрение истории человечества как мегаистории на протяжении длительной ретроспективы демонстрирует множество глобальных кризисов, вызванных нарушением техно-гуманитарного баланса. Вопрос в том, посредством каких высоких гуманитарных технологий должны преодолеваются подобные катастрофы, каковы характеристики данных технологий. Само по себе развитие гуманитарных и социальных наук не даёт для решения этих проблем достаточных оснований.

Ключевые слова: технологии, наука, история, ценности, культура, катастрофа.

В современном культурологическом дискурсе прорисовывается тема, принимающая примерно такие очертания: утверждается, что стремительное проникновение в жизнь человека нового технологического уклада может привести к нарушению сложившегося гуманитарно-технологического баланса. И для этого вместе с усложнением процессов, происходящих в мире под флагом High-Tech, в обществе должен сформироваться запрос на технологии High-Hume, позволяющие сохранить в человеке человеческое.

В первом приближении можно подумать, что налицо реинкарнация проблемы, сформулированной ещё в середине XX века Чарльзом Сноу в его эссе «Две культуры». Вот что он там писал: «Мне кажется, что духовный мир западной интеллигенции всё явственнее поляризуется, всё явственнее раскалывается на две противоположные части. Говоря о духовном мире, я в значительной мере включаю в него и нашу практическую деятельность, так как отношусь к тем, кто убеждён, что, по существу, эти стороны жизни нераздельны... На одном полюсе – художественная интеллигенция, на другом – учёные, и как наиболее яркие представители этой группы – физики. Их разделяет стена непонимания, а иногда – особенно среди молодёжи – даже антипатии и вражды. Но главное, конечно, непонимание. У обеих групп странное, извращённое представление друг о друге. Они настолько по-разному относятся к одним и тем же вещам, что не могут найти общего языка даже в плане эмоций» [1, с. 19–20]. Невольно вспоминаются строки

Бориса Слуцкого: «Что-то физики в почёте, что-то лирики в загоне. Дело не в простом просчёте, дело в мировом законе...»

На самом деле, конечно, непосредственной коммуникации между констатациями Сноу и темой отношения High-Tech к High-Hume нет. Но есть, полагаю, определённое отношение между данными мирами, в котором могут иметь и имеют место разные степени напряжения. Последнее обусловлено фундаментальными и различными особенностями данных миров. И без выхода в план этих различий тема нарушений гуманитарно-технологического баланса вряд ли будет удовлетворительно отрефлексирована. Отсутствие обращения к данному гносеологическому пространству – явный недостаток. Имеется в виду, прежде всего, понимание смысла того, что именуется «высокими гуманитарными технологиями».

Вообще технологиями можно считать любые совокупности методов и методик, ориентированных на изменения некоторого материала в соответствии с определёнными задачами. Технологическая – или инженерная – задача всегда заключается в том, чтобы изменить некоторый материал соответственно задаваемым свойствам. Собственно же научные задачи сводятся к выявлению свойств материала, присущих ему самому, независимо от человеческих потребностей. В этом и заключается основное различие между любыми формами собственно научного знания и «техническими науками». Соответствующим образом выстраивается отношение между наукой и инженерией. Знание свойств материала, присущих ему самому, необходимо для успешного решения тех задач по изменению данного материала, которые вырастают из человеческих потребностей. Объективные свойства реальности задают границы возможных её изменений с точки зрения человеческих потребностей. Так дело обстоит в общем случае. Но как быть в ситуации, когда речь идёт о «материале» человеческой, неприродной реальности и её свойствах?

Действительно, эти свойства даны познающему субъекту иным, нежели естествоиспытателю, образом. Они «не даны в ощущениях, существуя независимо от них». Но в таком случае радикально иные характеристики должны приобретать любые формы технологий High-Hume, поскольку очевидным образом всякие технологические схемы определяются именно свойствами преобразовываемого ими материала. Существующие же квалификации High-Hume с данным требованием едва ли соотносимы: сразу же бросается в глаза крайняя гносеологическая пестрота предлагаемых конкретизаций. Обычно к High-Hume относят философию, гуманитарные науки, религию, искусство во всех проявлениях (одежда, дизайн, музыка и проч.), а также широкий спектр всевозможных гуманитарных ноу-хау (методик преподавания, маркетинг, общения и проч.). Сюда же относят возникшие в глубокой древности методики «нематериального» воздействия на массовое сознание.

В русле обозначенной выше темы преодоления возможных нарушений гуманитарно-технологического баланса, насколько можно судить, вопрос подобным образом не обсуждается. Общая перспектива может рисоваться здесь, допустим, так: сознание, успешнее сделавшись планетарным фактором, способно перерасти в

фактор космологический и, что решающим препятствием для этого могут стать не пределы управляемости масс-энергетического мира, а самоубийственная неготовность разума совладать с растущим инструментальным могуществом.

Сегодня, как видно, коллизия «двух культур» переводится в план «высоких технологий». Меняется весь контекст толкования их взаимоотношений. Говорят, стремительное проникновение в жизнь человека нового технологического уклада может привести к нарушению сложившегося баланса, что, «как показывает история», неизбежно приводит к катастрофе. Утверждают, что согласно расчётам на протяжении миллиардов лет природа и затем общество развивались по определённым векторам в режиме последовательного ускорения, а периоды между фазовыми переходами биосферной, прасоциальной и социальной эволюциями сокращались в соответствии со строгим логарифмическим законом. При экстраполяции полученной функции выходит, что около середины XXI века скорость глобальных изменений должна устремиться к бесконечности, а промежуток между фазовыми переходами к нулю. Необходимо построить новый баланс. И для этого вместе с усложнением процессов, происходящих в мире под флагом High-Tech, в обществе и должен сформироваться «запрос на технологии High-Hume, позволяющие сохранить в человеке “человеческое”» [2].

Говорят, общие механизмы социальной эволюции, в векторе которых и появляются алармистские рассуждения о нарушении техно-гуманитарного баланса и необходимости совладать с растущим инструментальным могуществом, таковы: технологический прогресс, с одной стороны, повышает внешнюю устойчивость общества, с другой – способствует укреплению иллюзий о всемогуществе разума, что в конечном итоге ведёт к антропным кризисам.

Рассмотрение истории человечества как мегаистории на протяжении длительной ретроспективы демонстрирует множество глобальных кризисов и катастроф, инициированных собственной деятельностью людей. Но и «задолго до появления людей активность живого вещества провоцировала глобальные катастрофы, в результате которых погибли более 99 % существовавших на Земле видов. Вместе с тем каждый раз в биосфере, а затем в антропосфере происходили неординарные трансформации, обеспечивавшие восстановление динамической устойчивости» [2, с. 20].

Череду подобных кризисов можно начинать с «момента», когда у далёких предков человека было резко нарушено, благодаря изобретению искусственного оружия, характерное для животных равновесие между сравнительно слабым торможением агрессии и столь же слабыми возможностями убийства. Двигаясь же по линии эволюции рода Homo, от Олдовайского ущелья до Кремниевой долины, можно выявить множество нарушений гуманитарно-технологического баланса и связанных с ними кризисных состояний человеческих сообществ.

Поскольку же эти многочисленные кризисы были так или иначе преодолены, делается предположение, что «гоминиды выработали эффективный механизм, который компенсировал рост разрушительной мощи технологий и который до сих пор был недостаточно изучен антропологами, социологами и психологами» [2, с. 25]. И, говорят, если эти механизмы воспроизводства социальной устойчивости

не будут изучены и поняты, дальнейшее существование планетарной цивилизации окажется под вопросом. Что же касается общей задачи восстановления баланса между развитием высоких технологий и состоянием «всего человеческого» сегодня, то основным средством здесь полагают гуманитарные науки, констатируя в то же время их кризисное состояние на сегодня. Причина в том, что доминирующим трендом познания было развитие естествознания и технических наук. Что же касается процессов адаптации к изменениям техносферы, то в целом они носили до последнего времени стихийный характер, но требование ситуации – в переориентации их в векторе целенаправленной специализации.

Но если «веление времени» толковать подобным образом, сразу же должны обратить на себя внимание две фундаментальные трудности, без методологической интерпретации которых продуктивное движение в указанном направлении не представляется возможным. И дело вовсе не в «кризисном состоянии гуманитарных наук». Объективные свойства реальности задают границы возможных её изменений с точки зрения человеческих потребностей. Как уже отмечалось, в аспекте технологических задач характер преобразуемого материала, его свойства задают границы возможных его изменений с точки зрения человеческих потребностей.

«Материалом» для High-Hume выступают общественные отношения, радикально отличающиеся по своим свойствам от «отношения вещей». У Канта данное различие выражалось в виде антиномии свободы и необходимости (третьей кантовской антиномии). Человек, являясь природным существом, подчиняется законам природы, и с этой точки зрения антропология должна формироваться по образцам естествознания. «Какие бы понятия мы не составили себе с метафизической точки зрения о свободе воли, – писал он, – необходимо, однако, признать, что проявления воли, человеческие поступки, подобно всякому явлению природы, определяются общими законами природы» [3, с. 7]. Подобно частицам вещества в первоначальной туманности, образующим под воздействием сил притяжения и отталкивания солнечную систему, люди в «бессмысленном ходе» своих дел реализуют некий «план природы», который и остаётся только открыть. Ведь породила же природа «Кеплера, подчинившего неожиданным образом эксцентрические орбиты планет определённым законам, и Ньютона, объяснившего эти законы общей естественной природой» [3, с. 8].

Соответственно этой методологической установке Кант формировал дисциплинарную матрицу науки, впоследствии квалифицированной в качестве демографии. Она мыслилась Кантом как сугубо естественно-научная дисциплина. Хотя в стилистике своего времени, по названию, он толковал её как «историю». Кант писал: «История, занимающаяся изучением этих проявлений, как бы глубоко ни были скрыты их причины, позволяет думать, что если бы она рассматривала действия свободы человеческой воли в совокупности, то могла бы открыть закономерный ход, и то, что представляется запутанным и не поддающимся правилу у отдельных людей, можно было бы признать по отношению ко всему роду человеческому как неизменно поступательное, хотя и медленное, развитие его первичных задатков. Так, браки, обусловленные ими рождения и смерти, на которые свободная воля человека имеет столь большое влияние, кажутся не

подчинёнными никакому правилу, на основании которого можно было бы наперёд математически определить их число. Между тем ежегодные данные о них в больших странах показывают, что они также происходят согласно постоянным законам природы, как те столь изменчивые колебания погоды, которые в единичных случаях нельзя заранее определить, но которые в общем непрерывно и равномерно поддерживают произрастание злаков, течение рек и другие устройства природы» [3, с. 7].

Но и в мире свободы человеческой воли присутствуют детерминанты объективного порядка. Правда, речь должна идти об объективности особого рода. Это независимость данных детерминант от отдельно взятой человеческой воли, однако являющихся характеристиками тоже «волевой» сущности. Это у Канта – императивы: гипотетический и категорический. В определённом смысле категорический императив можно посчитать аналогом закона всемирного тяготения применительно к миру свободы: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом». Императивы Канта, невидимая рука рынка Адама Смита, объективная идея Гегеля, Третий мир Поппера в онтологическом смысле являются феноменами существования и функционирования культурных форм. В самом общем, предельно общем подходе – это идеалы, ценности и нормы, основные категории социологии как науки.

Вторая существенная особенность всякой High-Hume, учитывая общую технологическую модель, и это связано, конечно, с вышеизложенным, адресуется к вопросу о законах социума, их действии и путях познания. Ведь аспект технологии предполагает целенаправленные изменения некоторой реальности, опирающиеся на учёт объективных характеристик данной реальности, в конечном счёте законов, которым она подчиняется.

Впервые тема «законов» применительно к контексту гуманитарии была поднята неокантианцами баденской школы. Как известно, эта школа придавала большое значение борьбе против универсализации гносеологического опыта естествознания, или «натурализма». Радикальное средство такой борьбы видели тем не менее в отстаивании статуса научности историографии.

Историография, будучи по своей гносеологической сущности наукой, кардинально отлична от естественно-научных дисциплин – таково главное утверждение Риккерта. С этих позиций Риккерт полемизирует со всеми, кто подобно, например, Миллю постулировал несоответствие историографии идеалам научности и в использовании естественно-научных методов видел средство подъёма её на ступень научности [4].

Выделяет исторические науки в особую гносеологическую категорию способ «образования понятий». Он заключается в индивидуализации, индивидуализирующей репрезентации действительности. В противоположность этому естествознание идёт путём генерализации: действительность рассматривается с точки зрения общего, повторяющегося, свойственного множествам феноменов. Исследуемые феномены выступают как экземпляры общего родового понятия, «которые всегда могут быть заменены другими экземплярами того же понятия» [4, с. 19]. Ориентация в познавательной деятельности на индивидуальное,

неповторимое в языке выражается тем, что познаваемый предмет обозначается не «родовым» понятием, а именем собственным.

Общей констатацией, характеризующей историческое исследование у неокантианцев, выступает «отнесение к ценностям». Ценности детерминируют направленность познавательного интереса, набор параметров, по которым характеризуется теоретически осваиваемая действительность, их иерархию и т. д.

С момента её появления неокантианская теория исторического познания была воспринята марксистской критикой как реакция на материалистическое понимание истории, как форма отрицания объективных законов исторического процесса.

С иных оснований ведётся критика неокантианской версии историографии Б. Малиновским: «Банальное различие номотетических и идиографических дисциплин есть философское заблуждение, которое давным-давно должно было исчезнуть, если бы просто рассмотрели, что это значит – наблюдать, реконструировать или утверждать исторический факт. Суть дела состоит в том, что большая часть принципов, обобщений имплицитно содержится в реконструкциях историка, и они по своей природе скорее интуитивные, нежели систематические. Типичный историк и многие антропологи затрачивают большую часть своей творческой работы и эпистемологического досуга на то, чтобы опровергать понятие научного закона в культурном процессе, возводить непроницаемые перегородки между гуманизмом и наукой и утверждать, что историк или антрополог могут «вызвать» к жизни прошлое посредством некоего особого проникновения, некоторой интуиции или откровения, короче говоря, что он может полагаться на божью благодать, а не на методическую и кропотливую систему работы» [5, с. 117].

Полагаю, все противоречивые хитросплетения предлагаемых позиций могут быть развязаны обращением к контексту и гносеологической сущности High-Hume. И первое, что следует отметить и что отсутствует во всех интерпретациях, – различие двух «историй»: истории как памяти и истории как науки. Данные феномены культуры и функционируют, и изменяются в разных векторах, в результате действия разных гносеологических механизмов. Опять-таки у Бориса Слуцкого есть строки, очень определённо адресующие к данному различию, к особенностям в данном случае исторической памяти: «Уменье памяти сопряжено / с умением забвенья, / и зерно / в амбарах памяти должно / не переполнить кубатуру сдуру. / Забвенье тоже создаёт культуру».

Существенно в первую очередь то, что содержанием памяти являются не понятия, а представления. Согласно общему определению, представление – процесс и результат мысленного воссоздания образов предметов и явлений, которые в данный момент не воздействуют на органы чувств человека. В основе представления лежит восприятие объектов, имевшее место в прошлом. Для индивида физиологическую основу представлений составляют «следы» в коре больших полушарий головного мозга, остающиеся после реальных возбуждений центральной нервной системы при восприятии. Для исторической памяти как формы культуры аналогом упомянутых следов выступают исторические источники. Характерно, что дна из распространённых дефиниций источника трактует его как «след», оставленный прошлым. Исторический источник (гносеологически) – это

онтологический памятник исторического прошлого, который несёт на себе печать своего времени, который отражает действительность через призму жизненных интересов людей, создавших этот памятник.

Историография начинается в векторе исторической памяти. Так понимал её уже «отец» истории: «Геродот из Галикарнаса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом». Продуктом работы такого «первоначального» историка является нарратив, историческое описание. Оно – результат процедуры, адекватным определением которой следует считать понятие реконструкции. Это не познавательная процедура в собственном смысле, а в общем подходе – род практики (мемориальная практика), *techné*, как говорили греки.

О технологии High-Hume говорить здесь ещё нет оснований, поскольку создание образов прошлого не предполагало неких принципов, приёмов, принятых всем сообществом. Прошлое реконструировалось на основании здравого смысла и ценностных установок историка-практика, оставаясь в пределах его произвола. Впервые такие установки были сформулированы в XIX веке. Одна из них принадлежит немецкому историку этого времени Леопольду фон Ранке: «История возложила на себя задачу судить о прошлом, давать уроки настоящему на благо грядущих веков. На эти высокие цели данная работа не претендует. Её задача – лишь показать, как всё происходило на самом деле (*wie es eigentlich gewesen*)» [6]. Данное требование приложимо исключительно к формированию нарратива, аналогом которого в науке выступает научное описание. Последнее же предполагает наличие теории, которая становится основанием расчленения и интерпретации эмпирического материала. В мемориальной практике на этом месте, как справедливо полагал Риккерт, присутствует «отнесение к ценностям».

Нужно сказать, Риккерт не вполне корректно в логическом плане разграничивает номотетические и идеографические науки. Первые ориентированы на образование общих понятий, вторые – на индивидуальное. Но если речь идёт о «понятиях», формирование которых есть результат процедуры абстрагирования, то альтернативная по направленности ему есть процедура конкретизации. Говоря здесь об индивидуальном, Риккерт привносит в собственно логический план онтологию.

Другой установкой, следование которой превращает просто мемориальную практику в High-Hume, радикально отличающую её от деятельности первоначального историка, является деятельность источниковеда, превращающего исторический памятник (остаток) в исторический источник, основное средство исторического познания. Поскольку исторический памятник всегда есть феномен, полученный вне и независимо от задач, которые ставит перед собой историк, возникает необходимость в особой, промежуточной деятельности, основная цель которой – установить связи и отношения исторического остатка с действительностью исторического прошлого. Это и есть область работы источниковеда. Исторический источник, по сути дела, – продукт деятельности

источниковеда. Работа источниковеда обычно характеризуется в историографии как «критика» и «интерпретация» источников.

Кстати, известно, что в современном источниковедении довольно широко используются естественно-научные методы исследования: радиоуглеродный, дендрохронологический и др., что явно относится к области High-Tech. Но, применяя эти методы, историк в то же время не рассматривает их как однопорядковые, собственно источниковедческие. С его точки зрения, естественно-научные методы дают лишь некоторые промежуточные результаты, которые должны быть ещё ассимилированы с позиций историка. Скажем, он может рассуждать так: «Нужно ещё раз напомнить, что радиоуглеродные лаборатории определяют даты, точнее, интервал времени в абсолютном измерении, когда прекратился обменный цикл, т. е. прекратилась жизнь данного образца растения или животного. А какова связь того образца с археологическим памятником, принадлежит ли образец ко времени памятника, связан ли он с комплексом явлений, дату которых мы хотим определить, это должен решить археолог» [7, с. 10].

Можно теперь сказать, что источниковедческая практика становится High-Nume с момента, когда формируются методы, «технологические» схемы «критики» и «интерпретации» источника. Формируется особая методическая дисциплина – источниковедение, функция которой и заключается в разработке таковых. Соответственно выделяются позиции источниковеда-практика, продуцирующего исторические источники, и источниковеда-методиста, разрабатывающего методики источниковедческого анализа. Однако, если отталкиваться от общей модели взаимосвязей науки и практики, здесь не хватает ещё одной позиции – позиции источниковеда-учёного, для которого исторический источник есть объект исследования. Ведь вообще в структуре современной науки различаются научно-методические и собственно научные дисциплины. А как быть с источниковедением?

Исходя из сказанного, правомерно говорить о гносеологически особом виде исторических наук, об источниковедении как собственно научной дисциплине. Исследуемой реальностью здесь становится не процесс общественного развития в целом, а определённый набор его подсистем. Любой исторический памятник, с которым сталкивается историк, всегда представляет собой проявление функционирования одной из таких подсистем (придающих памятнику конкретную определённость), например, захоронение – погребальный обычай, документ – делопроизводство и т. п. Поэтому, описывая конкретный памятник, историк получает как бы срез соответствующей подсистемы. Отсюда следует, что историку, описывающему достаточно большое число памятников, относящихся к одной и той же подсистеме культуры, нет необходимости каждый раз давать и характеристику данной подсистемы. Но тем самым создаются предпосылки для перехода от описания каждого памятника к исследованию строения соответствующей подсистемы. Такой может оказаться логика формирования наук типа нумизматики, ономастики и т. п., тем более что подобную траекторию развития науки можно увидеть во многих естественно-научных дисциплинах.

Соответственно, если вектор научного познания ориентирован на объективную реальность второго рода, мы имеем дело с социальными науками в собственно

смысле. Конкретнее, речь должна идти о социальных институтах. Тогда технологии, социальная инженерия – суть изменения, перестройки данных институтов, учитывая научно познанные свойства их. Но наряду с этим здесь представлен ещё один познавательный вектор, в принципе отсутствующий в естествознании и дающий основания быть отнесённым к собственно гуманитарии. Это аналитика (используя аналогию) «вещей для нас», то есть того, как субъективно воспринимаются индивидом те или иные институциональные формы, ибо именно их восприятием люди руководствуются в своей жизнедеятельности. Поэтому основной эмпирической процедурой теперь уже гуманитарных наук становится процедура понимания. Соответственно будут различаться «нормальная социология» и «феноменологическая социология», «нормальная психология» и феноменологический её вариант. Если «нормальные» науки о человеке задают необходимые предпосылки для социальной инженерии, то феноменологические их варианты – для социальных практик. Подобное только и позволяет относить к сфере гуманитарных технологий религию, искусство и т. п.

Источниковедение в приведённых выше рассуждениях – типичная форма гуманитарного знания. Что же касается невразумительности всей ситуации с High-Hume, думается, она не может быть преодолена без интерпретации общего гносеологического статуса «гуманитарных технологий», имея в виду учёт видимых уже в первом приближении различий, включаемых в их контекст компонентов. Таковыми являются: практики, технологические (методические) дисциплины, надстраиваемые над ними, наконец, верхний этаж данной структуры – формы собственно научного знания. Лишь при этом условии появляются основания говорить о высоких гуманитарных технологиях.

Список литературы

1. Сноу Ч. П. Две культуры. – М.: Прогресс, 1973. – 146 с.
2. Назаретян А. П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. – М.: Институт востоковедения РАН, 2013. – 440 с.
3. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Соч. В 6-т. – Т. 6. – М.: Мысль, 1966. – 743 с.
4. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. – СПб.: Наука, 1997. – 532 с.
5. Малиновский Б. Научная теория культуры (фрагменты) // Вопросы философии. – 1983. – № 2.
6. Ранке Леопольд фон [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ранке,_Леопольд_фон.
7. Колчин Б. А. Археология и естественные науки // Археология и естественные науки. – М.: Наука, 1965. – 347 с.

Antipov G. A. High-Hume Versus High-Tech? // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 1. – P. 3–12.

The contradictory relationship between High-Hume & High-Tech is one of the significant topics in contemporary cultural context. Consideration of the history of humankind as mega-history in long run exhibits many global crises caused by the violation of techno-humanitarian balance. The question is, which humanitarian technologies are needed in order to overcome such catastrophes, what are the characteristics of these technologies. Taken as such the development of humanities and social sciences does not provide sufficient ground for the solutions to these problems.

Keywords: technology, science, history, values, culture, catastrophe.

References

1. Snou Ch. P. Dve kul'tury [Two Cultures]. Moscow, Progress Publ., 1973, 146 p.
2. Nazaretjan A. P. Nelinejnoe budushhee. Megaistoricheskie, sinergeticheskie i kul'turno-psihologicheskie predposylki global'nogo prognozirovanija [Non-linear Future. Megahistorical, Synergetic and Cultural-Psychological Premises of Global Prognosing]. Moscow, Institut vostokovedenija RAN [Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences], 2013, 440 p.
3. Kant I. Ideja vseobshhej istorii vo vseмирno-grazhdanskom plane [The Idea of General History in the World-Civil Course]. Essays in 6 volumes. Vol. 6. Moscow, Mysl' Publ., 1966, 743 p.
4. Rikkert G. Granicy estestvennonauchnogo obrazovanija ponjatij [Measures of Natural Scientific Notion Formation]. Spb., 1997, 532 p.
5. Malinovskij B. Nauchnaja teorija kul'tury (fragmenty) [The Scientific Theory of Culture]. Voprosy filosofii, 1983, no. 2.
6. Ranke Leopold fon. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ранке,_Леопольд_фон.
7. Kolchin B. A. Arheologija i estestvennye nauki [Archeology and Natural Sciences]. Arheologija i Estestvennye Nauki. Moscow, Nauka Publ., 1965, 347 p.

УДК 101.1:316:323.28(477.75)

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА В КРЫМУ

Кузьменко Н. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: n.s.kuzmenko@mail.ru

Статья посвящена актуальной проблеме распространения терроризма и разработке противодействующих эффективных мер. В применении к Крыму важно учитывать несколько аспектов: поликонфессиональные и полиэтничные особенности Республики Крым, интеграцию Крыма в политико-правовое поле РФ, роль Крымского региона в планах протохалифатских радикалов, участие крымчан – сторонников террористических организаций в боевых действиях на стороне террористических группировок. На основании Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Республике Крым на 2015–2018 гг., а также дефиниции собственно идеологии терроризма, отмечена необходимость воздействия на систему воспроизводства терроризма в целом, в основании которой лежит идеология терроризма, ее носители, каналы распространения. Подчеркивается роль современных веб-ресурсов как факторов, способствующих вовлечению новых последователей в радикальные круги, а также являющихся эффективным и доступным средством передачи и тиражирования антиисламской риторики. Автор настаивает на корректности использования исламских концептов, в частности, с учетом опасности отождествления ислама с экстремизмом и терроризмом. Представлен феномен «русских мусульман», отличающийся повышенным фанатичным подходом новообращенных. Отмечено использование традиционных исламских представлений в качестве прикрытия и оправдания действий, продиктованных идеологами терроризма.

Ключевые слова: терроризм, идеология терроризма, традиционный ислам, Крым.

Объектом исследования выступает терроризм как социальное явление, предметом – меры по противодействию террористической активности в Крыму. Цель – раскрыть социально-философские аспекты противодействия идеологии терроризма в Крыму. Проблеме терроризма посвящены работы как отечественных авторов (Игнатенко А. А. [1], Добаев И. П. [2], Чудинов С. И. [3]), так и зарубежных (Дж. Л. Эспозито [4], Б. Хоффман [5], А. Шмид [6], Б. Дженкинз [7]). Поскольку тема терроризма находится на пересечении различных направлений научной мысли (политического, социологического, религиоведческого, философского, экономического, правоведческого и др.), используется междисциплинарный подход в исследовании обозначенного социокультурного явления. Задачи: рассмотреть ключевые составляющие терроризма как системы, раскрыть содержание идеологии терроризма, выявить акторов (как потенциальных, так и актуальных), обозначить способы и методы диффузных всплесков террористической активности,

проанализировать роль современных информационных ресурсов в качестве площадок реализации мер по снижению угрозы терроризма, выявить опасности неправомерного использования собственно исламских терминов.

Согласно Указу «Об утверждении Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Республике Крым на 2015–2018 гг.», под идеологией терроризма понимается «совокупность идей, концепций, верований, догматов, целевых установок, лозунгов, обосновывающих необходимость террористической деятельности, а равно и иных деструктивных идей, которые привели или могут привести к такой идеологии» [8]. Одной из тенденций распространения идеологии терроризма является использование традиционных представлений, убеждений, верований в качестве прикрытия деструктивных интересов, а также в целях оправдания действий, продиктованных этими интересами. В подобном идеологическом зазеркалье традиционные смыслы подвергаются существенным искажениям, их содержание не реконструируется, а искажается, приобретая наслоения извне. Ввиду распространенной позиции равенства между терроризмом и исламом, активной и часто успешной эксплуатацией террористическими организациями религиозных ценностей и норм, крайне важно создавать механизмы защиты информационного, а именно смыслового пространства, поскольку общественная жизнь «прошита» смысловыми конструктами.

Террористические организации в попытках угнаться за вниманием и участием потенциальных последователей используют для достижения своих личных целей веру (в слово Священного Писания, в духовных лидеров и авторитетов) и верующих, используют именно в техническом, механистическом отношении. Проблема «религиозно мотивированной» [9, с. 121] террористической активности, которая наблюдается в различных точках мира, не решается одними силовыми методами и не является прерогативой одних лишь силовых ведомств. Силовое воздействие используется для «пресечения *конкретного* террористического акта, для эффективного же снижения угрозы терроризма необходимо разрушить *систему* его воспроизводства» [8], в основе которой – идеология терроризма, носители и каналы распространения. Слово предшествует действию, акту (в данном случае – террористическому). В идеологических столкновениях слово, истолкованное в угоду собственным интересам, становится главным оружием, которое действительно способно поражать.

Исследование данной темы исключительно важно для поликонфессионального, полиэтничного крымского региона, где наблюдается наложение и соприкосновение различных культурных парадигм. Исламский дискурс имеет не только внутреннюю, но и внешнюю составляющие, от его понимания зависит внутри- и внешнеполитический климат России. В связи с интеграцией Крыма в политико-правовое поле РФ, «автоматически» изменилось отношение к организациям и объединениям, которые прежде могли свободно осуществлять свою деятельность на полуострове. Примером может служить проводившийся в столице Крыма в июне 2013 г. митинг, посвященный 89 годовщине падения Халифата. Более полутора тысяч митингующих с черными и белыми флагами с исламской символикой и лозунгами «Мы мусульмане, наша идеология – Ислам, наша Конституция – Коран»,

«Одна умма – один флаг», «Халифат, умма ждет тебя» призывали «поддержать идею реанимации правления, основанного на законах шариата» [10]. Согласно Добаеву И. П., в 2013 г. на территории автономии существовало не менее 30 ваххабитских групп, не испытывающих «недостатка в оружии и боеприпасах...», а также «открыто действует запрещенная во многих государствах международная исламистская группировка “Хизбут-Тахрир” (“Партия исламского освобождения”), конечной целью которой является создание «всемирного мусульманского халифата» [11]. Под контролем группировки находится ряд мечетей центрального и юго-западного Крыма; adeпты «партии создают в районах “параллельные структуры власти”, школы и курсы по организации “джихада” за государственную независимость от действующей власти, распространяют листовки и книги на тему самоотверженной борьбы мировой “исламской диаспоры” за свободу и самоопределение» [11]. В 2014 г. деятельность организации «Хизбут-Тахрир» в Крыму юридически оказалась под запретом, но приверженцы протохалифатской ячейки не отказываются от своих взглядов и предпочтений также юридически, чему имеются подтверждения об арестах участников запрещенных на территории РФ террористических организаций и в 2016 г. [12], о проверках крымских медресе на наличие материалов, признанных экстремистскими [13]. Также отметим важность исследования крымского вопроса в планах всемирного сообщества радикальных исламских экстремистов, а именно: «создание глобального исламского центра силы (государственно-территориально-идеологического конгломерата) в составе территорий нынешних стран Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии, Северного Кавказа и Крыма» [14]. По состоянию на 2010 г. на территории полуострова «созданы, существуют и действуют ряд различных исламских организаций, которые ставят своей целью построение исламского государства в Крыму, в том числе и как составляющей части “Кавказского Имарата”» [14]. Сегодня надежды и планы «Имарата Кавказ» на создание шариатского государства «от Каспийского моря до Черного» меркнут перед планами все набирающей популярность и «престижность» ИГИЛ (запрещенной террористической организации на территории Российской Федерации). Но означает ли это, что Крым более не находится в опасности? По заявлению уполномоченного по правам человека в Республике Крым Лубиной Л. Е., «правоохранительными органами была установлена причастность 106 крымчан к боевым действиям на стороне террористической группировки “Исламское государство” в Сирии» [15]. Также отмечается, что «за прошлый год (2015 – прим. авт.) в Крыму выявлено 1412 человек, которые занимались распространением экстремистских идей» [15]. Отметим, что и в 2013 г. судьба «братьев в Шаме» была не безразлична крымским «активистам», призывавшим «не оставлять тех, кому дороги ислам, честь уммы, честь флага Мухаммада, честь борьбы, которую ведут братья в Сирии и во всем исламском мире» [16].

Во многих субъектах РФ действуют «комиссии по содействию в адаптации к мирной жизни лицам, решившим прекратить террористическую и экстремистскую деятельность» [17; 18]. Начало этому было положено в республиках Северного Кавказа: так, первая комиссия была создана в Дагестане в 2010 г., в Ингушетии в

2011 г., в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии в 2012 г. В Чеченской Республике не создана спецкомиссия, при этом Кадыров Р. А. отмечал, что власти помогли многим молодым людям вернуться из Сирии к мирной жизни. Бывшие боевики привлечены к работе по противодействию идеологии терроризма, организовывая встречи с молодежью, выступления на телевидении и т. д. Сегодня комиссии по оказанию содействия в адаптации действуют в Республике Калмыкия, Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, Саратове, Пензе и др. Согласно Указу, «для совершенствования законодательных, нормативных, организационных и иных механизмов, способствующих проведению мероприятий по противодействию распространению террористической идеологии, а также устранению причин и условий, способствующих ее восприятию, необходимо изучить российский опыт и определить целесообразность создания в Республике Крым комиссии по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни лицам, решившим прекратить террористическую и экстремистскую деятельность» [8, с. 12].

В отчете о работе полиции за 2015 год министр внутренних дел по Республике Крым Абисов С. В. упомянул проводимые «мероприятия по выявлению вербовщиков и иных лиц, способствующих перемещению жителей Крыма на территорию Сирии», а также «отработку вернувшихся из зоны “Исламского государства”» [15]. Что представляет собой эта отработка и каким образом ее планируется осуществлять? Помощь в адаптации, учитывая опыт республик? Или привлечение к ответственности по ст. 205 «Террористический акт» Уголовного кодекса РФ? Возникают вполне очевидные вопросы: нужна ли Крыму организованная и сплоченная команда по «отработке» вернувшихся или образование соответствующей комиссии послужит катализатором появления новой волны желающих присоединиться к «братьям по оружию»?

Обратим внимание на роль современных интернет-платформ. Ввиду набирающих обороты сетевых коммуникаций, одним из основных каналов вовлечения в преступную организацию являются социальные сети. Современные технические средства связи представляют практически безграничные возможности для вербовки будущих «воинов Аллаха» благодаря скорости, доступности и эффективности тиражирования идей. Вновь возвращаясь к вопросу перехода Крыма в правовое поле РФ, отметим, что доступ ко многим сайтам, ресурсам, веб-площадкам в рамках новой конституционной парадигмы ограничен. И это наиболее зримое мероприятие по противодействию идеологии терроризма, заметное каждому пользователю Сети. Добавим также наличие доступного, обновляющегося интернет-ресурса с признанными экстремистскими материалами, необходимость в котором ранее отсутствовала. Мероприятия по препятствованию разрастанию террористических интенций на полуострове ведутся, но при непосредственном участии проджихадистских последователей из Крыма в рядах «строителей Халифата» этих мероприятий и мер недостаточно.

Среди наличествующих профилактических мер по снижению угрозы терроризма отметим информационные ресурсы, стенды, памятки и т. д. На информационном портале одного из ведущих крымских вузов в разделе

комплексной безопасности среди «наиболее характерных требований к террористу» значится «исповедовать ислам». Означает ли это, что немусульмане защищены от этого? Нет, и этому есть ряд precedентов, когда немусульмане пополняли ряды запрещенных террористических организаций: Павел Печенкин (фельдшер «скорой помощи»), Варвара Караулова (студентка МГУ), Вадим Дорофеев (московский актер) и др. Исследователями отмечается феномен «русских мусульман» [19], которому свойственен «синдром неопита с повышенной агрессивностью, фанатичным подходом к исламу, резкостью в суждениях, черно-белым восприятием реальности, желанием продемонстрировать действиями и поступками свою принадлежность к исламу» [там же]. Отметим, что «русский мусульманин» имеет не столько национальную, сколько русскоязычную обусловленность. Исповедовать ислам – не значит быть террористом. Необходимо помнить об опасности отождествления ислама с экстремизмом и терроризмом. Как верно заключил автор, «есть мусульмане, а есть исламисты, есть ислам, а есть исламизм, ... мусульмане занимаются вопросами веры, нравственности, морали, справедливости, исламисты же, прикрываясь исламом, заняты политикой и борьбой за свою собственную власть» [20].

Согласно Гаджиеву Р., «целевой группой для вербовщиков ИГИЛ является мусульманская молодёжь с низким социальным статусом или немусульманская молодёжь с огромным количеством личных проблем» [21]. Среди факторов, способствующих успешной вербовке, автор отмечает социальное положение (доход, работа), наличие семьи, удовлетворённость жизнью, уровень образования, религиозность. Было бы ошибочным полагать, что под угрозой вовлечения в экстремистски ориентированные группировки находятся необразованные, неуравновешенные (или, наоборот, закомплексованные) представители молодежи. Безусловно, тактика сторонников «бескомпромиссной борьбы за утверждение ислама любой ценой» [22, с. 25] построена на навязчивой, монотонной «поддержке» – в любой момент, при любых обстоятельствах быть рядом и предлагать свое плечо и сладкие речи о рае, полном в изобилии наслаждениями. Для этого всего лишь нужно выполнить свой «долг перед Аллахом» – принять участие в джихаде.

В мероприятиях по профилактике снижения угрозы терроризма важна разборчивость в использовании собственно исламских терминов, а именно часто фигурирующих понятий джихада, шахида, муджахида, поскольку непрофессиональное, неизбирательное словоупотребление приводит к однобокой и ограниченной трактовке исламских понятий в обыденном понимании и употреблении. Джихад, прежде всего, не «священная война с неверными», а усердие. Шахид – это не взорвавший себя террорист, а «свидетельствующий». Терроризм не имеет ничего общего с исламом, и ислам в целом «не может нести ответственности за деяния отдельных лиц, фактически действующих вне руслу религии ислама» [23, с. 70]. К тому же, т. н. джихад сегодня ведется не где-то в пустынных районах Сирии, Ливии, Ирака, а за стеной перед экраном монитора, благодаря набирающим оборот медиаджихадистам, которые не знают, с какими конкретно «неверными» ведется вооруженная борьба.

На информационном стенде Центрального автовокзала г. Симферополя, помимо пожарной/транспортной безопасности, отмечены правила действия при террористической опасности. В частности, что делать при обнаружении незнакомых оставленных вещей и предметов, а также завидев людей, поведение которых должно насторожить, например: чтение молитвы, повышенная нервозность и т. д. В нашем исследовании представляет интерес использование специфической исламской терминологии, обращение к которой требует как минимум осторожности. Акцентируем внимание на таких понятиях, как «смертник», «шахид», «пояс шахида». Как видно из информационного блока стенда: неотъемлемым атрибутом смертника является «пояс шахида». Ранее мы отметили неправомерность сведения смертника к шахиду в его традиционном исламском понимании. В этом случае, именуя террористов шахидами, тем самым осуществляются действия, препятствующие снижению угрозы терроризма. Напротив, «если мы перешли на терминологию врага, то он уже одержал победу» [24]. Заметим, что Центральный автовокзал не является секретным объектом, доступ к которому возможен по спецпропускам, а является местом массового скопления граждан и гостей города, через пассажирские залы которого ежедневно проходят сотни людей (а именно, как гласит сайт, 4500 человек – средний пассажиропоток в сутки) [25]. И свыше ста тысяч человек в месяц увозят отождествляющее заверение в равнозначности шахида и террориста, формируя информационное поле, ореол которого может иметь различные смысловые оттенки.

ВЫВОД

Исходя из определения идеологии терроризма как «совокупности идей, концепций, целевых установок...», важно выстраивать стратегии противодействия ей как аналогичной «системы», учитывая идеологические интенции терроризма, носителей и каналы распространения. Для результативного противодействия идеологии терроризма важно, имея представление об идеологии и религиозном учении, отделять терроризм от ислама, развивая навыки критического осмысления как «ограничивающего», «устанавливающего границы»: где заканчивается ислам и начинается псевдоисламская риторика. Поскольку в современном мире религия и религиозные ценности выступают в качестве «вместилища террористических идей» [26, с. 31] и служат «платформой для их реализации».

Силовое решение вопроса имеет лишь ограниченный, локальный характер, действенным методом является системное, глобальное воздействие, действующее на опережение террористических актов. Для этого важно иметь представление о терроризме, его идеологии, четко разграничивая террористические интенции, мимикрирующие под религиозные традиции и собственно религиозные ценности, в данном случае – исламские. Также принципиально отличать носителей терроризма – радикалов, лишь прикрывающихся исламом, и верующих мусульман, деятельность которых направлена на борьбу с лжемусульманскими преступниками. Традиционные исламские богословы и общественные деятели часто называют деятельность идеологов терроризма вероломной, она действительно вероломна, т. е. «ломающая веру», подрывающая традиционные основания вероучения и

дискредитирующая религию. Важно помнить об опасности использования неточно выраженных исламских терминов (таких как шахид, джихадист), ведущей к навешиванию ярлыков на тех, кто по праву не может претендовать на обозначенный статус. Идеология терроризма, имеющая четкую пропагандистскую схему трансляции, при вульгарном, гипертрофированном тиражировании псевдоисламских идей способна прорасти на уровне обыденного понимания и словоупотребления. Поэтому столь важным аспектом противодействия идеологии терроризма является повышение уровня просвещенности, разъясняющего и разграничивающего террористические и религиозные убеждения.

Список литературы:

1. Игнатенко А. А. InterТеррор в России. Улики. – М.: Европа; Институт религии и политики, 2005. – 112 с.
2. Добаев И. П. Радикализация ислама в современной России. – Москва – Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2014. – 332 с.
3. Чудинов С. И. Терроризм в контексте культуры: учеб.-метод. пособие. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. – 28 с.
4. Esposito J. L. Unholy War. Terror in the Name of Islam. – Oxford University Press, 2002. – 196 P.
5. Hoffman B. Inside Terrorism. Revised and Expanded Edition. – New York: Columbia University Press, 2006. – 512 p.
6. Schmid A. P. Violent and Non-Violent Extremism: Two Sides of the Same Coin? // The International Centre for Counter-Terrorism. – 2014. – The Hague 5. – no. 5. – P. 1–19. DOI: <http://dx.doi.org/10.19165/2014.1.05>
7. Jenkins B. M., Davis P. K. Deterrence and Influence in Counterterrorism: a Component in the War on al Qaeda. – Santa Monica: RAND, 2002. – 109 p.
8. Об утверждении Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Республике Крым на 2015–2018 годы [Текст]: указ Главы Республики Крым от 30 января 2015 г. № 26-У. – Симферополь, 2015. – 17 с.
9. Добаев И. П. Идеологические конструкты радикального исламизма // Гуманитарий Юга России, 2015. – № 2. – С. 121–129.
10. Симферополь: исламская партия проводит митинг под лозунгом: «Халифат, умма ждет тебя» [Электронный ресурс] / Независимая газета – Режим доступа: <http://www.ng.ru/news/433971.html> (Дата обращения: 8.10.2016).
11. Радикализация ислама в Крыму [Электронный ресурс] / Информационно-аналитический портал «ЕВРАЗИЯ.org» – Режим доступа: <http://evrazia.org/article/2190> (Дата обращения: 8.10.2016).
12. В прокуратуре сообщили об аресте четырех сподвижников террористической организации [Электронный ресурс] / Информационный портал Крыма «Симферополь инфо» – Режим доступа: <http://www.simferopol.info/region/663995/> (Дата обращения: 8.10.2016).
13. В Крыму идет тотальная проверка медресе [Электронный ресурс] / Политнавигатор – Режим доступа: <http://www.politnavigator.net/v-krymu-idet-totalnaya-proverka-medrese.html> (Дата обращения: 8.10.2016).
14. От «Кавказского Имарата» – и дальше... [Электронный ресурс] / Флот 2017 – Режим доступа: <http://flot2017.com/item/opinions/23179> (Дата обращения: 8.10.2016).
15. МВД РК: В Сирии на стороне ИГИЛ воевали 107 крымчан [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://gazeta-ar.ru/2051-mvd-rk-v-sirii-na-storone-igil-voevali-107-krymchan.html> (Дата обращения: 8.10.2016).
16. Акция в рамках кампании «Одна умма, один флаг, одна война» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=-zSD2dMUG1s> (Дата обращения: 15.10.2016).
17. О Комиссии по адаптации к мирной жизни [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.sovbez06.ru/o-komissii-po-adaptatsii-k-mirnoy-zhizni/> (Дата обращения: 8.10.2016).

18. Об утверждении Положения о Комиссии при Президенте Республики Дагестан по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни лицам, решившим прекратить террористическую и экстремистскую деятельность на территории Республики Дагестан [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dagestan-gov.ru/doc/7446> (Дата обращения: 29.10.2016).
19. Сулейманов Р. Р. «Русские мусульмане»: обзор феномена [Электронный ресурс] / Р. Р. Сулейманов – Режим доступа: <http://kavkazgeoclub.ru/content/russkie-musulmane-obzor-fenomena> (Дата обращения: 29.10.2016).
20. Ахметов С. Ислам и исламизм [Электронный ресурс] / С. Ахметов – Режим доступа: <http://islam-today.ru/obsestvo/islam-i-islamizm/> (Дата обращения: 29.10.2016).
21. Гаджиев Р. Анализ пропагандистских технологий ИГИЛ в Интернете [Электронный ресурс] / Р. Гаджиев – Режим доступа: <http://politmos.ru/2995-analiz-propagandistskih-tehnologiy-igil-v-internete.html> (Дата обращения: 13.11.2016).
22. Сюккййнен Л. Р. Исламская правовая мысль против экстремизма и терроризма // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2011. – № 1. – С. 24–43.
23. Дамаскин О. В. Актуальные вопросы организации противодействия терроризму // Вестник военного права. – 2016. – № 1. – С. 67–75.
24. Бахревский Е. «Пояс шахида» и наше поражение [Электронный ресурс] / Е. Бахревский – Режим доступа: <http://www.zavtra.ru/content/view/2004-11-1772/> (Дата обращения: 29.10.2016).
25. Государственное унитарное предприятие Республики Крым «Крымавтотранс» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://krimavtotrans.info/avtovokzal-centralnyy.html> (Дата обращения: 15.05.2017).
26. Миронов В. В. Философское обоснование противодействия терроризму и экстремизму // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Москва, МГУ 13–14 октября 2010 г. – Т. 1. – С. 29–35.

Kuzmenko N. S. On the Issue of Countering the Ideology of Terrorism in the Crimea // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 1. – P. 13–21.

The article is devoted to the topical problem of the spread of terrorism and the counteractive effective measures elaborating. Regarding the Crimea, it is important to take into account several aspects: the multi-confessional and polyethnic features of the Republic of Crimea, the integration of the Crimea into the political and legal field of the Russian Federation, the role of the Crimean region in the plans of the Proto-Caliphate radicals, the participation of Crimean- supporters of terrorist organizations in military operations on the side of terrorist groups. On the basis of the Comprehensive plan of counteraction to ideology of terrorism in the Republic of Crimea for 2015 – 2018, and the definition of the terrorism ideology itself, the need to influence on the system of terrorism reproduction in general was noted, the basis of which is the ideology of terrorism, its carriers, channels of distribution. It is also emphasized the role today's web resources as factors contributing to the involvement of new followers in the radical circles and as effective and affordable agent of transmission and replication of anti-Islamic rhetoric. The author insists on the correctness of the use of Islamic concepts, in particular, taking into account the danger of identifying Islam with extremism and terrorism. The phenomenon of "Russian Muslims" is represented, which is characterized by the increased fanatical approach of new proselytes. The use of traditional Islamic ideas as a cover and justification of actions dictated by the ideologists of terrorism was noted.

Keywords: terrorism, ideology of terrorism, traditional Islam, Crimea

References

1. Ignatenko A. A. InterTerror v Rossii. Uliki [InterTerror in Russia. Evidence]. Moscow, Europe publ., Institute of Religion and Politics, 2005, 112 p.
2. Dobaev I. P. Radikalizacija islama v sovremennoj Rossii [Radicalization of Islam in Modern Russia]. Moscow – Rostov-on-Don, Social and Humanitarian Knowledge, 2014, 332 p.

3. Chudinov S. I. *Terrorizm v kontekste kul'tury: ucheb.-metod. Posobie* [Terrorism in the Context of Culture]. Novosibirsk, Publishing house of NSTU, 2011, 28 p.
4. Esposito J. L. *Unholy War. Terror in the Name of Islam*. OxfordUniversityPress, 2002, 196 p.
5. Hoffman B. *Inside Terrorism. Revised and Expanded Edition*. New York, Columbia University Press, 2006, 512 p.
6. Schmid A. P. *Violent and Non-Violent Extremism: Two Sides of the Same Coin? The International Centre for Counter-Terrorism. The Hague* 5, no. 5 (2014), P. 1–19. DOI: <http://dx.doi.org/10.19165/2014.1.05>
7. Jenkins B. M., Davis P. K. *Deterrence and Influence in Counterterrorism: a Component in the War on al Qaeda*. Santa Monica, RAND, 2002, 109 p.
8. *Ob utverzhenii Kompleksnogo plana protivodejstvija ideologii terrorizma v Respublike Krym na 2015–2018 gody: ukaz Glavy Respubliki Krym ot 30 janvarja 2015 g. № 26-U* [On Approval of the Comprehensive Plan to Counter Terrorist Ideology in the Republic of Crimea for 2015-2018 years: the Decree of the Head of the Republic of Crimea on January 30, 2015 № 26-U.]. Simferopol, 2015, 17 p.
9. Dobaev I. P. *Ideologicheskie konstrukty radikal'nogo islamizma* [The Ideological Constructs of Radical Islamism]. Humanitarians of the South of Russia, 2015, no.2, P.121–129.
10. *Simferopol': islamskaja partija provodit miting pod lozungom: "Halifat, umma zhdet tebja"* [Simferopol: Islamic Party Holds a Rally Under the Slogan: "Caliphate, the Ummah is Waiting for You"]. Available at: <http://www.ng.ru/news/433971.html> (Accessed: 8.10.2016).
11. *Radikalizacija islama v Krymu* [The Radicalization of Islam in Crimea]. Available at: <http://evrazia.org/article/2190> (Accessed: 8.10.2016).
12. *V prokurature soobshhili ob areste chetyreh spodvizhnikov terroristicheskoj organizacii* [The Prosecutor's Office Announced the Arrest of Four Associates of a Terrorist Organization]. Available at: <http://www.simferopol.info/region/663995/> (Accessed: 8.10.2016).
13. *V Krymu idet total'naja proverka medrese* [In Crimea there is a Total Check of Madrassas]. Available at: <http://www.politnavigator.net/v-krymu-idet-totalnaya-proverka-medrese.html> (Accessed: 8.10.2016).
14. *Ot «Kavkazskogo Imarata» – i dal'she...* [From the "Caucasus Emirate" – and More...]. Available at: <http://flot2017.com/item/opinions/23179> (Accessed: 8.10.2016).
15. *MVD RK: V Sirii na storone IGIL voevali 107 krymchan* [MIA of RC: In Syria, Fought on the Side of ISIL 107 Crimean]. Available at: <http://gazeta-ar.ru/2051-mvd-rk-v-sirii-na-storone-igil-voevali-107-krymchan.html> (Accessed: 8.10.2016).
16. *Akcija v ramkah kampanii «Odna umma, odin flag, odna vojna»* [The Action in the Framework of the Campaign "One Ummah, one Flag, one War"]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=zSD2dMUG1s> (Accessed: 15.10.2016).
17. *Komissii po adaptacii k mirnoj zhizni* [About the Commission on Adaptation to Peaceful Life]. Available at: <http://www.sovbez06.ru/o-komissii-po-adaptatsii-k-mirnoj-zhizni/> (Accessed: 8.10.2016).
18. *Ob utverzhenii Polozhenija o Komissii pri Prezidente Respubliki Dagestan po okazaniju sodejstvija v adaptacii k mirnoj zhizni licam, reshivshim prekratit' terroristicheskuju i jekstremistskuju dejatel'nost' na territorii Respubliki Dagestan* [On Approval of the Commission Under the President of the Republic of Dagestan to Assist in Adapting to Civilian Life those Who Have Decided to Stop Their Terrorist and Extremist Activities on the Territory of the Republic of Dagestan]. Available at: <http://dagestan-gov.ru/doc/7446> (Accessed: 29.10.2016).
19. *Sulejmanov R. R. «Russkie musul'mane»: obzor fenomena* ["Russian Muslims": a Review of the Phenomenon]. Available at: <http://kavkazgeoclub.ru/content/russkie-musulmane-obzor-fenomena> (Accessed: 29.10.2016).
20. *Ahmetov S. Islam i islamizm* [Islam and Islamism]. Available at: <http://islam-today.ru/obsestvo/islam-i-islamizm/> (Accessed: 29.10.2016).
21. *Gadzhiev R. Analiz propagandistskih tehnologij IGIL v Internete* [Analysis of Propaganda Techniques ISIS on the Web]. Available at: <http://politmos.ru/2995-analiz-propagandistskih-tehnologiy-igil-v-internete.html> (Accessed: 13.11.2016).
22. *Sjukijajnen L. R. Islamskaja pravovaja mysl' protiv jekstremizma i terrorizma* [Islamic Legal Thought Against Extremism and Terrorism]. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2011, no. 1, P. 24–43.
23. *Damaskin O. V. Aktual'nye voprosy organizacii protivodejstvija terrorizmu* [Topical Issues of Counter-Terrorism Organization]. *Military Law Gazette*, 2016, no. 1, P. 67–75.

24. Bahrevskij E. «Pojas shahida» i nashe porazhenie ["Shahid belt" and Our Defeat]. Available at: <http://www.zavtra.ru/content/view/2004-11-1772/> (Accessed: 29.10.2016).
25. Gosudarstvennoe unitarnoe predpriyatje Respubliki Krym «Krymavtotrans» [State Unitary Enterprise of the Republic of Crimea "Krymavtotrans"]. Available at: <http://krimavtotrans.info/avtovokzal-centralnyy.html> (Accessed: 29.05.2017).
26. Mironov V. V. Filosofskoe obosnovanie protivodejstvija terrorizmu i jekstremizmu [The Philosophical Justification of Countering Terrorism and Extremism]. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, Lomonosov Moscow State University, October 13–14, 2010, Vol. 1, P. 29–35.

УДК: 165.17

АБСТРАГИРОВАНИЕ И СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ: КОНСТИТУТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ

Лазарев Ф. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: fellazarev@rambler.ru

В статье соотносятся процессы смыслообразования и абстрагирования. Процесс смыслообразования раскрывается с точки зрения взаимосвязи структур, обеспечивающих генерацию смысла и его фиксацию. Процесс абстрагирования представлен как мыслительная процедура, определяющая объект и его понятие в теоретическом познании. В качестве контекста, позволяющего соотносить абстракцию и смысл, автор реконструирует проблему универсалий как дискуссию, развернувшуюся между позициями номинализма, реализма и концептуализма. С точки зрения интервальной методологии разрабатывается тезис, согласно которому абстракция имеет смысл (абстрагирование есть способ смыслообразования), когда обладает достаточным основанием. Ставится проблема логики абстрагирования как проблема разграничения «контекста обоснования» и «контекста открытия».

Ключевые слова: абстракция, конституитивность, смыслообразование, смысл.

В статье обсуждаются актуальные проблемы современной гносеологии, связанные с местом и ролью абстракции в познавательной деятельности человека. Является ли абстрагирование находящейся на периферии процесса познания вспомогательной процедурой или связано со смыслом и выступает источником осмысленности познания? В поисках ответа на этот вопрос мы рассмотрим абстрагирование и смыслообразование как соотносимые гносеологические концепты и на основе интервального метода реконструируем контексты их соотнесения.

МЕТОД АБСТРАКЦИИ

В своих базовых практиках у разума нет каких-то особых мощных методов постижения окружающего мира. Его «хитрость» заключается в том, чтобы свободно использовать самые обычные познавательные стратегии. Когда ему надо решить какую-то простую *практическую задачу*, он прибегает к методу «проб и ошибок»: пробует разные варианты действий в надежде, что какой-либо из них приведет к успеху. Если перед ним стоит задача найти причину какого-то криминального происшествия, он обращается к «методу гипотез», выдвигая несколько наиболее вероятных версий случившегося. Эти же методы, хотя и в несколько

модифицированном виде, он использует и в *теоретическом познании*. Пытаясь понять причину или сущность какого-то явления, ученый выдвигает соответствующую гипотезу и эмпирическим путем проверяет вытекающие из нее следствия. Если гипотеза не подтверждается, приходится придумывать новую гипотезу.

В теоретическом познании к указанным методам добавляется еще один – «метод абстракции». В его основе лежат самые простые умственные действия. Когда ученый исследует, скажем, протекание какого-либо явления, он отдает себе отчет в том, что оно может зависеть от большого множества факторов – например, от температуры окружающей среды, от атмосферного давления, воздушных потоков, химического состава и т. п. Очень часто мы сталкиваемся здесь с *бесконечным* рядом. Как поступает исследователь? Единственно возможным для себя способом: он «оконечивает» бесконечное. Он сосредотачивает свое внимание на двух-трех факторах, не принимая в расчет все остальные.

Есть ли у него какие-то *объективные основания* поступать таким образом? В большинстве случаев – нет. Но все дело в том, что другого способа как-то сдвинуться в своей работе с мертвой точки у него тоже нет. Впрочем, если перед нами естествоиспытатель, то он имеет в своем арсенале не только «умственные действия», но и экспериментальные процедуры. Поэтому в определенных ситуациях (когда есть такая возможность) вместо того, чтобы гадать, зависит ли данное явление от некоторого фактора среды или нет, целесообразно провести соответствующий опыт и получить однозначный ответ. В отдельных случаях для этой цели можно использовать мысленный эксперимент. Что касается исследователя в области социально-гуманитарных наук, то он, как правило, лишен такой возможности. В этой связи широко известны слова К. Маркса о том, что при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. «То и другое должна заменить сила абстракции» [1, с. 6].

Абстракция – важнейший инструмент познания. Мысленно отбрасывая те или иные связи и отношения изучаемого объекта, конструируя условия его рассмотрения в «чистом виде» без затемняющих суть дела обстоятельств, субъект обретает тем самым необходимую для творческого поиска эпистемологическую свободу ничем не скованного полета мысли, концептуального экспериментирования. Если разум – это птица, совершающая дерзновенный полет по бескрайним просторам вселенной познания, то абстракции – это крылья разума, позволяющие ему подниматься все выше и выше в процессе теоретического движения мысли.

Метод абстракции применяется не только тогда, когда мысль сталкивается с множеством внешних факторов, но и тогда, когда субъект имеет дело с множеством свойств самого исследуемого объекта. Последний наделяется конечным набором признаков, все же остальные возможные его характеристики отбрасываются как посторонние. Тот факт, что такой мысленный прием противоречит наблюдаемой в опыте картине, не волнует абстрагирующего субъекта. Другого пути двигаться вперед у него нет. Не поможет здесь и эксперимент. Всегда, когда разум сталкивается с непостижимой сложностью и разнообразием предметного мира, он

обращается к своему основному инструменту познания – к тому или иному типу абстракции. С помощью абстракции он упрощает сложное, «оконечивает бесконечное», целое расщепляет на части, непрерывное отображает как прерывное, существующее рассматривает как несуществующее и т. п.

СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ КАК ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Смыслообразование – одна из фундаментальных проблем в истории философии. В теоретических дискуссиях она часто выступает неявно, не осознается именно как самостоятельная гносеологическая проблема. Так, знаменитый средневековый спор об универсалиях в значительной мере касался вопросов смыслообразования. Философы имели перед собой реальный гносеологический факт – наличие общих понятий в их мыслительной практике. Возникли вопросы, касающиеся смысла: 1) что *означают данные понятия* (что им соответствует в мире); 2) как они возникают, как формируются в человеческом уме. Номиналисты утверждали, что все вещи индивидуальны и по идее каждая вещь должна была бы иметь свое индивидуальное имя. Последнее приобретает конкретное значение – свой индивидуальный предмет. Но поскольку дать всем вещам индивидуальные имена технически невозможно, то приходится использовать «общие имена», как это бывает с именами людей. Но тот факт, что разные предметы имеют одно и то же имя, не означает, что это имя выражает что-то общее между предметами. Так называемые общие понятия, та или иная универсалия – это техническое общее имя разных вещей. Противоположная школа (реализм), напротив, утверждала, что за общими именами скрываются общие *понятия*, т. е. особые смыслы, а за этими смыслами скрываются объективно существующие в реальности идеальные сущности – универсалии. Мы сталкиваемся здесь с философской версией конкретного типа смыслообразования, с трактовкой механизма возникновения общих понятий. Согласно данной версии, процесс смыслообразования основан на следующем механизме. В мире существуют объективные универсалии; последние постигаются не чувствами, а разумом. Выявление таких универсалий с помощью умозрения и есть акт смыслообразования.

Компромиссную версию выдвинул концептуализм. Первый тезис: вещи действительно все уникальны. Но общие имена имеют не только *значение* – предметы, объединенные в некоторые группы в силу их внешнего сходства, но и *смысл*, т. е. сформировавшийся в уме определенный *концепт*. Последний не имеет своего прототипа в мире, это – некоторое субъективное, идеальное образование. Но оно оказывается весьма удобным и продуктивным в нашей мыслительной деятельности. Концепт, конечно, истолковывается не просто как чисто субъективная конструкция, он что-то схватывал из реального опыта. С такой поправкой это течение оказалось более перспективным. В сущности, концептуалистская версия в той или иной форме оказалась наиболее приемлемой в дальнейшем развитии философской и логико-математической мысли, ибо она избегала крайностей платонизма и номинализма. Как отмечает С. Петров: «для концептуалистов универсалии существуют постольку и таким образом, поскольку и каким их вводит субъект, т. е. они обладают лишь идеальным существованием как

таковые, хотя могут быть адекватными отдельным аспектам действительности...» [2, с. 427]. Очевидно, что конструктивистские и интуиционистские направления в математике XX в. связаны с традицией концептуализма. Похоже, что логический аппарат современного концептуализма требует введения интенциональных объектов, для точной трактовки которых не найдены ни семантические, ни синтаксические подходы, если не иметь в виду их сведение к экстенционалам [2, с. 427].⁴

Размышляя над проблемой смыслообразования, философы в какой-то момент более пристально стали присматриваться к мыслительной процедуре, которая была известна как *абстрагирование*. В Новое время этой проблемой занялся Д. Локк. По его версии, смысл посредством абстракции возникает следующим образом. В мире существует множество предметов. У них есть разные свойства. Ум, рассматривая тот или иной интересующий его объект, фиксирует внимание на каком-либо одном или нескольких признаках, делает этот признак объектом рассмотрения, отвлекаясь от всех остальных.

В начале XX в. проблемой смыслообразования в научном познании активно интересовался Э. Мах. Последний, как известно, считал, что вещи есть устойчивые комплексы ощущений. Поскольку, однако, не все элементы такого комплекса одинаково биологически важны, то человек проявляет к одним элементам большее внимание, чем к другим. «Вот в этом разделении интереса, внимания и заключается сущность процесса абстракции» [4, с. 137]. «Подводя какой-нибудь факт, – рассуждает Э. Мах, – под известное понятие, мы *упрощаем* его, оставляя без внимания все признаки, несущественные для поставленной нами цели. Но в то же время мы обогащаем его, сообщая ему все признаки класса» [4, с. 141].

В качестве особой разновидности процесса абстракции (или в качестве стороны этого процесса) Мах выделяет *идеализацию*. Он пишет: «Существует важный прием, заключающийся в том, что одно или несколько условий, влияющих количественно на результат, мысленно постепенно уменьшают количественно, пока оно не *исчезнет*, так что результат оказывается зависимым от одних только остальных условий. Этот процесс физически часто не осуществим; и его можно поэтому назвать процессом *идеальным*, или *абстракцией*... Все общие физические понятия и законы – понятие луча, диоптрические законы, закон Мариотта и т. д. – получены через такую идеализацию... Такими идеализациями являются в рассуждениях Карно абсолютно непроводящее тело, полное равенство температур соприкасающихся тел, необратимые процессы, у Кирхгофа – абсолютно черное тело и т. д.» [4, с. 197–198].

Отрицая качественное различие между чувственной и рациональной сферами познания, Мах стремится объяснить специфику последней психической активностью субъекта. Субъект от природы обладает способностью к различным приемам мысленного деформирования и препарирования фактов. «Применимость законов природы к конкретным случаям действительности, – заключает Мах, – становится возможной только через *абстракцию*, через *упрощение*, *схематизацию*, *идеализацию* фактов, через мысленное разложение их на ... простые элементы ...» [4, с. 453].

Своеобразным продолжением идей Маха в вопросе смыслообразования явилось конструктивистское направление в философии науки, которое активно разрабатывается с 70-х годов XX в. (П. Вацлавик, У. Матурана, Н. Бергер, Н. Лукман и др.). Конструктивисты утверждали, что идеальные объекты научной теории (смыслы) – это *конструкты*, которые ошибочно было бы рассматривать как результат абстрагирующей деятельности мышления по отношению к предметам, данным нам в опыте. Конструкты являются итогом особой творческой деятельности ученых. В этом контексте отпадает вопрос об эмпирической адекватности научных смыслов как конструктов. Центр внимания перемещается на проблему внутренней непротиворечивости и преемственности, совместимости одних теоретических конструкций (теорий) с другими. «Контекст открытия» становится определяющим для оценки понятийной работы ученого.

Возникает вопрос: какую объективную значимость и ценность может иметь понятие (или смысл), образованное подобным образом? Очевидно, что такая модель познавательного процесса является продолжением и более поздним вариантом концептуалистской версии. В чем сильные и слабые стороны этого подхода? Сильная сторона связана с тем, что в данной версии хорошо схватывается творческая сторона мыслительной деятельности, реализуемой с помощью метода конструирования («контекст открытия»). Разум ничем не скован в своем полете мысли. Но когда мы переходим к «контексту обоснования», то обнаруживаются изъяны этой версии, ибо полная свобода мысли должна сочетаться (чтобы последняя шла в правильном направлении) с полным смирением разума перед истиной.

КАК РОЖДАЮТСЯ СМЫСЛЫ?

Мир как тотальность бесконечен, непрерывен и неопределен. Смыслы же всегда конечны (по своему информационному содержанию), дискретны, определены. Если исходить из того, что смыслы касаются мира и должны его как-то отображать, то как они возможны именно в качестве репрезентирующих структур? Каков механизм смыслообразования? Процесс познания начинается с того, что в тягучую тотальность мира человек помещает своего рода экран, который, с одной стороны, как бы загораживает часть мира, а с другой – позволяет создавать проекции вещей, их идеальные тени. Гносеологическим экраном подобного рода, например, в физике служит система отсчета. Таким образом, можно сказать, что познающему субъекту нужен экран, редуцирующий бесконечное к конечному, непрерывное к прерывному, потенциальное к актуальному, неопределенное к определенному, целое к части и т. д.

На первом этапе познания у человека в практиках повседневности в качестве экрана выступают его органы чувств, позволяющие получать проекции в виде ощущений, восприятий и представлений. В результате вырабатывается человекоцентристская картина мира. Вторым, более совершенным этапом познания является теоретическое освоение мира с помощью абстракций. Здесь человек конструирует концептуальный экран, некий прибор, который позволяет проникнуть в тотальность мира на объективной основе.

Результаты всякого познания относительно к средствам познания (к средствам наблюдения и к средствам абстрагирования) – это главный принцип эпистемологии. Если вы хотите что-то о чем-то сказать, вы должны иметь устройство, обеспечивающее процесс проецирования. Такие устройства на рациональной ступени познания бывают двух типов: 1) физические приборы и экспериментальные установки; 2) интервальные ситуации, выполняющие функцию познавательной позиции субъекта. Классическим примером познавательного экрана как средства познания может служить ситуация с двойственностью частиц в квантовой механике. Для того, чтобы физик имел возможность изучать элементарную частицу, он должен выделить ее из бесконечного окружения, сделать дискретной, определенной, актуальной. Для этого он должен организовать взаимодействие элементарной частицы с прибором. Только благодаря такому взаимодействию с прибором частица из состояния неопределенности переходит к чему-то физически актуальному и определенному. Опыт показал, что есть два типа приборов, порождающих физические смыслы. Один тип приборов дает нам корпускулярный образ частицы, другой тип – волновой образ. Еще один пример – это система отсчета в физике, которая представляет собой некий прибор, точнее, экспериментальную установку в виде герметичной лаборатории с наблюдателем. Последний проводит эксперименты и записывает их результаты в виде «протокольных предложений». Затем возникает проблема перевода фактических данных внутреннего наблюдателя в фактологию внешнего наблюдателя и выявления инвариантов.

Проблема смыслообразования предполагает не только процесс генерирования смысла, но и операции по его фиксации. Результатом операции *фиксирования смыслов* является выявление и закрепление в речи или в тексте смыслообразующих конструктов. Каждый такой конструкт «является набором слов, расположенных в уникальном порядке, с помощью которых фиксируется смысл. *Смысл* как бы проецируется на смыслообразующий конструкт» [4, с. 194]. Благодаря этому последнему смысл обретает свою *явленность*.

Смыслообразование – начало познания. Человеку даны первичные смыслы в виде ощущений – звуковые, цветовые, тактильные, вкусовые, большая гамма болевых ощущений, дискомфорт, приятные ощущения и т. д. Эти смыслы понятны сами собой, они *репрезентуют* мир вокруг и внутри нас. *Феномены мира предстают перед нами в гносеологической упаковке этих смыслов*. В результате мы работаем с реалиями мира (качествами, вещами, явлениями), одетыми в смыслы. При этом следует различать смыслы сами по себе (в памяти, в тексте) и вещи, упакованные в смыслы. Например, процедура опознания в следственной практике как раз и основана на том, что у свидетеля в памяти есть образ опознаваемого, с помощью которого он отождествляет образ и конкретного человека (узнает). Таким образом, перед нами особый познавательный и экзистенциальный акт. Акт встречи субъекта и объекта, человека и мира, смысла и вещи. Возникает ситуация очевидности, абсолютности, подлинности. Эту операцию можно назвать трансценденцией. Но не всякое отождествление является трансценденцией, а только такое, при котором достигается истина.

Следующий шаг – собственно смыслообразование (операция второго порядка). Здесь несколько моментов. Первый – это процедура наименования смыслов: горячее мы называем «горячим», сладкое – «сладким» и т. д. Так мы, например, объясняем смысл слов ребенку, связывая феномен со словом. Процедура наименования приводит к появлению трехъярусной познавательной структуры – феномены мира, смыслы, знаки. Знак на основе конвенции материально фиксирует смысл в его отрыве от феномена для запоминания и передачи другому информации.

В свою очередь, смыслы могут объединяться в конфигурации (например, круглое, красное, гладкое, прохладное, сладкое = яблоко). Это то, что называется восприятием. Восприятие есть комбинация первичных смыслов в некотором целом, смысловая связка (описание состояния). В этом связывании что-то вытекает из смысла, а что-то непредсказуемо. Это – разовая единичная комбинация. В этом контексте восприятие есть свернутое суждение. Память о единичном восприятии есть смысл в чистом виде. Живое восприятие есть гносеологическая упаковка. Обобщение восприятий как смыслов есть представление (обобщенный образ класса предметов определенного типа). Представление не есть трансценденция. Оно используется либо для опознавания предметов в восприятии, либо для передачи информации другому с помощью знаков. Поэтому в гносеологическом плане эти две формы нельзя ставить рядом (т. е. восприятие и представление). Представление становится трансценденцией в актах суждения о тех или иных реальных чертах мира.

Следующий шаг – кодировка смыслов. Для того, чтобы навесить знак на смысл, не является важным, какой сложности этот смысл. Одна часть смысла (первичный смысл) может стать знаком всей конфигурации. Смысл придает содержательность (осмысленность) вещи, но он придает смысл и знаку. Весьма неточно считать, что знак имеет смысл и значение, (денотат, согласно классической теории). Слово «кентавр» отсылает к смыслу «кентавр», но не отсылает к самому кентавру. Конечно, смысл («стол») может отсылать к тому феномену, который им упаковывается, но при этом вряд ли этот феномен имеет сам по себе, помимо смысла, какое-то еще «значение». С этой ситуацией столкнулся Кант, когда он ввел понятие «вещь в себе». Очевидно, что в познании смыслы, прежде всего, служат для упаковки феноменов (хотя могут функционировать и сами по себе), т. е. они были бы не нужны без «вещей в себе».

Наконец, существуют разные механизмы формирования более сложных смыслов (обобщение, конфигурации и т. п.). Это видно на примере возникновения понятий теории относительности из классической механики. Такие понятия, как масса, длина и др., с одной стороны, имеют смысл конструкторов механики Ньютона, а с другой – приобретают новую семантику релятивистской природы.

АБСТРАГИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ

Абстрагирование есть особая процедура смыслообразования. При абстрагировании происходит синтез двух противоположных процессов, логических действий – отбрасывание одних содержаний и пополнение исходного смысла другими содержаниями. Здесь процесс смыслообразования начинается с того, что

мы имеем исходный *чувственный образ* (восприятие и представление) *объекта*. Этот образ есть определенный синтез ощущений, некоторая их конфигурация, некий инвариант. Как показал Пиаже, восприятие есть тоже абстракция, выделение инварианта в процессе практического оперирования с предметом. Этот синтез предопределяет и постепенное формирование некоторой общей модели объекта, его онтологию в пределах обыденного опыта. Ум человека в познавательных целях выделяет какую-то черту предмета и делает ее самостоятельной сущностью – точкой, прямой, плоскостью, идеальным газом и т. п. На этом пути формируются тем самым новые смыслы, называемые «научными абстракциями». Из этих умственных конструкторов ученые выстраивают сложные конфигурации, новые теоретические объекты – шар, конус, куб. Так возникают более сложные смыслы. Для чего они нужны, как они работают в обыденной практике?

Пусть перед нами некий эмпирический объект. Мы говорим: «это – куб» и т. д. Тем самым мы овладеем искусством понимать на новом уровне данные нам в опыте вещи. Человек начинает их по-новому узнавать прежде всего благодаря *интерпретации*. Таким образом, здесь имеет место двоякий процесс: с одной стороны, субъект придает смысл абстракциям, словам, понятиям с помощью восполнения их в опыте, предъявляя соответствующий денотат, с другой стороны, он получает новую информацию об окружающих вещах, упаковывая их в идеальные смыслы. Последняя операция сродни процедуре измерения.

Рассмотрим пример. Пусть перед нами брусок из дерева. Как человек может получить о нем нужные ему на практике сведения количественного характера? Мы говорим: «Будем считать, что наш брусок – это геометрическая линия». Теперь приложим к бруску линейку так, чтобы их начальные точки совпали. Затем фиксируем конечную точку бруска и смотрим, с какой отметкой (цифрой) на линейке она совпадает. Это цифра и дает нам искомый ответ. Таким образом, искомая информация есть результат сравнения двух предметов, один из которых есть особое измерительное устройство, некий прибор, некая смыслообразующая система, позволяющая получать новое знание о мире. Мы намеренно использовали простейший и наглядный пример, но он раскрывает суть всякого смыслообразующего устройства. «Линейка – это пространство «возможных смыслов», возможных ответов на наш запрос. Эмпирический акт сравнения – это способ выбора интересующей нас информации, выбора нужного ответа.

Система абстракций – это тоже «линейка» или информационная «сетка», которую познающий субъект набрасывает на интересующие нас группы вещей с целью получить нужные сведения о мире. Первый этап – это идентификация. Человек говорит: «Вот эта вещь – шар, вот эта – конус, а вот эта – куб». Теперь, зная теоремы геометрии и пользуясь линейкой и циркулем, исследователь может, например, вычислить объем эмпирических предметов, из которых один похож на шар, другой – на конус, третий – на куб. Чем больше предметы подобны (изоморфны) соответствующим геометрическим фигурам, тем точнее вычисления. В обыденном опыте мы можем быть довольны, если ошибка не превышает 10–20 %. Если сходство минимально, то ценность полученной информации может приближаться к нулю. Удивительно не то, что всякое восполнение абстракции в

опыте, всякое измерение имеет погрешность, а то, что в науке при расчетах движения тел, например планет, ученые получают фантастическую точность подтверждения своих результатов. Какова должна быть точность расчета движения запускаемого космического аппарата, чтобы он мог состыковаться с МКС с точностью до сантиметра или миллиметра! Откуда же такую фантастическую точность потенциально содержат наши математические и физические абстракции, что они могут столь блестяще применяться на практике?

Концептуалистская версия смысла абстракции в принципе не может объяснить фундаментальный факт исключительной эффективности понятийного аппарата точных наук, обеспечивающего успехи научно-технического прогресса во всех сферах человеческой практики. Нужна принципиально новая версия. Научная абстракция содержит в себе почти мистический потенциал точности при описании и объяснении мира. Это чудо, этот таинственный дар, порождаемый нашим разумом, нуждается в рациональном объяснении.

Очевидно, что все три существовавшие в истории философии версии сегодня неприемлемы. Модель платонизма (реализма) отражала архаический уровень развития производительных сил и заключала в себе некий мифологический компонент, встроенный в философский дискурс, миф о существовании «автономной сферы идеальных сущностей». Версия номинализма – это антитезис платонизму, попытка сформулировать ситуацию парадокса в объяснении смыслообразования. Концептуализм как синтез реализма и номинализма отражал средневековую отсталость, застой в развитии науки и технического прогресса. Концепты средневековой мыслительной культуры действительно (если не брать математику) представляли собой весьма размытые познавательные образы, идущие из обыденного опыта.

Современная версия должна объяснить тайну научной абстракции, ее «непостижимую эффективность» (Е. Вигнер) в науке и технике. Достижения современной науки не только актуализировали проблему, но и дают ключ к ее разрешению. Именно в этом контексте и была разработана неклассическая онтология и гносеология интервальности. Новая метафизика вещей не упала с неба. С одной стороны, она является философским обобщением важнейших теоретических открытий современной науки, а с другой стороны, она как бы венчает собой многовековую традицию философских размышлений о природе концептов как инструментов постижения мира. Платон блестяще показал, что метафизика вещей не так проста, как это представляется обыденному сознанию, что существует некий более глубинный и качественный пласт проблемы. Номинализм убедил нас в том, что в споре Платона и Аристотеля ближе к истине был последний, категорически отвергавший радикальный дуализм вещей и абсолютных идей. Концептуализм разработал некую синтетическую версию, которая удачно избегала крайностей реализма и номинализма. Интервальная версия в «снятом виде» содержит в себе «рациональное зерно» предшествующих теорий, но при этом предлагает качественно новое решение.

Абстракция представляется искажающей действительность, а потому парадоксальной формой постижения окружающего нас мира вещей лишь с точки

зрения *обыденной онтологии*. Если же мы подвергнем эту последнюю критической рефлексии, то откроется существенно другая картина. Образно говоря, перед нами предстанет мир идеальных сущностей Платона, но не где-то в «умном месте», а в нашем человеческом опыте. Еще в противовес Платону Аристотель учил, что всякая конкретная вещь есть результат соединения *материи* (содержания) и потенциально существующей идеальной формы. Последняя существует не в особой сфере, а в нашем предметном мире – либо потенциально (как таковая), либо актуально (как форма вещи). Чтобы понять тайну абстракции, надо проанализировать тайну реальной диалектики бытия вещей.

Создается впечатление, что разум в своих попытках понять мир сплошь и рядом действует вопреки реальному положению дел, вопреки здравому смыслу и принципам диалектики. Например, традиционная диалектика рассматривает всеобщую связь вещей и явлений как универсальный принцип бытия и познания. Между тем стратегия абстрагирующей деятельности основывается на том, что субъект на каждом шагу отказывается принимать в расчет одни связи и опосредования вещей и фокусирует свое внимание на других. Однако удивительно, что, ученые, следуя по такому парадоксальному пути, в течении многих столетий развития научной мысли неизменно достигали поразительных результатов в постижении самых глубоких тайн природы, что обеспечило небывалый научно-технический прогресс нашего времени. Как это возможно? Как разумно разрешить этот парадокс?

Для начала следует усомниться в безупречности тезиса о том, что в основе абстрагирования лежит субъективный произвол. На чем в действительности основываются познавательные стратегии метода абстрагирования? Мировой разум хитер – как любил повторять Гегель. В чем же хитрость разума? Не следует ли предположить, что логика абстрагирования кажется парадоксальной лишь с точки зрения наших привычных представлений о структуре реальности? И не будет ли справедливо утверждать, что в природе самой абстракции не кроется никакого чуда, что на самом деле она только потому ведет нас к истине, что истинным оказывается, как говорил Маркс, сам *путь отыскания истины* и что разум действует не вопреки природе вещей, а в соответствии с ней? Может быть, следует в связи с этим пересмотреть классическую онтологию, заменив её новой «постнеклассической онтологией», которая объясняла бы нам, как с помощью абстракции возможно эффективное и целенаправленное познание реальности. Такую онтологическую модель предлагает интервальный подход. Последний исходит из следующего очевидного тезиса: та или иная абстракция ведет к истине, когда она имеет *достаточные основания*. Вопрос об обосновании абстракции, таким образом, становится в интервальном анализе ключевым.

То, от чего субъект абстрагируется в процессе познания, должно быть нерелевантным. Обосновать какую-либо абстракцию – значит рациональным путем доказать, что факторы и признаки, от которых отвлекаются при развертывании теории, являются *посторонними*. Это может быть доказано эмпирическим или логическим способом. Таким образом, в интервальной методологии существенно меняется взгляд на природу абстракции.

Абстрагируя в процессе познания, ученый действует в конечном счете не произвольно, а по определенным правилам и согласно определенной цели; он должен учитывать те «принципы запрета», те ограничения, которые как бы накладываются «природой вещей» (и данными опыта) на нашу возможность абстрагирования. В творческом поиске мы можем абстрагировать что угодно и как угодно, но, строя теорию, претендующую на объективность, следует обосновать шаги абстракции.

Таким образом, логика абстрагирования складывается из двух совершенно различных стратегий познавательной деятельности. Первая преследует цель порождения как можно большего числа новых смыслов, альтернативных решений и т. п., вторая базируется на принципе рационального оправдания и выбора подходящей идеи. При этом каждой из стратегий соответствует свой познавательный контекст. Одна связана с «контекстом открытия», а другая – с «контекстом обоснования».

Логика открытия не предусматривает каких-либо процедур обоснования. Наложить запрет на право ученого в поисках нужных решений идти на риск экспериментирования в мысли, на риск абстрагирования путем «мысленной пробы» – это значило бы парализовать движение научной мысли. Ученый волен изобретать все новые и новые альтернативы по отношению к существующим взглядам и теориям, отвлекаться от одних связей и принимать во внимание другие, искать неожиданные ракурсы видения изучаемых явлений.

Логика же обоснования не требует генерирования новых идей. Если бы наряду с процессом обоснования допускались также внезапные «скачки мысли», связанные с выдвиганием новых смысловых образований, получаемых в результате «озарений», то было бы утрачено различие между достоверным и гипотетическим в научном познании.

«Хитрость» разума в том, чтобы действовать свободно, т. е. в соответствии с «логикой вещей», исключая при этом навязывание предмету своих произвольных представлений, ибо свобода есть познанная необходимость. Любое абстрагирование допустимо, если оно не «запрещено» законами реальности. В интервальной эпистемологии исследование процесса абстракции, таким образом, переносится в плоскость *обоснования*.

В заключении можно сделать следующие выводы:

1. Научное абстрагирование представляет собой важнейший способ смыслообразования в практиках современного научного познания.
2. Важнейшим методологическим требованием к научным абстракциям является их *обоснование*.
3. Процесс обоснования предполагает три познавательные стратегии: а) анализ следствий из принятых допущений; б) проверка следствий из принятых допущений на опыте; в) выявление интервала применимости первичных абстракций теории.

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2. Том 23. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – 910 с.

2. Петров С. Неисключаемые абстракции и их роль в научном познании // Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики. Т. 1. – София, 1981.
3. Мах Э. Понимание и заблуждение: Очерки по психологии исследования. – М., Издание С. Скимунта, 1909. – 467 с.
4. Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению. – Одесса: Печатный дом, 2010. – 372 с.

Lazarev F. V. Abstract and Sence-Formation: Constitutive Foundations // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 1. – P. 23–34

This article is devoted to the disclosure of the essence of sense formation and the method of abstraction, in particular, as one of the main methods of theoretical cognition. According to the author, abstraction is the most important instrument of cognition. Mentally discarding one or another connection and relationship of the object under study, constructing the conditions for its consideration in a "pure form" without obscuring the essence of the matter of circumstances, the subject acquires the epistemological freedom of an unmistakable flight of thought, a conceptual experimentation, which is necessary for creative search, that, according to the further disclosure of this Theme is an essential factor in the process of scientific knowledge. Further, the author considers the problem of sense formation in the historical review of the stages of understanding this question, in particular, from the point of view of conceptualism. The problem of sense formation involves not only the process of generating meaning, but also the operation to fix it. The result of the operation of fixing the senses is the identification and fixation in the speech or in the text of the meaning-forming constructs. Each such construct "is a set of words arranged in a unique order, with the help of which the meaning is fixed. The meaning is projected onto the semantic construct. The author asks about the revision of the classical ontology, replacing it with a new "post-nonclassical ontology," which would explain to us how, with the help of abstraction, an effective and purposeful cognition of reality is possible. Such an ontological model offers an interval approach. The latter proceeds from the following obvious thesis: this or that abstraction leads to truth. When it has sufficient grounds. The question of justification of abstraction thus becomes the key in interval analysis.

Keywords: abstraction, constitutiveness, meaning formation, meaning.

References

1. Marks K., Jengel's F. Sochinenija. Compositions. Edition 2. Volume 23. Moscow, State Publishing House of Political Literature, 1960, 910 p.
2. Petrov S. Neiskljuchaemye abstrakcii I ih rol' v nauchnom poznanii [Non-excludable Abstractions and Their Role in Scientific Knowledge]. Leninskaja teorija otrazhenija v svete razvitija nauki I praktiki [Lenin's Theory of Reflection in the Light of the Development of Science and Practice]. Vol. 1. Sofija, 1981.
3. Mah Je. Ponimanie i zabluzhdenie: Ocherki po psihologii issledovanija [Understanding and Confusing: Essays on the Psychology of Research]. Moscow, Edition S. Skirmunt, 1909, 467 p.
4. Bogataja L. N. Na puti k mnogomernomu myshleniju [On the Way to Multidimensional Thinking]. Odessa, The Printing House, 2010, 372 p.

УДК: 304.5

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПУТЬ К РАЦИОНАЛЬНЫМ ТЕХНЕЛОГИЯМ НОВОГО ВРЕМЕНИ (1400–1650 ГОДЫ)¹

Шоркин А. Д.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: alexshorkin@mail.ru

В статье даётся краткое, на основе фактических данных, описание шести групп лидирующих в Европе инноваций периода XV – середины XVII веков.

Гуманитарные технологии Studio humanitas с ненужным преувеличением часто маркируются как «эпоха Возрождения». Но Ренессанс – не столько период в истории, сколько новое понимание человека, совместившее религиозные ценности с рациональным прагматизмом. Технелогиями реформации и протестантизма удалось рационально ограничить чрезмерную институциональную активность церкви. Технелогиями великих географических открытий был обнаружен «Новый свет», хотя перспектива достижения рациональной глобальной связности мира и до сих пор остаётся смутной. Инновации машинной техники и массового производства составили рациональную основу экономики, остающуюся неизменной до настоящего времени. Практика применения наёмной рабочей силы составила базу для формирования капиталистических отношений. Созданные представителями натуральной философии новые инструменты и методы расчёта, а также сделанные на их основе первые открытия были теми технологиями, на базе которых постепенно формировалась наука нового типа – «science».

Экономические сдвиги, инновации гуманитарного характера привели к созданию европейских национальных государств, к росту населения и достатка, тем самым резко увеличив роль Европы в мире. Комплементарное значение лидирующих технелогий в мировой культуре во многом состояло в открытии новых ареалов применения и распространения рациональности: исторического прошлого и процессов секуляризации, глобального мира и экономики, человека и знания.

Ключевые слова: лидирующие технологии, рациональность, Ренессанс, реформация, экономика, натуральная философия.

Период с начала XV по середину XVII века специфичен рядом лидирующих инноваций, которые, не отступая от традиций, нетрудно сгруппировать в несколько кластеров.

I. Первый из них составляют гуманитарные технологии Studio humanitas, которые с ненужным преувеличением часто маркируются в качестве «эпохи Возрождения».

---

¹ Статья продолжает серию, начатую автором публикацией в Учёных записках КФУ, 2015, № 1. Там же введено понятие «технелогия».

- II. Вторая из лидирующих групп – это сложившиеся к XVI веку технологии реформации и протестантизма.
- III. Технологиями великих географических открытий был обнаружен «Новый свет».
- IV. Важной инновацией этапа стали технологии машинной техники и массового производства.
- V. Новая практика применения наёмной рабочей силы составила базу для формирования капиталистических отношений.
- VI. Наконец, созданные естествоиспытателями и математиками новые инструменты и методы расчёта, а также сделанные на их основе первые открытия были теми технологиями, на базе которых начала зародиться наука нового типа – «science».

Цель статьи состоит в том, чтобы дать содержательное, на основе эмпирически фиксируемых фактов, краткое описание этих лидирующих инноваций. Их комплементарное значение для развития мировой культуры во многом состоит в поисках новых ареалов применения рационального подхода, в которые тогда были вовлечены самые разные составляющие культурной жизни.

Гуманисты придали каноническому положению Священного Писания о человеке, созданного «по образу и подобию Божьему», свежий и дерзкий смысл. Сторонники греческой «пайдейи» или латинского «виртуса» стали трактовать его в том смысле, что человек определён Творцом в качестве единственного существа, имеющего право на сотворчество с Ним, на энергичное и целеустремлённое преобразование мира. «Величие человека» здесь истолковывается вполне рационально, теологические основания не составляют альтернативы даже прагматике. Эта гуманитарная модель идеального человека с его правом на свободное творческое самоосуществление и переустройство мира оказалась для религиозных людей влиятельной санкцией, способствующей развитию техники, наук и искусств.

Из скульптурных и литературных образов человека ближе всех к этому идеалу многим казалось античное наследие. Сравнение с ним уже со времён Джотто постепенно становится высшей похвалой художнику. С XV века мода на античную классику охватывает города Италии, в Падуе торжественно происходит почётное перезахоронение Тита Ливия, на «волне интереса ко всему римскому» [1, с. 301] раскапывают дом Цицерона, идёт активный поиск античных манускриптов. Со второй половины этого века античные сюжеты фактически узаконены. Идейное наследие античности становится актуально востребованным, начался ренессанс *humanitas*, якобы «погрузившейся в сон» после падения Рима; «пробудилась» духовная культура, «угасшая» и забытая было на семь веков [2, с. 37]. Вазари вводит слово «Ренессанс»: нужен «свет» творчества, искусства, чтобы рассеять «тьму», которая сгустилась с утратой античного наследия. Прерванная тысячелетняя история античной «Академии» в XV веке возрождается открытием во Флоренции «Платоновской академии».

Живописцы возвращаются к античным традициям изображений в прямой перспективе. Индивидуальное теперь упрямо не «тонет» в общем, персональное не

инкорпорируется в безличном, а требует своего особого воплощения и изображения: возникает жанр портрета. Стремительному развитию живописи способствует открытая Яном ван Эйком технология красок на масляной основе. Фреску «Святой Троицы» Мазаччо уже выстраивает на основе математически выверенной прямой изобразительной перспективы.

Также существенно, что великолепные творения художников Ренессанса сызнова (после язычества) и теперь уже навсегда открыли человека в качестве части природы – как существо телесное, чувственное и эмоциональное.

И всё же даже в Италии до её захвата в конце XV века северными соседями, который иногда называют «похоронным звоном по Ренессансу» [1, с. 319], гуманизм был явлением элитарным. «Виртусом» мог обладать лишь «благородный» человек, отличающийся, помимо знатности и богатства, также высокими моральными качествами и тем, что он любит и ценит искусства. Гуманитарные студии всегда и везде основывали состоятельные люди, и они обычно распались со смертью меценатов. Былое общественное покровительство искусствам уверенно оттесняется персональным, расцветает жанр индивидуального портрета, живописцы пишут картины, в которых богатство заказчика выставляется напоказ, и сами картины становятся частью изображаемой роскоши. Художники покидают цех маляров, подчеркнуто дистанцируются от него в качестве новой элиты. Деление искусства на «высокое» и «низкое» быстро и надолго утверждается (оно начинает подвергаться сомнению только через многие столетия в идеологии «культуры повседневности»).

Ренессанс в целом – это не столько период истории (в чём мы солидарны с Роджером Осборном [1, с. 273]), сколько гуманитарная инновация. Расцвет искусства – это ещё далеко не расцвет цивилизации. Следует согласиться с Ф. де Ла-Бартом, который, продолжая устойчивую исследовательскую традицию, показывает, что времена даже наивысшего расцвета гуманизма вовсе не отличались гуманными нравами [3, с. 230]. Как видно из многочисленных биографических описаний, иных текстов того времени, великолепные образцы искусства, замечательные императивы свободы и приоритеты творчества вполне уживались с эгоизмом и разнузданностью многих видных деятелей Возрождения, а изысканные вкусы и изящные манеры мирно соседствовали с первобытной жестокостью и неприкрытым цинизмом. Словом, нужная гуманитарная инновация сложным образом сосуществовала с широким комплексом социокультурного наследия: что-то из него улучшала, иное впитывала без изменений или даже с искажениями.

Вместо традиционной христианской доктрины отречения от мирских благ гуманисты также утвердили действующую поныне западную рациональную парадигму непрерывной активности человека, его стремления к успеху. С XVI века Европу всё более наполняет энергия индивидуального честолюбия.

В то же время, начиная с её северных регионов, заметное распространение получают новые гуманитарные инновации «личной совести». Их созданию и распространению способствовало движение протестантизма.

Протесты были вызваны, главным образом, недостатками католической церкви и её чрезмерной институциональной активностью. Ещё такие популярные

литераторы, как Поджо Браччолини, Джованни Боккаччо или Джеффри Чосер, атаковали чревоугодие и сластолюбие монахов. Едкие насмешки позже, у Шекспира или Рабле, дополнились систематической критикой ориентации жизни на стяжательство и коммерциализацию, в коих преуспело и во многом задавало тон папство. Протесты вызывались прямым участием церкви в боевых действиях, продажами индульгенций и церковных должностей, любовницами и светской роскошью папства. «Бесстыдство» церковных иерархов, папское место как сказочный источник доходов, отказ от практического благочестия и его замещение рассудочным богословием многими воспринимались как недопустимые искажения религиозных заповедей, за которые люди были тогда наказаны, в частности, волнами эпидемий чумы. «Гаргантюа и Пантагрюэль» Франсуа Рабле за семь десятилетий XVI века выдержал более ста изданий! На вопрос «как жить духовной жизнью в мире, где правят деньги?» католические лидеры не смогли дать внятного ответа. Это сделали протестанты, о чём убедительно пишет Р. Мертон. На излёте рассматриваемого периода, с XVII века, период устойчивого экономического роста не случайно начинается в странах именно протестантского Севера.

Впрочем, в середине XVI века в Европе доминирует католическая Испания, опередившая другие страны в освоении технологий великих географических открытий. Причина временного доминирования Испании – перуанское серебро, наполнившее королевскую казну огромными ресурсами для инвестиций в экономику, в армию и флот. В конце XV века появляются многомачтовые суда и открываются великие морские пути: Бартоломео Диас достиг юга Африки, Христофор Колумб, Джованни Кабото и Педру Кабрал – американского континента. Васко да Гама вышел к берегам Индии, обойдя Африку, и побывал в Южной Америке, Фернан Магеллан совершил первое кругосветное путешествие. Германские картографы издают первый атлас мира и изготавливают глобусы. Первоначальная силовая и грабительская политика конквистадоров, деструктивная для аборигенных культур Нового Света, постепенно (хотя и бесчеловечно медленно) сменялась обычной для кросскультурных интеракций ориентацией на экономические отношения и миграционные процессы, на рациональные перемещения товаров и распространение технологий.

Быстро растущие масштабы производства нужных орудий и инструментов были бы недостижимы без развития машинных техник массового производства. Ассортимент продукции неуклонно расширялся вместе с ростом единообразия, стандартизации любого из видов производимых вещей: чтобы изготовить их много и по доступной цене, они должны быть одинаковыми. Китайская «терракотовая армия» была оснащена одинаковым оружием ещё многие столетия назад. В седиземноморской культуре становление машинных техник массового производства происходило в форме мануфактур. Они появились сначала в Византии, затем в Италии, а в рассматриваемый период стали господствовать повсеместно. С конца XIV века в Европе распространяются, прежде всего, металлургические и металлообрабатывающие мануфактуры, а XV век – это начало создания машинной техники. В горном деле, на предприятиях чёрной и цветной металлургии появляются наёмные рабочие.

Ф. Фернандес-Арместо справедливо оценивает XV век как прорыв Европы (в её сравнении с Востоком) от нищеты и хронической неполноценности [4, с. 613] к изменению положения в лучшую сторону. Рондо Камерон приводит данные, согласно которым к началу XVI века численность населения Западной Европы и её экономика наконец-то были восстановлены [5, с. 100]. Согласно А. П. Назаретяну, в первой половине этого века Европа многих областях техники уже занимает лидирующие позиции в мире, как и в темпах роста населения. Впрочем, уже к концу XVI века здесь начинает негативно сказываться избыточное давление экономики на природные ресурсы.

Прокат железных листов и резка железа, дробление руды и распил древесины, движение кузнечных молотов, изготовление жести и воздуходувные устройства – все эти и многие другие производственные процессы осуществлялись посредством механизмов, использующих силу воды. Вошли в обиход цепная водочерпалка и цепное колесо. Ветряные мельницы приводили в движение различные устройства – для получения масел, лесопильные, шнуровые. Для рытья земли применяется шнек с механическими резцами и транспортёром. Появляются высокопроизводительные «самопрялки» с челночным веретеном, мотовилом и шпулькой. Оснащённые механизмами шахты в Чехии – самые глубокие в мире (до 600 метров), а местное кальциевое стекло производилось новейшими методами штамповки и дутья. Вагонетки с породой двигались по рельсам, сначала деревянным, а позже – обитым жостью.

Машинные техники способствовали появлению многих бытовых устройств массового спроса: таких, например, как утюги, удобные висячие замки или четырёхколёсные повозки с поворотной передней осью и рессорами. На реках появились суда, движимые водяными колёсами. Для оптимизации логистики при строительстве дорог стали прокладывать туннели, а для создания мостов и набережных стали применять водолазные аппараты. Об уровне инженерного и художественного зодчества того времени могут свидетельствовать такие мировые шедевры, как ансамбли сооружений в Узбекистане с непревзойдённой (до сих пор!) по цвету и стойкости керамической мозаикой. Или собор Святого Петра в Риме, где смальта стала использоваться не только как связующий элемент, но также в качестве материала для великолепной лепнины.

Тонкости изготовления и применения специализированных инструментов, нужных для изготовления разных изделий, повлекли за собой социальные процессы рационального разделения прежде универсальных профессий, например кузнеца, на узкие направления (изготовление игл, подков и т. д.), по которым происходил персональный наём рабочей силы. Слаженности разделённых производственных усилий и согласованности ритмов работы структур мануфактур способствовало распространение часов – сначала башенных курантов, потом переносных, карманных.

О высокой распространённости мануфактур можно судить по данным, приводимым Роджером Осборном: в одной Флоренции XV века насчитывались многие сотни мастерских. 73 флорентийских «золотодельных мастерских» стали питомниками для целого ряда художников-новаторов. Из них вышли, например,

такие художники, как Брунеллески, Боттичелли или Донателло [1, с. 297]. Знаменитая скульптура святого Георгия была создана Донателло по заказу гильдии флорентийских оружейников. О масштабности предприятий можно составить представление по тому факту, что в Англии XVI века на типичной ткацкой мануфактуре, оснащённой двумя сотнями станков, трудились примерно 600 рабочих.

Одним из центров прикладной механики стал Нюрнберг, где Бернгард Вальтер предъявил публике в 1485 году первые астрономические часы. Город также славился изготовлением престижных карманных часов (они имели форму эллипсоида, за что были прозваны «нюрнбергскими яйцами»); там производилась латунь, духовые ружья, бумага и многие прочие нужные вещи [6, с. 64].

С конца XV века изготавливаемая в европейских мануфактурах артиллерия достигает такой степени совершенства, что заимствованные с Востока ракеты как боевое средство почти выходят из употребления. Также перестаёт доминировать холодное оружие, которое переходит от отношения конкуренции с огнестрельным оружием – к дополнительности с ним. Орудийные стволы стали помещать на оснащённых колёсами лафетах, для стрельбы – применять чугунные ядра, орудийные стволы начали калибровать, а ружья стали снабжать нарезными стволами и замками. В Венецианском арсенале было налажено самое крупное производство орудий, там же осуществлялась подготовка нужных специалистов в артиллерийском техническом училище. Мощь артиллерии того времени, к примеру, демонстрируют изготовленные российскими умельцами Царь-пушка и грозные (даже по названию) пищади «Три аспиды».

Разрушительная мощь передвижных и способных к точной стрельбе пушек (наряду с иными эффективными способами осады поселений за крепостными стенами) к концу XV века привели к закату города-государства. Становление европейских государств теперь сопряжено с контролем территорий посредством артиллерии и войска, а также с всеобщим налогообложением для покрытия расходов на ведение военных действий. Даже этимологически слово «государство» (state) произошло от status («состояние», «положение» человека), каковое применительно к собственности каждого гражданина и подлежало неусыпному контролю разветвлённой фискальной системой. Опорой государства в течение нескольких десятилетий становится бюрократическая машина для сбора налогов, распоряжения расходами и для военного планирования [1, с. 364]. В 1630 году появляется первая карта Европы, на которой нанесены территориальные национальные границы.

Новые технические достижения, оказавшие прямое и заметное влияние на развитие социальной реальности, транслировались изданием специальных книг. В начале XVII века в Испании выходит «Трактат об артиллерии», а в первой половине XV – труд о технике того времени «Большая веймарская рукопись». Известны также книги этого периода о строительстве башен о сельском хозяйстве, о пиротехнике и об огнестрельном оружии. Георгий Агрикола составляет первую техническую энциклопедию «О горном деле и металлургии», которая суммирует эффективные

инженерные практики и ремесленные рецепты. Леонардо да Винчи оставил потомкам более 500 страниц эскизов и описаний различных механизмов и машин.

Распространению новых идей, знаний и технологий способствует изобретение книгопечатания с помощью подвижных литер, появление в Европе печатных станков и типографий. До Гуттенберга европейцы располагали примерно 30 тысячами рукописных Библий, а к началу XVI века в 250 возникших типографиях число изданных книг (уже и на религиозные, и на светские темы) приблизилось к 10 миллионам! Работают типографии в Германии; в Кракове Ш. Фиоль издаёт кириллицей книги для Московии; в Праге и Вильно типографии основаны Ф. Скориной; на Руси, в Мстиславце, создаёт типографию Иван Фёдоров.

Методом печати художники получают гравюры – оттиски не только с деревянных, но теперь и с медных досок.

Для письма на бумаге со второй половины XV века появляются специальные свинцовые и серебряные палочки («шрифты»), а через несколько десятилетий в Италии для этого начали применять графитовые стержни – «караташ», то есть «чёрный камень». Одетый в деревянную рубашку, он позже стал «карандашом».

Новые технологии печати и письма, развитие машинной техники массового производства, растущая специализация наёмных рабочих, необходимость подготовки квалифицированных счетоводов для коммерческих и фискальных дел – все эти процессы вели к изменению конфигурации знания. В единой прежде «философии» различные цеховые умения традиционно оставались обособленными от неё, полагались второстепенными «искусствами», лишь помогающими обманывать природу, а потому, как и физический труд, – недостойным занятием для знатных, «благородных» людей. Теперь же из философии в качестве её особой и всё более независимой части начинает отделяться «натуральная философия» – тип знания, который впоследствии был назван «естествознанием». Собственно же философия, не являющаяся «натуральной», в сравнении с недавно господствующей схоластикой претерпела очевидные и существенные изменения. Рене Декарт, Фрэнсис Бэкон или Томас Гоббс создают произведения, открывающие философию Нового времени, в которой первостепенен вопрос о методах познания и преобразования мира.

Многие «натуральные философы», или, как тогда также говорили, «виртуозы», начинают активно и непосредственно участвовать в создании новых инструментов и приборов наряду с цеховыми умельцами. Голландский оптик Захариес Янсен создаёт двухлинзовый удобный в работе микроскоп. Первые телескопы появляются в Италии и Голландии. Польский астроном Ян Гевелий в начале XVII века построил телескоп длиной почти в пятьдесят метров. Развивая традиции узбекского астронома Улугбека, Тихо Браге (Дания) и Иоганн Кеплер (Германия) создали тонкие инструменты исследования звёздного неба. Галилео Галилей изготавливает телескоп с трёхкратным увеличением, изобретает маятниковые часы, термоскоп и термометр. В открытии законов свободного падения он пользуется мысленным экспериментом, а по легенде – даже опытными результатами бросания предметов с Пизанской башни. Г. Синеллиус приходит к законам преломления света строго экспериментальным путём. Пьер Вернье конструирует дополнительную шкалу

измерительных приборов – «нониус», которая многократно увеличивает точность измерений. Для расчетов применяются счётные доски «абаки», позже Джон Непер изобретает логарифмы, на основе которых конструируется, а затем более 350 лет инженерами эффективно используется такой универсальный вычислительный инструмент, как логарифмическая линейка.

Джамбаттиста дела Порта проводит эксперименты с водяным паром, результаты которых вскоре приобретут огромное значение для развития промышленности, а также конструирует камеру-обскуру, впоследствии снабжённую линзой. Э. Торричелли экспериментально обнаруживает существование атмосферного давления с помощью созданного им ртутного барометра. В 1560 году открывается престижная Неаполитанская академия естествознания, с 1617 года англичане начинают вести и сохранять списки открытий и изобретений.

Многие современные специалисты по философии техники считают, что натурфилософия и техника тогда соединились в «новый тип науки». Так, усилиями Парацельса, Амбруаза Паре и Андрея Везалия были заложены основы фармакологии и хирургии; Гильберт своей теорией соединил процессы природного и искусственного магнетизма, а Пётр Апиан и Герхард Меркатор успешно привлекали положения и данные астрономии для решения практических задач ориентирования и создания учения о нём [7, с. 107].

И всё же престиж технических инноваций оставался более низким в сравнении со статусом социальных или гуманитарных достижений. Антитеза «рук и языка», второсортность «опытного делания» и обычная распространённость иллюзий относительно незыблемости собственных подразумеваемых гуманитарных установок и социальных регулятивов («единственных и несомненных») ещё долго оставались деструктивными факторами. В конце XVI века одинаково печальную участь разделили две крупнейшие технические новации – ткацкий механический «ленточный» станок, построенный в Гданьске, на котором одновременно можно было изготавливать полтора десятка разных тканей, и английский чулочный станок, в котором вязание изделий производилось согласованными механическими движениями сотен иголок. Обе эти замечательные предтечи развитой механизированной промышленности были безжалостно уничтожены: польский изобретатель был убит, а англичанин Вильям Ли вынужден был бежать на континент, где умер в нищете. Инициатива польских «луддитов» исходила из опасавшихся разорения ремесленных «низов». Деструктивные же акции английских «луддитов» были санкционированы королевой Елизаветой, которая отказала великому изобретателю в поддержке.

Парадоксальная, казалось бы, неприемлемость некоторых из лучших технических достижений поясняется, однако, просто: во все времена уровень технических новшеств в каких-то областях способен опережать уровень гуманитарных и социальных технологий. И тогда «выскачку» без церемоний одёргивают, «ставят на место». Лидирующие на данном этапе инновации действительно прокладывали путь к рациональности Нового времени, но всё же пока не достигали её полноты, сплошь и рядом «оступаясь и прихрамывая», как о разуме в XVI веке говорил Мишель Монтень.

Универсальные на протяжении всех грядущих столетий такие средства механического крепления, как болт с гайкой, действительно, изобрели в XV веке. Но тогда гайка подходила только к тому единственному болту, который был вручную изготовлен вместе с ней и специально для неё. Машинная универсальность инструментов и способов производства, как и найм рабочей силы, становление социального слоя предпринимателей или универсальных рациональных методов science, пока оставалась в основном тенденциями. И в угадывании грандиозной перспективы этих направлений разнообразной технологической изобретательностью пока лишь «протаптывались» многие поисковые тропы. Они иногда кружили, временами заводили в тупики, но в итоге складывались в дорогу к будущему, настолько отличному от прошлого, что его потом назовут – восхищённо и сокрушённо – Новое время.

Список литературы

1. Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира / Роджер Осборн; пер. с англ. М. Колопотина. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2008. – 764, [4] с.
2. Гарэн Э. Проблемы итальянского возрождения. Избранные работы / Эудженио Гарэн; пер. с итал. – М.: Прогресс, 1986. – 394 с.
3. Делабард Ф. Беседы по истории всеобщей литературы. Часть 1. Средние века и Возрождение / Гр. Ф. де Ла-Барт. Изд. 2-е. – М.: Т-во И. Н. Кушнерёв и К, 1914. – 349 с.
4. Фернандес-Арместо Ф. Цивилизации / Фелипе Фернандес-Арместо; пер. с англ. Д. Арсеньева, О. Колесникова. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 764, [4] с.
5. Камерон Р. Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней / Рондо Камерон; пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 544 с.
6. Гюнтер З. История естествознания в древности и в средние века / Зигмунд Гюнтер; пер. с нем. П. С. Юшкевича. – СПб: Образование, 1909. – 120 с.
7. Философия техники в ФРГ / пер. с нем. и англ.; составл. и предисл. Ц. Г. Арзаканяна и В. Г. Горохова. – М.: Прогресс, 1989. – 528 с.

Shorkin A. D. The European Way to the New Age Rational Technologies (1400 – 1650) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 1. – P. 35–44

The article gives a brief, fact-based, description of the six groups of European leading innovation period of XV – middle XVII centuries.

The humanitarian technologies Studio humanitas are often labeled as "Renaissance". But the Renaissance is not so much a period in history, as a new understanding of a man that combines religious values with rational pragmatism. It became possible to restrict by the technologies of the reformation and the excessive institutional activity of the Church. The «New World» was discovered by the technologies of the great geographical discoveries although the prospect of reaching a rational global connectivity of the world still remains vague. Innovations of machine technology and mass production made the rational basis of the economy remaining unchanged until the present time. The practice the use of hired labour formed the basis for the formation of capitalist relations. Created by the representatives of natural philosophy new instruments and methods of calculation and also first discoveries made on their basis were the technologies that gradually formed a new type of investigations – "science".

Economic shifts, innovations of a humanitarian nature led to the creation of European national states, the growth of population and wealth, thereby greatly increasing the role of Europe in the world. The complementary value of the leading technologies in world culture has largely consisted of the opening of new

areas of application and distribution of rationality: the historical past and the processes of secularization, global peace and Economics and human knowledge.

Keywords: the leading technologies, rationality, the Renaissance, the reformation, Economics, natural philosophy.

References.

1. Osborn R. *Civilizaciya. Novaya istoriya Zapadnogo mira* [The New History of the Western World]. Transl. from English by M. Kolopotin. Moscow, AST: AST Moskva: Khranitel', 2008, 764, [4] p.
2. Garehn E. *Problemy ital'yanskogo vrozhdeniya. Izbrannye raboty* [The Problems of Italian Renaissance. The Selected Works]. Transl. from Ital. Moscow, Progress, 1986, 394 p.
3. Delabard F. *Besedy po istorii vseobshchej literatury. Chast' 1. Srednie veka i Vozrozhdenie* [Conversations on the History of General Literature. The Middle Age and Renaissance]. 2 edition. Moscow, T-vo I. N. Kushneryov i K, 1914, 349 p.
4. Fernandes-Armesto F. *Civilizacii* [Civilizations]. Transl. from English. D. Arsen'ev, O. Kolesnikov. Moscow, AST: AST Moskva, 2009, 764, [4] p.
5. Kameron R. *Kratkaya ekonomicheskaya istoriya mira. Ot paleolita do nashih dnei* [The Short Economic History of the World. From Paleolithic Period till Present Days]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEHN), 2001, 544 p.
6. Gyunter Z. *Istoriya estestvoznaniya v drevnosti i v srednie veka* [The Natural Science History in Ancient Time and The Middle Age]. Per s nem. P. S. YUshkevicha. S.-Peterburg, Obrazovanie, 1909, 120 p.
7. *Filosofiya tekhniki v FRG* [The Philosophy of Technology in FRG]. Transl. from German and English Compilation and preface C. G. Arzakanyan and V. G. Gorohov. Moscow, Progress, 1989, 528 p.

УДК 130.3

ЛИЧНОСТЬ И ТРУДЫ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО В ЭПОХУ ДУХОВНОЙ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ

Климков О. С.

Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

E-mail: ole823@yandex.ru

В статье проводится исследование значения личности и духовной философии Тихона Задонского в контексте процессов секуляризации российской ментальности. Рассматриваются его основные литературные труды и их влияние в современной культуре. Отмечено, что творчество его все еще недостаточно изучено в настоящее время и нуждается в более глубоком осмыслении. Анализируется отчетливо проявившийся в его жизни исторический конфликт между имперской идеологией, официальной церковной позицией и самосознанием отдельного верующего. Труд его, посвященный истинному христианству, вскрывает неправду христианства ложного, ставшего повсеместно распространенным. Выявляется идеал подлинной святости, связанной с глубинными потребностями человеческой души и мироустроения в целом. Ставится проблема отношений между государством, церковью и обществом. Крайности религиозного мистицизма и светского рационализма заставляют Тихона искать новый путь для осуществления православной духовности

Ключевые слова: христианская философия, православие, секуляризация, церковь, Тихон Задонский.

Вчитываясь в строки творений святителя, почти зримо ощущаешь жизненную их силу, погружаешься в его духовный универсум. Особые мелодичные обороты речи, органично переливающейся с языка русского на церковнославянский, трогательные выражения, присущие крестьянскому говору, – всё это лишь достойная и вполне уместная форма, облекающая главное содержание многостраничных трудов – мир «истинного христианства», как его понимал и смог выразить «русский Златоуст».

Человеку, привыкшему читать тексты «по диагонали», будет непросто войти в плавную, неспешную речь мыслителя Задонского. Именно речь! Ведь большая часть его сочинений представляет собой расшифрованную стенограмму живого слова автора. «Кроме книги «О истинном христианстве», прочие писал он не своею рукою, а диктовал писцам и весьма быстро» [1, с. 366], – свидетельствует его современник митрополит Евгений (Болховитинов). Святитель ненавидел праздность и пребывал в неустанных трудах. Уволившись на покой, первое время «упражнялся он в богомыслии, рассуждая и умозрительно рассматривая суету и превратность

мира сего: по прошествии года своего уединенного здесь пребывания, начал он упражняться в сочинении душеполезных для всего христианского общества трудов своих» [2, с. 577], – пишет келейник посвященного Иван Ефимов.

Впрочем, довольно дифирамбов стилю. Вполне правомерен вопрос: а стоит ли вообще нашему современнику раскрывать эти толстенные фолианты, готовясь притом к преодолению трудностей восприятия? Ещё и пресловутый темп жизни... Что будет наградой за труд? Проще говоря, насколько актуальна проблематика исследования? Свт. Тихон Задонский являет собой одну из величайших фигур на духовном горизонте XVIII столетия. Его влияние на русское общество той эпохи трудно переоценить. Но что же мы можем почерпнуть из этой сокровищницы духовной премудрости, составленной из писаний смиренного подвижника? К ответу на все эти вопросы мы сможем, возможно, прийти, ознакомившись с его духовным учением. Отметим лишь, что при великой популярности личности и творений свт. Тихона в прошлом в настоящее время его можно считать недостаточно изученным мыслителем.

Личность святителя Тихона представляет собой в высшей степени замечательное явление, притягивающее взор читателя. Жизнь деревенского мальчика, взошедшего на высоту архиерейской власти и вскоре сменившего её на скромное уединение монашеской кельи, изобилует удивительными чудесами и событиями. Подробное их описание можно найти в многочисленных жизнеописаниях. Проследим основную канву его жизни, отмечая при этом наиболее характерные и выразительные черты личности великого русского подвижника. Будущее светило нашего Отечества родился в 1724 г. в Новгородской губернии в бедной семье сельского дьячка. При крещении был назван Тимофеем. «Все члены семьи предпочитали суровую и трудную жизнь церковнослужителя обеспеченной жизни мирянина» [3, с. 22]. Любовь старших братьев дважды уберегла мальчика от выхода из духовного сословия.

В 1738 г. Тимофей (под фамилией Савельев) был включен в число учеников духовной славянской школы при Новгородском архиерейском доме, преобразованной спустя два года в семинарию, в которой ему пришлось учиться в до 1754 года. Слишком медленно прирастала новооткрытая семинария высшими классами. Однако уже с 1750 г. он назначается преподавателем греческого языка, что принесет будущему ученому монаху большую пользу, так как ему открылся доступ к изучению Нового Завета и святоотеческих творений на языке оригинала, что позволило восполнить недостатки семинарского образования, весьма подпорченного латинской схоластикой. Ведь тогда в семинариях «преобладала над всем схоластическая ученость, когда между словом и делом, между мыслию и действительностью не было ничего почти общего, когда о многом и очень хорошо говорили, но очень мало или же совсем ничего не делали» [4, с. 107]. Это наложило определенный отпечаток на манеру сочинительства Тихона, однако, как я уже отмечал ранее, «несмотря на схоластическое обрамление, его учение раскрылось как оригинальное, живое и святоотеческое» [5, с. 128].

В 1758 г. Тимофей Соколовский (с 1751 г. за ним известна эта фамилия) принимает монашеский постриг, к которому уже давно стремилась его боголюбивая

душа. Теперь он Тихон. В этом же году его переводят на должность преподавателя философии. Далее мы можем наблюдать образец стремительной церковной карьеры. Уже в 1761 г. происходит хиротония его во епископа Кексгольмского и Ладужского, а ещё через два года ему будет предоставлена должность епископа Воронежского. По настоянию императрицы Екатерины ему пришлось присутствовать, сделав по пути к новой кафедре остановку в Москве, на суде над епископом Арсением (Мацеевичем), осмелившимся открыто выступить против её церковной политики. Это судилище произвело на него тяжелейшее впечатление, вызвав нервное потрясение с головокружениями и обмороками. Думается, это было одно из ключевых событий в его жизни, существенно повлиявшее на его отношение к светской имперской идеологии. «Не менее удручающе подействовало на святителя весьма плачевное состояние его епархии. Вследствие обширности территории, разнородности национального и социального состава населения, малообразованности духовенства и народа, отсутствия хороших духовных училищ, скудости средств архиерейского дома Воронежская епархия была одной из труднейших в то время для церковного управления. На территории Войска Донского население епархии сложилось в основном из случайных поселений беглых людей и раскольников. В подавляющем большинстве духовенство состояло из людей малообразованных или совсем необразованных; а народ хотя и отличался простотой образа жизни, но был мало сведущ в православной вере. Несмотря на многочисленное население епархии, она была едва ли не самой беднейшей» [3, с. 37–38]. Мы не будем задерживаться на архиерейской деятельности свт. Тихона, отметив лишь тот факт, что труды его по духовному и материальному благоустройству епархии были поистине колоссальны, что можно увидеть из многочисленной литературы, посвященной данному периоду его деятельности.

Однако душа подвижника стремилась к уединенной и простой жизни, исполненной богомыслия и молитвенного созерцания. Ему оказался глубоко чужд весь уклад архиерейского бытия в империи, старавшейся втиснуть живой организм Церкви в прокрустово ложе ведомства православного вероисповедания. Государство, официально декларировавшее свою православность, и общество, уже не делавшее и этого, подспудно чуждались христианства, обьязычивались. Конечно, это было открыто духовному взору святителя, умевшего распознать скрытые от поверхностного взора глубинные процессы духовного упадка. Дав своему основному труду заглавие «Об истинном христианстве», он констатировал широко распространившееся в России влияние христианства ложного. Вся его жизнь и литературная деятельность стала духовным протестом против сложившегося порядка вещей, удушающего проявления искренней веры.

«Кажется, что, на опыте убедившись в ничтожности достигаемых государственно-церковными средствами результатов, святитель сознательно задается разрешением вопроса: как помимо них обрести и сохранить дух истинного христианства. Кажется, что на этом пути пастырство постепенно становится для него альтернативой и заменой царства. Иными словами, речь идет уже не о третьем Риме и вообще не о симфонии царства и священства, но о том, как собрать и сохранить Церковь в пустыне мира уже независимо от его – мира – общественно-

государственного устройства – иными словами, его заданной временем формы» [6, с. 26].

«Таким образом, воронежская паства озаряема была учением и примером сего Пастыря только 4 года и 7 месяцев, и разлучилась с ним в самых последних числах Декабря 1767 года» [1, с. 362], – свидетельствует современник. Только на третий раз прошение его об отставке было удовлетворено. «У него всегда простирались мысли ко уединению и пустынной жизни, о чем он часто говаривал: “Если бы можно было, я бы и сей сан с себя сложил, и не токмо сан, но и клобук и рясу снял с себя и сказал бы о себе, что я простой мужик, и пошел бы себе в самый пустынный монастырь и употребил бы себя в работу, как-то: дрова рубить, воду носить, муку сеять, хлебы печь и прочее; но тая беда, что у нас в России сего сделать не можно”» [2, с. 562], – вспоминает его келейник Чеботарев. С великой радостью вышел на покой архиерей-аскет. Пробыв немного времени в Толшевском монастыре, он обрел постоянное место своего уединения в Задонском Богородицком монастыре, где провел последние пятнадцать лет своей жизни. Эти годы раскрыли в его светлой личности подлинный образ святости, что не могло укрыться от русского народа, чуткого к проявлению горнего в нашей скорбной жизни. Люди вереницей шли к нему при жизни. Но ещё больший поток людской устремился к нему по смерти. 13 августа 1783 г. на 59-м году жизни святитель отошел ко Господу. В 1861 г. последовало причисление его к лику святых. Торжества в честь официальной канонизации в Задонске собрали около трехсот тысяч человек.

Свт. Тихон Задонский оставил нам богатое литературное наследие. При жизни писателя его сочинения не печатались. Часть их переписывалась и передавалась заинтересованным людям. В своем духовном завещании он поручил своему келейнику Ивану Ефимову представить их на рассмотрение Святейшего Синода. Благодаря его усердию через несколько месяцев после кончины святителя началось постепенное печатание его творений, начиная с кратких нравоучительных слов. В 1825–1826 гг. митрополит Евгений (Болховитинов) издает полное собрание сочинений его в 15-ти томах, которое было впоследствии еще дважды переиздано в том же виде. Новое критическое издание, основанное на изучении подлинных рукописей автора и восстановлении целостности текста, увидело свет в 1875 г. Впервые все материалы были расположены в хронологическом порядке и составили собой пять увесистых томов. Это издание было повторено еще два раза, а также было перепечатано репринтным способом в 1994 г. Свято-Успенским Псково-Печерским монастырем, уместившим все пять томов в два огромных фолианта. Что же касается отдельно изданных произведений мыслителя Задонского можно утверждать, что количество их как по наименованиям, так и по тиражам просто огромно. Востребованность литературных трудов святителя налицо. То же самое мы видим, обратившись к обзору литературы о нем. Библиографический указатель В. В. Литвинова, вышедший в 1911 г. (через год автор публикует к нему дополнения) к 50-летию его прославления, насчитывает 51 страницу. Вскоре после него выходит указатель изданий и статей, посвященных этому юбилею, составленный А. Д. Фаддеевым. Весьма обширный указатель содержится в уже цитированном нами труде схиарх. Иоанна (Маслова). Наиболее полный указатель

изданных творений свт. Тихона и литературы о нем содержится в недавно изданном сборнике его избранных трудов, включающем помимо малых произведений 38 статей из «Сокровища духовного...» (монументальный труд «Об истинном христианстве» здесь не представлен вовсе). В 2006 г. отдельным сборником были переизданы (по 5-му собранию Творений) письма подвижника Задонского.

Мы обозрели вкратце историю изданий творений свт. Тихона Задонского и обозначили основные указатели посвященной ему литературы. Её объем впечатляет, но почти вся эта литература принадлежит дореволюционной эпохе и носит в основном агиографический характер. Что же можно сказать о наличии более или менее современных историко-философских и историко-богословских исследованиях, где бы анализировалось собственно идейно-концептуальное содержание сочинений нашего мыслителя? К сожалению, здесь нас ожидает весьма скудная жатва. Ставший уже классическим труд протоиерея Георгия Флоровского, увидевший свет в 1937 г. в Париже, и фундаментальное исследование протоиерея Василия Зеньковского, изданное там же в 1948 г., включают краткий (3 и 2 страницы соответственно) анализ учения свт. Тихона. В «Очерках...» А. В. Карташева имеется беглое и неточное описание (1,5 страницы) жизни святителя. Курс лекций русского католика иеромонаха Иоанна (Кологривова), вышедший на русском языке в Брюсселе в 1961 г., включает целую главу, посвященную Тихону Задонскому.

Единственная нам известная монография о нем – это монументальное исследование схииеромонаха Иоанна (Маслова), выполненное им в качестве магистерской диссертации в Московской духовной академии и изданное в 1993 г. К ней прилагалась обширная симфония, составленная к трудам святителя. Будучи ревностным подвижником, он смог вчувствоваться в духовный мир святителя Тихона и дать превосходный анализ его учения, составив при этом наиболее полное из существующих ныне его жизнеописаний. «Составленное отцом Иоанном житие святителя Тихона, охватывая все стороны его жизни и деятельности, отличается исключительной полнотой. Но ценность и особенность этого труда состоит в том, что автор не просто пересказывает события жизни святителя, а раскрывает перед читателем сокровенное святилище его души» [7, с. 208]. В современных учебниках и исследованиях по истории русской философии, не считая немногочисленных статей, имя Задонского мыслителя, как правило, упоминается эпизодически или же не упоминается вовсе.

Церковь и империя в эту эпоху далеко отстоят друг от друга по своему глубинному содержанию. Повальное увлечение мирскими успехами внешнего знания не дает остановиться на вечном. Обмирщение общества стремительно нарастает. Идеология Великой России позволяет оправдывать слишком многое. И мало кто узнает в этом начало конца имперского самодержавия, переставшего справляться со своей исторической миссией хранителя павославия. Церковь испытывает давление как материальное – секуляризация, закрытие монастырей, – так и духовное. Несерьезное отношение к христианству наверху отравляет постепенно все более широкие массы народа. Требование формального участия в Таинствах (вспомним пресловутую справку о причастии) с целью выявления

раскольников разлагает общественное сознание. Религия плотно «пристегнута» к государственной колеснице, что принижает ее в глазах интеллигенции и не дает свободно вздохнуть. Умы заполоняет просвещенческо-рационалистическая софистика. С противоположного края укореняется нездоровый мистицизм, уводящий людей в безблагодатные пространства ложной духовности. Путь подлинной веры пролегает между этими Сциллой и Харибдой, в любую секунду готовыми одурманить человеческую душу. Повсеместная имитация христианской жизни вынуждает искать христианства истинного. И мыслитель Задонский посвящает этому свой главный труд. «Он выразил представления об истинном христианстве народа, назвавшего себя именем крестьян, – то есть христиан» [6, с. 15]. Таких, как он, – немного, но их свет очень ярок. Благодаря подобным маякам, ориентиры истинно-православной жизни и мысли не были окончательно утрачены и свет их доходит даже до нашего времени, во многом созвучного той необычайно сложной эпохе.

В результате гонений Церковь обновляется. Так было всегда, так случилось и на этот раз. «Конец века был не похож на начало... Начинается XVIII век попыткой Реформации в Русской церкви. ... Но кончается ... монашеским возрождением, несомненным напряжением и подъемом духовной жизни. ... Так на разсечение Просветительного века Церковь отвечает собиранием духа... На общем фоне XVIII века ярко выделяется образ святителя Тихона. В этом образе много совсем непривычных и неожиданных черт» [8, с. 122–123], – пишет Г. Флоровский. Аналогичное мнение высказывает и А. Шмеман: «Но и под этим, ставшим до конца чуждым, государственным прессом – жизнь Церкви не замирает и “синодальный период”, вопреки очень распространенному убеждению, никак нельзя считать временем упадка, оскудения духовных сил, какого-то вырождения. ... Синодальный период отмечен также и несомненным возрождением монашества в России, и новым, незабываемым расцветом святости. Восемнадцатый век озарен образом святителя Тихона Задонского... За официальной, сложной, трагической историей Петербургской России мы видим снова и снова другую, никогда не прекращавшуюся: историю медленного собирания духа, “стяжания благодати”, просветления почерневшего человеческого образа неизреченной славой Первообраза» [9, с. 383–384]. Подтверждение находим и у И. М. Концевича: «В начале XVIII столетия наступает для монашества вековой период гонений. ... Для поверхностного взгляда могло казаться, что монашество уже окончательно погибло. На самом же деле из векового периода гонений иночество вышло очищенное и обновленное в прежней своей духовной красоте» [10, с. 202–203].

Однако в православном мировоззрении россиян наметились серьезные сдвиги в отношении принципиально нового осмысления положения Церкви и отдельного христианина в государстве. Как уже было показано выше, мечты о симфонии и третьем Риме рухнули (поразительно, но они ожили в наше время у определенной части российского общества, впрочем, это тема отдельного исследования), оставив по себе лишь внешне формальный симбиоз государства и его церковного ведомства. Подлинное же христианство устремилось на глубину, подальше от профанирующих взглядов праздной публики. Во внутренних катакомбах церковного тела

продолжался таинственный процесс богообщения и спасения душ человеческих, независимый в своем существе ни от каких обстоятельств внешней и временной жизни.

Особенности личности свт. Тихона соответствовали духу новой эпохи. Его склонность к мистическому самоуглублению оказалась весьма ценным даром в условиях «пустынного» существования. «По своей натуре, св. Тихон был склонен к отшельничеству и созерцательной монашеской жизни, ему хотелось совсем уйти от житейской суеты, – отмечает историк русской философии, – Это не только личная черта св. Тихона, – это уже знамение времени. Порывы духа, работа религиозного сознания уже не связаны никак с текущей исторической жизнью; не только нет никаких горделивых мечтаний о “священном царстве”, но церковное сознание уже находится как бы вне истории; уходит в вопросы духовной жизни *quand meme*. Это, однако, не означает равнодушия к жизни, а лишь знаменует свободу духа от гипноза жизни. Весь мир уже мыслится настолько вне Церкви, что не только нет мысли об их “сращении”, а, наоборот, христианин, живущий в мире, всегда должен духовно уходить от мира. В этом смысл и основная идея замечательного произведения св. Тихона, носящего очень характерное заглавие: “Сокровище духовное, от мира собираемое”. Здесь все уже дышит новым настроением; церковное сознание не отворачивается от мира, но и не пленяется им, не занято вопросом, как лучше мир устроить, но на каждом месте и во всех событиях стремится духовно преодолеть мир. Книга св. Тихона учит церковных людей уметь глубже прозревать во внешних событиях вечные истины и освободиться от плена суеты, от упоения текущей жизнью» [11, с. 61–62]. Духовный подвиг принужден быть сокровенным от мира.

Возрастает значение личностного начала в христианской жизни. «В эту эпоху, когда преследовалось духовное начало, когда монастыри пустели, духовно одаренные натуры должны были замыкаться внутри себя, уходить в скрытую для мира внутреннюю жизнь. Таким образом, где-то в глубинах должно было сохраняться истинное понятие о духовном подвиге, и в незаметных углах созревали духом Божии избранники, в тайном подвиге выковывавшие силу духа, благодаря которым и могла с окончанием гонений возродиться истинная монашеская жизнь» [10, с. 203–204].

Завершая этот краткий очерк, подчеркнем основные положения. Обратившись к жизнеописанию великого подвижника Задонского, мы постарались обозначить наиболее характерные черты его личности, оказавшей значительное влияние на целую эпоху, и проследить главные вехи его жизни и деятельности. Далее был представлен обзор изданий творений святителя, обзор библиографических указателей и подробный обзор современной историко-философской и историко-богословской литературы, содержащей анализ жизни и творчества Задонского мыслителя. Затем мы предложили освещение церковно-государственных отношений рассматриваемой эпохи, особо отметив ее агрессивно-секулярный характер, что помогло лучшим христианам избавиться от имперских иллюзий и перенести свои религиозные устремления во «внутреннюю пустыню сердца». Важным моментом явилась нарастающая персонализация христианской жизни,

выразившаяся в усилении личной веры и личностного содержания в деле спасения души.

Список литературы

1. Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. – М.: Русский Двор, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. – 416 с.
2. Святитель Тихон Задонский. Избранные труды, письма, материалы. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2004. – 752 с.
3. Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. Статьи разных лет. Изд. 2-е. – М.: Самшит, 1995. – 511 с.
4. Кратиров П. Св. Тихон как пастырь и пастыреучитель // Православный собеседник, кн. 1 и 2. Казань, 1897. – 618 с.
5. Климков О. С. Религиозно-философские воззрения Тихона Задонского: опыт православного мышления в схоластическую эпоху // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 18. – С. 123–129.
6. Хондзинский П. Истинное христианство в житии и трудах святителя Тихона, епископа Задонского // Святитель Тихон Задонский: Избранные труды, письма, материалы. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2004. – С. 10–48.
7. Маслов Н. В. Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Его пастырская деятельность и богословское наследие. – М.: Изд. Московской Патриархии, 1999. – 389 с.
8. Флоровский Г. Пути русского богословия. – Киев: Путь к истине, 1991. – 600 с.
9. Шмеман А. Исторический путь православия. – М.: Паломник, 1993. – 389 с.
10. Концевич И. М. Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. – М.: Лепта, 2002. – 230 с.
11. Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1. Ч. 1. – Л.: ЭГО, 1991. – 221 с.

Klimkov O. S. The Personality and Works of Tihon Zadonskyj in the Epoche of Secularization // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 1. – P. 45–53

Abstracts: The article studies the significance of personality and spiritual philosophy of Tihon Zadonskyj in the context of the processes of secularization of the Russian mentality. His main literary works and their influence in modern culture are considered. It is noted that his works are still insufficiently studied at the present time and need a deeper understanding. The historical conflict clearly manifested in his life is being analyzed between imperial ideology, the official church position and the self-consciousness of the individual believer. Becoming a bishop, he very soon began to be burdened by the accepted orders of doing things and the life of a church official. His work, dedicated to true Christianity, reveals the untruth of false Christianity, which has become ubiquitous. An ideal of true holiness is revealed, connected with the deep needs of the human soul and the world order as a whole. The problem of relations between the state, the church and society is posed. The extremes of religious mysticism and secular rationalism make Tihon to seek a new path for the Orthodox spirituality, as reflected in the increasing personalization of the Christian life and the role of personal faith in comparison with the traditional religious way of life.

Keywords: christian philosophy, orthodoxy, secularisation, church, Tihon Zadonskyj.

References:

1. Evgenij (Bolhovitinov). Slovar' istoricheskij o byvshih v Rossii pisateljah duhovnogo china Greko-Rossijskoj Cerkvi [The Dictionary Historical about Russian Writers of the Clergy of Greeke-Russian Church]. Moscow: Russkij Dvor, Svjato-Troickaja Sergieva Lavra, 1995, 416 p.
2. Svjatitel' Tihon Zadonskij: Izbrannye trudy, pis'ma, materialy [Bishop Tihon Zadonskij: Collected Works, Letters, Matherials]. Moscow, Pravoslavnyj Svjato-Tihonovskij gumanitarnyj universitet, 2004, 752 p.
3. Ioann (Maslov). Svjatitel' Tihon Zadonskij i ego uchenie o spasenii. Stat'i raznyh let [Bishop Tihon Zadonskij and his Soteriology]. 2 edition. Moscow, Samshit, 1995, 511 p.

4. Kratirov P. Sv. Tihon kak pastyr' i pastyreuchitel' [St. Tihon as a Pastor and a Teacher]. Pravoslavnyj sobesednik, book 1 and 2. Kazan', 1897, 618 p.
5. Klimkov O. S. Religiozno-filosofskie vozzrenija Tihona Zadonskogo: Opyt pravoslavnogo myshlenija v sholasticheskuju jepohu [The Religious and Philosophical Views of Tichon Zadonsky: The Experience of Orthodox Thought in Scholastic Epoch]. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009, no. 18, P. 123–129.
6. Hondzinskij P. Istinnoe hristianstvo v zhitii i trudah svjatitelja Tihona, episkopa Zadonskogo [True Christianity in the Bishop Tihon Zadonskij Life and Works]. Svjatitel' Tihon Zadonskij: Izbrannye trudy, pis'ma, materialy. Moscow, Pravoslavnyj Svjato-Tihonovskij gumanitarnyj universitet, 2004, P. 10–48.
7. Maslov N. V. Shiarhimandrit Ioann (Maslov). Ego pastyrskaja dejatel'nost' i bogoslovskoe nasledie [Schiarchimandrit Ioann (Maslov). His Pastoral Activity and Theological Legacy]. Moscow, Publishing house of the Moscow Patriarchate, 1999, 389 p.
8. Florovskij G. Puti russkogo bogoslovija [The Ways of the Russian Theology]. Kiev: Put' k istine, 1991, 600 p.
9. Shmeman A. Istoricheskij put' Pravoslavija [The Historical Way of the Orthodoxy]. Moscow, Palomnik Publ., 1993, 389 p.
10. Koncevich I. M. Stjazhanie Duha Svjatogo v putjah Drevnej Rusi [The Appropriation of the Saint Spirit in Ways of the Ancient Russia]. Moscow, Lepta, 2002, 230 p.
11. Zen'kovskij V. V. Istorija russkoj filosofii [The History of the Russian Philosophy]. Vol. 1. Ch. 1. Leningrad, JeGO, 1991, 221 p.

УДК 13.01: 75

ПРОБЛЕМАТИКА ДИАЛОГА «ВНУТРЕННЕГО» И «ВНЕШНЕГО» ПЕЙЗАЖЕЙ В НАРРАТИВНОМ НАСЛЕДИИ К. Ф. БОГАЕВСКОГО

Кузусева А. Ю.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: pantarba@mail.ru

В данной статье рассмотрена проблематика создания киммерийского пейзажа К. Ф. Богаевского как текста диалога между внутренним миром мастера и его художественной проекцией. Нарративное наследие К. Ф. Богаевского предоставляет богатейший культурно-исторический и биографический материал, в том числе описание пейзажей. Семиотический анализ писем художника призван изучить взаимосвязи между его письменным текстом и языком изобразительного искусства. Выделение коннотативного обозначения ключевых лексем «авторского текста» позволяет выстроить более полную картину творчества художника. Письма К. Ф. Богаевского демонстрируют процесс эволюции его чувственного восприятия природы, выраженного через слово. Семиотический анализ текста писем К. Ф. Богаевского позволяет выделить ключевые группы и подгруппы лексем в творчестве художника: мотив солнца, неба, родной земли и Киммерии, образы античности и «другого идеального мира», проследить изменение их коннотации в хронологическом срезе. В семиотической модели рассмотрены наиболее значимых образов в искусстве К. Ф. Богаевского отдельные полотна, созданные художником в разные периоды творчества, могут быть объединены в серии и циклы по своему внутреннему наполнению.

Ключевые слова: К. Ф. Богаевский, М. А. Волошин, Ю. М. Лотман, Киммерия.

В современной культурологии одно из главных мест занимает изучение диалога культур, взаимосвязей исторических эпох и создание семиотических систем, объединяющих различные формы проявления культурного кода. Письма К. Ф. Богаевского представляют богатейший культурно-исторический и биографический материал, в том числе описание пейзажей. В данном исследовании рассмотрена проблематика создания киммерийского пейзажа К. Ф. Богаевского как текста диалога между внутренним миром мастера и его художественной проекцией. Научная новизна заключается в семиотическом анализе писем художника и установлении взаимосвязи между письменным текстом и языком изобразительного искусства. Целью данной работы является выделение коннотативного значения его ключевых лексем.

Говоря о киммерийском пейзаже, мы невольно обращаемся к первому тексту, который определил традицию и облик всей киммерийской художественной школы в целом. Возрождение мифа о Киммерии в статье М. А. Волошина «Константин Богаевский», опубликованной в 1912 г. в журнале «Аполлон», его развитие

становится краеугольным камнем в творчестве К. Ф. Богаевского. Указанная статья стала своеобразным итогом осмысления творчества Богаевского, синтезом статьей о его произведениях за предыдущие годы. В то же время современные исследователи отмечают, что волошинский текст больше относится не столько к уже существовавшим на время его создания работам, сколько обращается к будущим произведениям, формирует своеобразную программу творчества для художника [1]. Тем не менее данная одна раз трактовка творчества К. Ф. Богаевского не могла полностью отразить все оттенки внутреннего монолога художника, его проекции на внешний мир.

Известный французский структуралист Ролан Барт в своем программном труде «Мифологии» дал точное определение литературе как одному из «механизмов полуотчуждения (или полусвобождения), призванных объективировать реальность, не доходя, однако, до ее демистификации». Литература именуется «переживаемое нами» и выполняет функцию «институционализации реальности “задним числом”» [2, с. 240]. Имя «Киммерия», данное Волошиным для определения творчества К. Ф. Богаевского и им самим поддержанное, обозначило, стало определением и, в соответствии с сентенцией Оскара Уайльда, ограничило его. То, что должно было помочь выкристаллизовать, проявить основы художественного стиля мастера, в глазах читателя и зрителя стало определенным обстоятельством, чем-то изначально данным. Процесс становления поиска «облика Земли», описанный в статье М. А. Волошина, начался задолго до создания этого текста, но после его появления он мог продолжаться только в киммерийской тематике. Внутренний монолог художника, изливаемый во внешний мир в красках и формах его полотен, подчиняется гравитации определения «Киммерия».

Традиция поиска соответствия между видимым и создаваемым пейзажем и внутренним настроением автора восходит к традиции романтического искусства первой половины XIX в., к творчеству И. К. Айвазовского и К. П. Брюллова. Пример такого соответствия в литературе начала XIX столетия приводит культуролог Ю. М. Лотман в биографии Н. М. Карамзина, для которого описание природы звучит в унисон с ходом мысли наблюдателя: «Внутреннее расположение сердца изливается на все наружные предметы» [3, с. 339]. Далее автор поясняет, что, в зависимости от настроения и душевного состояния путешественника, описываемый им вид приобретает мажорное либо минорное звучание. В минуты радости «щастие расписывает все предметы блестящими красками», но вскоре тон автора сменяется горестным наблюдением: «поля были сухи, дорога пыльна, жар несносен <...> на каждой перемене окружали его карету нищие» [там же]. Социальная и философская трактовка литературного пейзажа необходима создателю «Пантеона» для утверждения «либеральных воззрений» в царствование Павла I, для иллюстрации того факта, что мысль просвещенного человека способна преобразовать действительность. Для живописца, создающего художественное пространство, также справедливо утверждение о влиянии «внутреннего расположения сердца» на то, что мастер видит и изображает. В философии Вильгельма Дильтея появляется понятие переживания как основы душевной жизни человека: «Переживание – то, что дано мне непосредственно, изнутри, в нем нет

различия акта переживания и предмета переживания, а значит, и нет возможности ошибки, иллюзии, заблуждения» [4]. В третьей четверти XIX столетия в художественной среде сформировалось понятие «пейзаж настроения», описывающее пейзаж, далекий от условности и строгих академических канонов, эмоционально прочувствованный художником. В европейском искусстве в 1870-е годы оформляется направление импрессионизма, связанное с передачей в цвете и форме непосредственных ощущений художника, его собственного, персонального мировосприятия. Как в философии, так и в искусстве вчувствование, эмпатия, сопереживание становятся одним из ключевых методов понимания произведения. Современники Ф. А. Васильева (1850–1873), одного из первых признанных создателей русского «пейзажа настроения», отмечали его поразительную способность правдиво передавать не только изображение природы, но и его настроение, эмоциональную окраску. По словам И. Н. Крамского, автору «Оттепели» 1871 г. «было суждено внести в русский пейзаж то, что последнему недоставало и недостает: поэзия при натуральности исполнения» [5]. Художники круга Товарищества художественных передвижных выставок продолжили эту традицию. Широко известны «пейзажи настроения» Н. Н. Дубовского, И. И. Левитана, А. А. Рылова.

Наряду с герменевтической проблемой «понимания» эмоционального строя произведения, существует определенная трудность в объяснении восприятия мира самим художником. Патрик Грант, исследователь нарративного наследия Винсента Ван Гога, неоднократно приводит цитату из одного из писем художника: «It's as interesting and as difficult to say a thing well as to paint a thing» [6, с. 166]. Обращаясь к своему другу, Эмилю Бернару, Ван Гог говорит о том, что одно лишь восприятие художественного произведения неспособно отразить целиком знание о человеке, его создавшем. Анализ корпуса писем показывает, что Ван Гог ценил искусство в первую очередь потому, что оно раскрывает человечеству личность художника, позволяя нам соприкоснуться с его индивидуальным мировоззрением. Художник говорит о том, что сам он не делает большого различия между живописью и литературной формой. В его представлении, «так же трудно хорошо сказать о вещи, как рисовать саму вещь». Выделенные в тексте его писем лексемы могут быть легко сопоставлены с его произведениями. Патрик Грант выделяет повторяющиеся в письмах разных лет словесные образы, связанные с темами религии, морали, искусства; образы дома («Birds' Nests»), разрушительных сил природы («The Mistral»), человеческого страдания («Cab horses») и др. Высказанная художником точка зрения подтверждает существование проблемы семиотического анализа творчества художника в контексте его уникального жизненного опыта, скрытого от глаз стороннего зрителя.

Под влиянием личностных переживаний изменяется художественная манера другого известного представителя постимпрессионизма – Поля Гогена. Решительный разрыв с европейской традицией приводит художника к новому, оригинальному стилю. В полотнах таитянского периода Гоген нарушал анатомические пропорции, шёл на искажение перспективы, писал желтое небо, «розовую землю, синее дерево или свет без теней. Он писал так, как хотело его

художественное “я”» [7]. Американский историк искусств Джон Ревалд (1912–1994) в одной из статей альбома «Paul Gauguin» 1952 г., посвященной анализу картины «*La Orana Maria*» 1891, сравнивает эту работу с созданным во Франции «Желтым Христом» и указывает на решительные изменения в художественном решении сюжета. В одном из писем Гоген красочно описывает это полотно, перечисляя яркие цвета и экзотические элементы композиции: «*an angel with yellow wings*», «*in the background somber mountains and flowering trees*», «*a dark purple road and emerald green foreground*», «*to the left some bananas*» [8, p. 10].

В работе «*Таитянский пейзаж*» 1891 г. линии и контуры становятся более изящными, плоскости приобретают мягкость благодаря приглушенным вариациям тона, и сам по себе колорит утрачивает свои сильные акценты. Но композиция строится на тех же элементах: упрощенные формы и широкая трактовка обобщенных планов, объединенных ритмическим построением. Ревалд высказывает предположение, что подобные изменения в пейзаже связаны, в первую очередь, с изменившимся настроением художника: «*the artist found here an appropriate expression for the calm and luxuriance which had lured him to the South Seas*». [8, p. 12]. Обретенный душевный покой побуждает Гогена к поиску новых форм и красок. Сравнение темы вновь обретенного «рая на земле», выработанной художником еще до первой поездки на Таити, с «архаическим стилем» К. Ф. Богаевского позволяет увидеть общую черту в творчестве столь несхожих художников: в их произведениях находит отражение, в первую очередь, внутренний мир автора, его личностные переживания.

Настроения художника, выраженные как в его картинах, так и в письмах, устойчивые лексемы, к которым он обращается на протяжении всего творчества, позволяют глубже проникнуть в «творческую лабораторию» мастера. Письма К. Ф. Богаевского демонстрируют процесс эволюции его чувственного восприятия природы, выраженного через слово.

Один из наиболее значимых мотивов творчества К. Ф. Богаевского – образ Солнца. Здесь несомненно влияние философского мировоззрения М. А. Волошина, его «топоса», где Солнце, Луна и звезды были порождены Матерью-Землей: «реальная земля, земная жизнь и космос, жизнь Вселенной, едины» [9]. В письмах 1907–1909 гг. образ Солнца воспринимается художником через тексты стихотворений М. А. Волошина как «пустынная звезда в Дюреровской «Меланхолии», как «наше яркое солнце», как «ясное» и «мягкое» солнце Италии. В одном из писем Константин Федорович признается: «“Святое око дня”, “Тоскующий гигант”, – прекраснее и вернее не назовешь его. Я именно об этом солнце пробую писать и говорить» (Письмо М. А. Волошину, Феодосия. 14 янв[аря] 1907 г.) [10].

Во время путешествия в Италию, говоря о творчестве Сандро Боттичелли, К. Ф. Богаевский делает упор на художественное восприятие перспективы, на то, как флорентиец «легок в красках и как он понял воздух и солнце, – весь серебряный мягкий колорит Тосканы» (письмо К. В. Кандаурову, Флоренция, 10 (февраля) 1909 г.) [10]. Мотив солнечного света и Солнца сохраняет для мастера актуальность на протяжении всего творчества, от мастерской А. И. Куинджи и первых

самостоятельных работ, от полотна «Корабли. Вечернее солнце» 1912 г. (Государственный Русский музей) до работы «Горный пейзаж» 1940 г. (Феодосийская картинная галерея им. И. К. Айвазовского). Солнечный свет наполняет художественное пространство. В текстах писем же, напротив, с течением времени лексема отступает на второй план, и вот уже художник с сожалением пишет, что «на небо и солнце люблю, только стоя где-нибудь в очереди у кооператива» (письмо К. В. Кандаурову от 11 марта 1922 г.) [10].

Сопутствующий Солнцу символ творчества К. Ф. Богаевского – Небо, наполненное светом и рельефными «куинджевскими облаками». На его полотнах Небо опозитизировано и наполнено самостоятельной мистической жизнью, движением Солнца и небесных светил.

Образ феодосийского «синего неба с грозowymi облаками» сопровождает мастера в путешествии по Италии в 1909 г. Здесь, в Венеции, «голубое небо, как у нас в Крыму, весной». (письмо К. В. Кандаурову, Венеция, 29 [января] 1909 г.) [10]. В «вечном городе» Риме «гнусные постройки [...] лезут нахально к небу», мешают увидеть перспективу. В последующих письмах художник утрачивает связь с этим мотивом, но в своем творчестве он неизменно посвящает большую часть холста изображению небосвода, заполненного дрожащими солнечными лучами или серебряным светом звезд. Тем неожиданнее возрождение этого мотива в литературном дискурсе писем к С. Н. Дурылину, автору монографии «Как работал Лермонтов» 1934 года издания: «Никто так восторженно и глубоко не любил и не чувствовал небо — как он, у Пушкина нет таких строк [...]» [10]. Синтез литературного и художественного начала может служить для определения творчества самого К. Ф. Богаевского, сумевшего глубоко прочувствовать поэтическое начало в прозе М. Ю. Лермонтова.

В. Г. Шевчук отмечает, что «эстетическое бытие» художников К. Богаевского и М. Волошина определила Киммерия – «топос» их творчества, столь разного, оригинального, но единого в одном – в любви к крымской земле [8]. Мотив древней «земли Киммерии», богатой крымской истории находит воплощение во многих полотнах К. Ф. Богаевского. Образ Земли, воплощенный в строках М. А. Волошина «Земли отверженной застывшие усилья, уста Праматери, которым слова нет», приобретает в текстах его писем очертания библейского Рая («Коктебель – моя святая земля», «чудная Феодосия, в такие минуты кажется точно раем земным»). Впрочем, в послевоенные годы здесь приходится неделями жить «среди Вавилонского столпотворения» [10].

Одновременно в его культурном коде необычайно сильны античные мотивы, особенно после путешествия на «благосклонные берега Италии». В годы Первой мировой войны художник, «как раб, усаженный на галеру, прощался с родной землей». В 1929 г. в письме к М. А. Волошину он пишет: «От души тебя обнимаю и люблю тебя за то, что ты так восторженно и глубоко любишь эту бесконечно мне дорогую Киммерийскую землю. В понимании ее я ведь так многим обязан тебе».

Здесь, на краю ойкумены, мифология древнего мира обретает значение условного культурного кода, применимого к современной жизни. В одном из писем художник обращается к образу божества природы Пана: «Великий Пан –

прекраснейший бог из богов, – и никогда он не умирал на земле» (письмо С. Н. Дурылину, Феодосия, 8 июня 1931 г.) [10]. Впрочем, не только образ природного, «дионисийского» начала сопровождал художника. Временные трудности в работе над новым полотном он связывает с ожиданием, когда сам покровитель искусств – Аполлон призовет его «к священной жертве [...]». Указанная цитата служит отсылкой к стихотворению А. С. Пушкина «Поэт»: «Пока не требует поэта / К священной жертве Аполлон, / В заботах суетного света / Он малодушно погружен» [11, с. 179]. Несмотря на кажущуюся отвлеченность и замкнутость художественного стиля К. Ф. Богаевского, широкий литературный контекст его творчества указывает на родственную связь с русской культурой XIX в., с «золотым веком» русской поэзии, столь богатым на аллегории.

Мотив Киммерии, возникший под влиянием поэтических образов М. А. Волошина, в творчестве К. Ф. Богаевского приобретает значение как родной земли, Коктебеля, так и «другого идеального мира». Без стихотворных строк М. А. Волошина в письмах К. Ф. Богаевского начиная с 1915 г. не звучали бы фразы: «у берега моря в глухом и пустынном углу Крыма», «темная Киммерийская ладья проникнет в те соленые воды, “где в море спят созвездья островов”» (письмо М. А. Волошину, Херсонесский Маяк, 23 сентября 1915 г.) [10]. Для К. Ф. Богаевского как художника символично, что именно от первых этюдов маслом М. А. Волошина и более поздних рисунков с натуры начался путь цикла стихов, посвященных Киммерии, и уже через их ритмику и образный строй он воспринимает коктебельский пейзаж как «Земли отверженной застывшие усилья». Он пишет М. А. Волошину о Киммерии: «В понимании ее я ведь так многим обязан тебе» (письмо без даты, ок. 1929 г.) [10].

Вместе с тем, наряду с мотивом родной земли, К. Ф. Богаевский создает «другой неведомый, сказочно-далекий и прекрасный мир», он пишет «южный героический пейзаж в неведомой стране» на полотне «Южная страна» 1908 г. и продолжает поиски после знакомства с работами Андреа Мантеньи и иллюзией «другого идеального мира» Сандро Боттичелли. Даже в 1932 г. и в 1934 г. он стремится создать «серию воображаемых городов», «сооружаемых мною вне времени и пространства». Во второй половине 1930-х годов Богаевский находит воплощение «невиданных и неведомых для нас» лугов и лесов в русской природе, работает «в новых формах деревьев и вообще в новом мироощущении» (письмо С. Н. Дурылину, Феодосия, 14 июня 1939 г.) [10].

Продолжительные поиски идеального мира соответствуют появлению мотивов усталости, творческого кризиса. Лексемы «тоска», «печаль» постоянно присутствуют в письмах с 1907 г.: «Горит душа и тоскует...»; «Так печально мне здесь одному...», «Чувство щемящей тоски...». Сравнивая свое творчество с работами Карпаччо и Тинторетто, К. Ф. Богаевский пишет, что «прямо хоть бросай кисти, до того паскудной кажется после них собственная мазня» (письмо К. В. Кандаурову, Венеция, 29 [января] 1909 г.) [10]. Его удручают годы творческого кризиса в военный период в Севастополе, где его окружают «низкие, темные и грязные бараки» вдали от солнечной Феодосии.

Художник болезненно переживает критику советских искусствоведов, в частности И. Э. Грабаря: «Относясь к ней [живописи] критически, часто прихожу к очень печальному для себя выводу: живопись моя – не живопись, а подделка под нее» (письмо А. В. Григорьеву, Феодосия, 12 февраля 1933 г.) [10]. Позднее он напишет: «Удивительно, как я могу иной раз писать какую-нибудь пакость...». В 1936 г. К. Ф. Богаевский обращается к С. Н. Дурылину: «...почти всю зиму, да и сейчас, нахожусь в сугубо удрученном состоянии духа из-за того, что в своей работе не нахожу былой отрады, а одну муку». Собственные произведения ему кажутся «надуманными, фальшивыми в цвете и тоне». Но, несмотря на минуты отчаяния, до последних дней К. Ф. Богаевский стремится к поиску нового воплощения своего внутреннего диалога с миром.

ВЫВОДЫ

Исследование живописного и графического творчества К. Ф. Богаевского предполагает выход за пределы диалога между художником и зрителем через переживаемый визуальный опыт. Семиотический анализ писем К. Ф. Богаевского позволяет выделить ключевые группы и подгруппы лексем в творчестве художника, проследить изменение их коннотации в хронологическом срезе: мотив Солнца, Неба, родной Земли и Киммерии, образы античности и «другого идеального мира». Благодаря такому подходу для зрителя становится более доступным применение автором этих лексем, их художественная трансформация в цвете и форме. В семиотической модели рассмотрения наиболее значимых образов в искусстве К. Ф. Богаевского отдельные полотна, созданные художником в разные периоды творчества, могут быть объединены в серии и циклы по своему внутреннему наполнению. Обозначенная проблематика отображения «внешнего» и «внутреннего» пейзажа в нарративном наследии К. Ф. Богаевского требует более детального изучения в контексте его живописи и будет рассмотрена в рамках дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Самохин А. Пейзаж как историческая живопись. Средневековая Москва А. М. Васнецова и Киммерия К. Ф. Богаевского // Искусствознание. – 2015. – Том 1. – № 1–2–1. – С. 344–367.
2. Барт Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. – М.: Академический Проект, 2010. – 351 с.
3. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина / Ю. М. Лотман. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 448 с.
4. Кречетова М. Ю. Понятие «опыта» в герменевтике: Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2015. – № 4 (32). – С. 267–277.
5. Корепина Л. Ф. «Основатель русского пейзажа настроения» – Фёдор Александрович Васильев // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – № 9–8. – С. 77–81.
6. Grant P. The letters of Van Gogh: a critical study. (Cultural dialectics) / P. Grant. – AU Press, Athabasca University (December 4, 2014). – 225 p.
7. Потехин А. Б. Маргинал в контексте художественной культуры Европы: Поль Гоген // Ярославский педагогический вестник. – 2006. – № 1. – С. 20–24.
8. Pual Gauguin / text by John Rewald. – New York: H.N. Abrams, 1952. – 24 p.

9. Шевчук В. Г. Художественное пространство: от И. Айвазовского до М. Волошина // Изобразительное искусство народов Крыма: искусствоведческий и культурологический аспекты. Крымский инженерно-педагогический университет. – 2016. – С. 172–183.
10. Мысли об искусстве в 75 письмах за 40 лет творчества: Письма К. Ф. Богаевского (1904–1941 годы) [Электронный ресурс] / Феодосийский музей Марины и Анастасии Цветаевых – Режим доступа: http://tsvetayevs.org/company/bogaevskiy_b15_00.htm.
11. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. – М.: ГИХЛ, 1959. – 802 с., ил.

Kugusheva A. J. Problem of the Dialogue of "Internal" and "External" Landscapes in the Narrative Heritage of Konstantine Bogayevsky // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 1. – P. 54–62

This article considers the problems of the construction of the Cimmerian landscape as a dialogue text between the inner world of K. F. Bogayevsky and his artistic projection in the art. Narrative heritage of the artist provides a rich cultural, historical and biographical material including the description of the scenery. The semiotic analysis of the artist's letters aims to explore relationship between his written text and the language of the art. Isolation of connotative designation key tokens of «the author text» will provide more complete picture of the creativity of K. F. Bogayevsky in the context of culture of the first half of XX century. The letters of K. F. Bogayevsky show the evolution of his sensory perception of nature expressed through the word. Semiotic analysis of the text of the letters of K. F. Bogayevsky allows to identify key groups and subgroups of tokens in the artist's work and to track changes in their connotations in chronological cut: the of the Sun, the Sky, the Earth and Cimmeria, the images of antiquity and «another ideal world». Allocated problems of displaying of the «external» and «internal» landscape in the narrative heritage of K. F. Bogayevsky requires more detailed study in the context of his painting.

Keywords: K. F. Bogayevsky, M. A. Voloshin, Y. M. Lotman, Cimmeria.

References

1. Samokhin A. Peyzazh kak istoricheskaya zhivopis'. Srednevekovaya Moskva A. M. Vasnetsova i Kimmeriya K. F. Bogayevskogo [Landscape as a Historical Painting. Medieval Moscow of A. M. Vasnetsov and Cimmeria of K. F. Bogayevsky]. *Iskusstvovedenie* [Art studies], 2015, no. 1–2–1, P. 344–367.
2. Bart R. *Mifologii* [Mythologies]. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2010, 351 p.
3. Lotman Y. M. *Sotvorenie Karamzina* [Creation of Karamzin], Sankt-Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2015, 448 p.
4. Krechetova M. Y. Ponyatie «opyta» v germenevtike: F. Shleyermakher, V. Dil'tey, M. Khaydegger, G.-G. Gadamer [The Concept of "Experience" in Hermeneutics: F. Schleiermacher, Wilhelm Dilthey, M. Heidegger, G.-G. Gadamer]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 2015, no. 4 (32), P. 267–277.
5. Korepina L. F. «Osnovatel' russkogo peyzazha nastroeniya» – Fedor Aleksandrovich Vasil'ev ["The Founder of the Russian Mood Landscape" – Fyodor Vasilyev]. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii* [Modern trends in the development of science and technology], 2015, no. 9–8. P. 77–81.
6. Grant P. *The letters of Van Gogh: a critical study. (Cultural dialectics)*. AU Press, Athabasca University, 2014, 225 p.
7. Potekhin A. B. Marginal v kontekste khudozhestvennoy kul'tury Evropy: Pol' Gogen [Marginal in the Context of the Artistic Culture of Europe: Paul Gauguin]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2006, no. 1, P. 20–24.
8. Pual Gauguin. Text by John Rewald. New York, H.N. Abrams, 1952, 24 p.
9. Shevchuk V. G. Khudozhestvennoe prostranstvo: ot I. Ayvazovskogo do M. Voloshina [Artistic Space from I. Aivazovsky to M. Voloshin]. *Izobrazitel'noe iskusstvo narodov Kryma: iskusstvovedcheskiy i kul'turologicheskiy aspekty*. Krymskiy inzhenerno-pedagogicheskiy universitet [The Art of Crimean

Peoples: Art History and Cultural Aspects. Crimean Engineering and Pedagogical University], Simferopol', 2016, P. 172–183.

10. Mysli ob iskusstve v 75 pis'makh za 40 let tvorchestva: Pis'ma K. F. Bogayevskogo (1904–1941 gody) [Thoughts about the Art in the 75 Letters of the 40 Years of Creativity: Letters of K. Bogayevsky (1904–1941 years). Available at: http://tsvetayevs.org/company/bogayevskiy_b15_00.htm.
11. Pushkin A. S. Sbranie sochinenij v 10 t. [Collected Works in 10 vol.]. Vol. 2. – Moscow, State Publishing House of Fiction, 1959. – 802 s., il.

УДК 008

ДЕВЯНОСТОЛЕТНИЙ СОВРЕМЕННЫЙ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТЕАТР

Пружина И. А.

Крымский университет культуры, искусств и туризма

E-mail: fleshka_7@mail.ru

Статья содержит хронологически изложенные сведения о предыстории, зарождении и основных событиях в формировании и развитии документального театра на территории Германии, России, Англии. Автором указывается год создания первого документального спектакля немецким драматургом и режиссером Эрвином Пискактором. Раскрывается значение послужившего началом введения документальной основы спектакля 1925 г. (писем, газетных вырезок, фотографий, архивных и статистических данных и т. д.) в современное театральное искусство и драматургию, строящихся на реальных жизненных фактах. Обозначается влияние общеисторических событий на становление социального сознания, стремящегося исследовать их (события) через выразительные средства театрального искусства: атмосферу, композицию, сценичность, образность. Исследуется возможность воздействия драматургии и театрального искусства на решение проблем общественного и индивидуального характеров. Обозначаются два основных основанных на документе перспективных вектора развития драмы (по Б. И. Зингерману): метод наблюдения (observational mode) и метод интервью (participatory mode). Также статья содержит анализ практических данных. Приводятся примеры созданных драматургами на основе пьес документов: П. Вайсом, Р. Хоххутом, Х. Киппхардтом, К. Брауном, К. Черчилл и другими. Рассматриваются канонические работы режиссеров документального театра.

Ключевые слова: документальный театр, Эрвин Пискаатор, документальная драматургия, «Театр.doc».

Современный театр вызывает самые противоречивые впечатления и суждения у общественности. Поэтому при анализе такого динамично развивающегося направления театрального искусства, как документальный театр, возникает опасность перейти на сторону «защитника» или на сторону «обвинителя». Но наша цель – уйти от этой опасности и объективно рассмотреть генезис документального театра и указать ключевые факты, подтверждающие его значения для общества. Ранее научным исследованием документального театра занимались культурологи К. Т. Мамадназарбекова [1], Е. А. Апчел [2], С. М. Болгова [3], О. В. Журчева [4], педагоги Е. В. Калужских [5]. Однако рассмотрение данного вида театра от истоков к современности прослеживается, как правило, выборочно, на примерах одного или нескольких спектаклей, поставленных ныне, либо на анализе работ одного из деятелей театра. Поэтому мы решили провести более подробное исследование через рассмотрение основных черт документального театра Германии, России, Англии для хронологической систематизации событий, развивающих документальный театр.

Документальный театр возникает в 1925 г. в постановке немецкого актера и историка театра Эрвина Пискатора [6, с. 403]. Но истоки появились двумя годами ранее в 1923 г. в России в работах «синемблузовцев». «Синяя блуза» – это театр-газета, объединение, творческий коллектив, основанный Борисом Южаниным на базе «живой газеты» Московского института журналистики. В организацию входили Осип Брик, Владимир Маяковский. Главной задачей театра-газеты было проведение традиционных, в то время – агитационных пропаганд. Гастролируя в самых отдаленных регионах страны, «синемблузовцы» использовали лишь малый набор выразительных форм, таких как частушки, декламация, чтение актуальной информации по ролям, номера со спортивными элементами. Участники заполняли свой репертуар злободневными темами, раскрывали их патетически, героически, а также юмористически и сатирически [7, с. 92]. Это не единственный источник зарождения документального театра. В начале XX в. «Живой газетой» занимались американские драматург и прозаик А. Миллер, режиссеры театра и кино Д. Лоузи и Э. Казан, кинорежиссер, актер и сценарист О. Уэллс [1, с. 118].

В Германии параллельно с Россией (в 20-х гг.) организовываются подобные труппы, одной из самых известных можно назвать «Обозрение Красная Рвань» (ОКР) [8]. И эти совпадения естественны, так как и в СССР, и в Германии общество все еще восстанавливается после военных действий (1914–1918 гг.) и сталкивается с замалчиванием социальных, экономических, политических проблем, которые начинает выносить на рассмотрение именно театр на документе. Драматурги и режиссеры не скрывают в образах и театральных декламациях острые неразрешенные вопросы, а указывают на необходимость их решения. Однако документальная черта советского театра уходит из театральных направлений в связи с искоренением авангарда и возобновляется гораздо позже (в 60-е гг.).

Еще в конце XIX – начале XX вв. при создании Художественного общедоступного театра в Москве (1898 г.) начала формироваться «новая драматургия», возникали новые взгляды на театральные постановки. Так, основатели общедоступного театра К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко, отталкиваясь от своего понимания, каким должен быть современный театр, сформировали его новые идеи в виде «системы Станиславского» и новой плеяды драматургов. Пьесы, написанные в то время, были наполнены настолько сильным чувством реальной жизни, лексика использовалась максимально близкая людям, что авторов XX в., таких как А. Чехов, М. Горький и т. д., называют писателями «новой драмы». Режиссура и актерское исполнение также начали выходить за пределы привычной, «театральной», отстраненной от жизни формы. Так, для более глубокого и точного перевоплощения актеров в персонажей пьесы «На дне», написанной М. Горьким для Московского художественного театра, К. Станиславский вместе со своей труппой посещали Хитров рынок в Москве, где обитали одни из самых ярких представителей маргинального слоя людей того времени. Актеры наблюдали за жизнью и переносили ее на сцену. Что и делает сейчас современный документальный театр [9, с. 186].

Российский театральный режиссер Вс. Э. Мейерхольд (в начале своего творческого пути являвшийся учеником К. Станиславского) также использовал

документальность в своих постановках. Можно привести в пример его спектакль-митинг «Зори» (1920 г.), в котором актеры зачитывали действительные последние сводки с фронта, следовательно, информация в каждом спектакле была новая. Такой же прием был использован в спектакле «Дашь Европу» (1924 г.). В 1930 г. Вс. Мейерхольдом была добавлена интермедия о текущих событиях в спектакле «Алло, алло, говорит Москва» [10, с. 247]. Начинают инкорпорироваться элементы документальности с советским театральным действием. Советские авангардисты, создающие искусство 1920-х – 1930-х гг., вообще стремились к тому, чтобы убрать сюжет как таковой из пьесы, заменив его монтажом реальных фактов. В Германии же активно развивается традиция документальности в театре, особенно касательно постановок о вине военных деятелей и рефлексии на эти преступления.

Итак, учитывая, что понятие «документальный театр» трактуется как текст, изначально не предназначенный для сцены и не являющийся сочинением драматурга, но все же представленный в виде спектакля или частью его, можно вернуться к информации, данной в начале статьи, и указать точный год возникновения документального театра – 1925. А именно постановка Эрвина Пискатора «Несмотря ни на что» или «Вопреки всему» стала первым документальным спектаклем. Всю текстуальную основу работы составляет документ: газетные статьи, листовки, таблицы, кинохроники, записи речей, фотографии. Были использованы плакаты для трактовки смысла некоторых эпизодов [11, с. 58]. Отправной точкой исследования документального театра можно считать возвращение с фронта Э. Пискатора и его потрясение тем, что военные, общественные, трагические события эпохи никак не отражены в театре, он (театр) как будто игнорировал проблемы народной массы, «прячась» за буржуазную развлекательность. Режиссер призывает общество к борьбе с мировыми угнетателями, рассматривая театр как оружие этой борьбы, в котором вопрос художественных средств выразительности отходит на второй план.

Э. Пискатор стремился к тому, чтобы зрительный зал и сцена стали площадкой для митингов, открытых дискуссий, обсуждений реальных событий. Примкнув к течению дадаистов, которые отрицали общепринятые нормы и формы в искусстве, он часто отказывается от авторских пьес, используя только документ и его монтаж, делая коллажи. В «Пролетарском театре» он организывает бюро драматургов, особенность которого заключалась в том, что тексты писались сразу несколькими авторами, коллективно. В это бюро входил Бертольд Брехт и именно в этот период закладывались основы его «эпического театра» (хотя Э. Пискатор уже употреблял этот термин для трактовки социологических пьес). На этой почве возникли разногласия между Б. Брехтом, утверждавшим, что театр только для интеллектуального обогащения масс народа, и Э. Пискатором, говорившим о неразрывности разума и чувства в человеке. На этом режиссер и делает акцент, создавая документальный театр. Дальнейшие поиски способов идеологического показа действительности приводят к работе и над эстетическими вопросами. По методике Вс. Мейерхольда, режиссер стремится объединить зал и сцену, о чем уже говорилось ранее. Так начинает развиваться документальный театр Германии.

Следующая волна, поднимающая документальный театр как отдельное направление, пришлась на 60-е гг. С этого периода возникают подобные идеи в США и Великобритании. Деятели искусства послевоенного времени снова открыто обращаются к самым злободневным темам. В театр вводится новая культура восприятия и создания проектов, имеющая черты протестности, молодежности. Борьба за свободное, открытое общество выходит на передовые линии. Возникают и постепенно увеличиваются попытки безнаказанного обращения к власти с предъявлением фактов и документов. В 60-е гг. также продолжает развиваться немецкий документальный театр и возвращается к жизни российский.

Начнем анализ с Германии, так как именно она дала мощный толчок документальному театру 60-х гг. Три пьесы, поставленные Э. Пискатором в театре «Фольскбюне», объединены идейной направленностью, актуальностью, конфликтом между человеком и тоталитарной властью, образ суда выступает ключевым в драматургии этого времени, где есть и палач, и смертник. Первая из них – «Наместник» драматурга Рольфа Хоххута, поставленная в 1963 г. Драматургом поднимается тема равнодушия католической церкви и самого римского папы Пия XII в период войны и массового уничтожения еврейского народа (Холокоста), в котором погибали и священники. С помощью сохранившихся дневников, протоколов, показаний в судах автор доказывает вину Пия XII. Только текст главного героя пьесы Р. Хоххут пишет сам. В нем выражается высокая степень негатива и непримиримости автора по отношению к действиям фашизма. Второй спектакль – «Дело Оппенгеймера». Драматург Хайнер Киппхардт описывает события 1954 г., а именно процесс знаменитого физика из Америки Роберта Оппенгеймера. Ученый работал над созданием водородной бомбы. До 1965 г. Р. Оппенгеймер не подтверждал и не признавал информацию, указанную драматургом, но после того, как Э. Пискатор поставил пьесу на сцене театра «Дойчес», физик смирился с образом бесчувственного и жестокого человека, изображаемого на сцене.

Пьеса Петера Вайса «Дознание» становится канонической в направлении документальной драматургии. Обосновано это тем, что П. Вайс использует монтаж протоколов суда, проходившего во Франкфурте над людьми, работавшими в концентрационном лагере Освенцим. Пьеса состоит из песен, исполняемых многоголосьем, текст – это свидетельства об участках лагеря, проходимые заключенными. Функционеры у драматурга представляются, согласно правилам Освенцима, по номерам, по возрастианию. П. Вайс называет реальные имена, скрывая псевдонимами лишь свидетелей, оставшихся в живых. Автор отвергает оправдания, имевшие в то время хождение, состоявшие в том, что все в Освенциме совершалось по приказу, что не было возможности не подчиняться режиму. Эти пьесы, а далее и спектакли формировали новое отношение к документу в театре, к уровню значимости театра для общества и в обществе. Драматурги выступали в роли активных представителей политической, социальной, психологической жизни народных масс. Так развивается немецкая линия документального театра 60-х гг.

Что же в это время происходило в советской России, которая ранее уже обращалась к документу в театре? Немецкая волна «документа» достигла и советского театрального искусства. Однако в направлении и иных тем. В 1965 г. Юрий Любимов в Театре на Таганке создает сценический вариант книги-репортажа «Десять дней, которые потрясли мир» Д. Рида. Следовательно, весь спектакль состоял из свидетельств автора об Октябрьской революции, то есть из невымышленных текстов, указывающих значение революции для народа. Далее, переводчик Лев Гинзбург в 1966 г. публикует сборник эссе П. Вайса под названием «Бездна», в котором в начале имеется уточняющий текст: «повествование, основанное на документах» [12, с. 15]. В сборнике указываются свидетельства отношения к искусству у фашистов, стремления к развлекательности и нацизму, в частности, на примере отношения к конкретным исполнителям. В 1969 г. Л. Гинзбург переводит еще один сборник «Потусторонние встречи», состоящий из интервью с выжившими служащими Третьего рейха.

Здесь можно сделать небольшой вывод, что собственной формы документального театра в СССР не возникло и не сформировалось. И этому есть логичное объяснение: в Германии была осуществлена целенаправленная денацификация. Немецкий театр стал одним из естественных инструментов этого процесса. В России в этот период отсутствовал доступ к архивам «любопытным» драматургам, анализ тоталитарного режима и его дезактивация проходили на уровне возобновления «ленинских норм». Те спектакли, которые ставили в театре «Современник» (Олег Ефремов «Большевик» М. Шатрова в 1967 г.) или во МХАТ («Так Победим!» в 1983 г.), в которых В. И. Ленин беседует с птицами (кукушкой) [13, с. 71] или цитирует стихи, вряд ли будут актуальны в нынешнее время. Они остались пафосным романтизмом прошлого. Но и в период «перестройки» в России, когда архивы были доступны, драматурги не открыли их себе и зрителю. Возможно, из-за того, что документалистика – это сложное расследование, требующее кропотливого труда и большого количества времени, а самое главное – навыков (хотя бы самых элементарных) в проведении анализа, в котором согласие с материалом не всегда является верным и истинным. Авторы шли по кратчайшему или просто иному пути в своей творческой деятельности, стремясь закрепить свои имена в театральном искусстве или просто увести публику от всяческих проблем.

Переходим к англо-американскому направлению документального театра. Он зародился не от немецких традиций, как в России, а от своей внутренней истории, точнее от социального среза жизни молодыми и «рассерженными» драматургами, и является относительно новой по отношению к немецкой традиции. Основой современной драматургии и далее документального театра в Англии становится «Royal Court». Такие авторы, как Ш. Дилени, Б. Биен, Д. Осборн и другие, начинают историю современного театра в Лондоне. Они обращаются к документу не только в создании спектаклей, но и параллельно «свободного кино» (free cinema). Этот период приходится также на 50-е гг. Позже в 1963 г. Джоан Литтлвуд в театре-коммуне «Мастерская» («Workshop») на документальной основе ставит мюзикл «Oh, What a Lovely War!» («О, какая чудная война!») [14].

В Америке возникает «Living Theatre» («Живой театр»), которым руководят Джудит Малина (некогда студентка Э. Пискатора) и художник-экспрессионист из Нью-Йорка Джулиан Бек. Репертуар этого театра содержал самые различные экспериментальные постановки, и документальная драматургия не была исключением. В 1963 г. был создан спектакль «Бриг», пьесу написал Кеннет Браун. Это автобиографический материал ветерана ВМФ о службе в США на флоте [8].

В Шотландии в 1966 г. также появляется театр «7:84». Название взято из реальных фактов: в 1966 г. 7 % всех жителей Великобритании обладало 84 % национального дохода. Джон МакГрет создает этот театр и ставит собственную пьесу «Шевииот», речь в которой идет об экономическом положении Шотландии в период с 1746 г. по 1973 г. (до нефтяного кризиса). Текст строится на анализе статистических данных экономики этих лет [1, с. 120]. В 70–80-е гг. драматургия Англии все больше «погружается в документ». Автор Кэрил Черчилл создает пьесу «Светит солнце над Бакингемширом» (1976 г.) («Light Shining on Buckinghamshire»), которая и поныне вызывает интерес режиссеров. Работа содержит материалы протокола дебатов об избирательном праве в период гражданской войны 1640 г. [1, с. 122].

Документалистом и искусствоведом Б. И. Зингерманом в 1960-е гг. определяются два основных перспективных вектора развития драмы, основанной на документе.

Первый – это метод наблюдения, *observational mode*. Он заключается в изучении и анализе материала с помощью установки видеокамеры или диктофона на долгое время в месте события, там также могут находиться сами создатели проекта. Сюда также входит глубокое изучение архивного материала. Этот метод можно назвать объективным расследованием.

Второй – это метод интервью, или *participatory mode*. Он близок к «лирической исповеди» [15]. Документальная драма с течением времени все чаще обращается ко второму методу. Это делает ее острее, ближе к восприятию зрителем.

Хочется перенестись непосредственно в Россию и посмотреть, как все же традиции документального театра Германии, Англии, США и т. д. повлияли на формирование актуальной, открытой к экспериментам и борьбе драматургии и самого документального театра. Сфокусируем свое внимание на самом ярком и единственном в России представителе полноценного театра, посвященного документу «Театр.doc». Это явление на небосклоне современного театрального искусства возникло в Москве в 2002 г. 14 февраля, идейными вдохновителями стали драматурги М. Угаров и Е. Гремина. Театр обосновался в подвале жилого дома и до 2014 г. там находился, пока не переехал в Малый Казенный переулок, 12, где находится поныне [7]. Театр содержит в своем репертуаре самые разнообразные, экспериментальные, эксклюзивные постановки. Все они основаны на реальных фактах, документах, материалах из архивов, подлинных историях людей. Документальный театр в России – это направление театрального искусства на стыке актуальных социологических и психологических анализов. В театре идут поиски новых техник и форм создания спектаклей. Одна из задач театра – не останавливаться на достигнутых формах и сформировавшихся принципах, на

одностороннем отношении между зрителем и авторами спектакля, куда входят все его создатели. Театр в жизни общества выступает в роли лаборатории, в которой происходят постоянные эксперименты, и ее «ученые» стремятся найти все новые и новые вакцины от болезней социума: начиная от войны, равнодушия, хладнокровия и заканчивая самыми интимными пороками и проблемами. Документальный театр является именно такой, настоящей, театральной лабораторией, в которой изучается современный человек, естественный, настоящий, со всеми своими достоинствами и недостатками. Главной текстовой основой пьесы такого театра, как уже было указано, является документ. Это может быть информация из архива, связанная с историческими событиями, может быть информация от человека, это может быть даже сам «человек-документ». Такой вектор современного театра, помимо вышеперечисленных задач, также выполняет и еще одну – постановки интересуют нового, далекого от театра зрителя, ищущего поддержки и убеждения в том, что он не одинок в своей проблеме и не выброшен из жизни. Такой зритель не боится чего-то не понять в действии из-за высокопарности или устарелости текста или выйти после спектакля с ощущением полной «нетронутости», позабыв уже через полчаса, о чем была постановка. После просмотра спектакля на документальной основе он выходит, «уколотый» вакциной, призванной излечить его от самых жутких болезней. Он выходит с чувством, что его проблему надо решать и ему есть кому помочь.

«Всем все безразлично. Все пребывают в состоянии упоительной лени. Я с вами скоро вообще обалдею. Уверен, вы поставили своей целью свести меня с ума. Боже мой, как хочется хоть какого-то душевного подъема, хоть совсем немного. Просто услышать теплый, проникновенный голос – “Господи! Я живой!”. Есть мысль – немного поиграем? Давайте притворимся, что мы человеческие существа и действительно живем. Почему для смеха не повалить дурака? Притворимся, будто мы люди». Так говорил главный герой пьесы Джона Осборна «Оглянись во гневе» Джимми Портер (1956 г.) [16].

Сам художник (здесь, в трактовке – творец) с помощью документа отходит от самовыражения, переходя к изучению других. Молодой драматург на протяжении первых пяти пьес описывает лишь свои личные, внутренние переживания, раскрывая свое мировоззрение, занимаясь самопознанием. Одним из способов переключиться с себя на окружающий мир, другого человека и есть документальный театр. Он помогает художнику «эволюционировать», вырасти до того, чтобы стать значимым для общества, способствовать решению не только личностных, но и общественных задач. Итогом может быть следующее: начиная с 1925 г. социум стремится излагать и решать свои проблемы, бороться с ними, заявив о себе через инструменты театрального искусства, а именно через документ, так как именно он является доказательством правоты человека на «суде общественности». Современные люди живут в среде, в которой сложно отличить симулякр, имитацию, «фэйк» от действительности. Это касается абсолютно всего, начиная с новостей и заканчивая пищей, которую мы употребляем. Документальный материал дает человеку хоть какую-то уверенность в его действительности, правдивости, в зафиксированности тех данных, которые в нем

имеются. Факты нельзя преувеличить или приуменьшить, нельзя исказить и раскрасить, так как этот материал – откровение, будь-то историческое, общественное, личностное. И это будет уже не документальный театр. Также документальный театр – это и возможность своеобразного протеста общества против войн, террора, насилия, безразличия в мире, это суд, в котором нет немедленного исполнения наказания. Однако значение и влияние этого суда огромные.

Из вышесказанного следует еще один принцип документального театра: он – не коммерческая организация, рассчитанная на досуговое восприятие, на продажу спектакля массовому зрителю. Его суть – камерная форма познания, борьбы и откровения. Поэтому чаще всего ни актеры, ни авторы не получают финансовой выгоды, все средства идут на создание следующего проекта и «жизнь» самого театра. Документальный театр, несмотря на все препятствия, продолжает развиваться и набирать силу. Общество все больше тяготеет к реальным историям, близким и помогающим преодолеть себя и свои проблемы, понять мир и принять его таким, какой он есть. Это направление театра еще не вышло на массового зрителя, возможно, этого никогда и не случится. Но свою нишу в театральном искусстве оно уже заняло. А большего пока и не требуется.

Список литературы

1. Мамадназарбекова К. Т. История факта: истоки и вехи документального театра / К. Т. Мамадназарбекова // Театр: Литературно-художественный журнал. – М.: СТД РФ. – 2011. – № 1 (2). – С. 112–125.
2. Апчел Е. А. Документальный театр как вид современной постдраматической театральной культуры / Е. А. Апчел // Українська культура: минуле, сучасне, шляхи розвитку. Сб. науч. работ: уч. зап. Ровенс. госуд. гуманит. ун-та. – Ровно: РГГУ. – 2012. – Вип. 18 (1). – 199–204 с.
3. Болгова С. М. Современная документальная драма как новое жанровое образование / С. М. Болгова // Пушкинские чтения. – Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина. – 2014. – № XIX. – С. 79–84.
4. Журчева О. В. Жанровые и стилевые тенденции в драматургии XX века: Учебное пособие / О. В. Журчева. – Самара: СамГПУ, 2001. – 184 с.
5. Калужских Е. В. Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств / Е. В. Калужских. – Челябинск: Челябинский государственный институт культуры (Челябинск), 2014. – № 1 (37). – С. 74–76.
6. История зарубежного театра: в 4 ч. Ч. 3: Театр Западной Европы и США (1917–1945): учебное пособие для культурно-просветительных и театральных училищ и институтов культуры. – М.: Просвещение, 1986. – 907 с.
7. Уварова Е. Д. Эстрадный театр: Миниатюры, Обозрения, Мюзик-холлы (1917–1945) / Е. Д. Уварова. – М.: Искусство, 1983. – С. 92–132.
8. Льюис Э. Создать боевой рабочий театр в обстановке фактического безвластия [Электронный ресурс] / Э. Льюис – Режим доступа: <http://www.informos.ru/> (Дата обращения: январь 2017).
9. Станиславский К. С. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 2. Работа актера над собой. Часть 1: Работа над собой в творческом процессе переживания: Дневник ученика / К. С. Станиславский. – Ред. и авт. вступ. ст. А. М. Смелянский. Ком. Г. В. Кристи и В. В. Дыбовского. – М.: Искусство, 1989. – 511 с.
10. Колязин В. Ф. «Даешь Европу, Мейерхольд!» Гастроли ГосТИМа в Германии. Публ., вст. ст., пер. и коммент. В. Ф. Колязина // Документы и факты из истории отечественного театра XX века. Вып. 4 / Ред.-сост. В. В. Иванов. – М.: Индрик, 2009. – С. 617–740.
11. Пискатор Э. Политический театр / Э. Пискатор. – М.: ГИХЛ, 1934. – 264 с.

12. Гинзбург Л. Бездна. Повествование, основанное на документах / Л. Гинзбург. – М.: Советский писатель, 1968. – 278 с.
13. Соловьева И. Н. Ветви и корни / И. Н. Соловьева. – М.: Московский Художественный театр, 1998. – С. 157–159.
14. Social history: Social and cultural activities, A History of the County of Middlesex. – Volume 12. – Chelsea (2004). – P. 166–176.
15. Театр.doc. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://teatrdoc.ru/stat.php?page=about> (Дата обращения: ноябрь 2016).
16. Лингвистика. «Сердитые молодые люди» в английской литературе 50-х годов. (рассерженное поколение) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://linguistics-konspect.org/?content=4040> (Дата обращения: декабрь 2016).

Pruzhyna I. A. Ninety-Year Modern Documentary Theatre // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 1. – P. 63–72

This article contains material in chronological order of prehistory, the origin and the major events in the formation and development of documentary theater in Germany, Russia, England. The author indicates the year of creation of the first documentary performance by the German playwright and director Erwin Piscator. The significance of the performance year 1925, was the beginning of the introduction of the documentary bases (letters, newspaper clippings, photographs, archival and statistical data, etc.) in contemporary theater and drama, based on the real-life facts. Represented by the impact of general historical events on the development of social consciousness, seeking to explore them (the event) through the expressive means of theatrical art: the atmosphere, composition, theatrical, imaginative. The author Investigates the possibility of the impact of drama and theater at solving problems of social and individual characters. Represents two main perspective direction of development of the drama, based on a document (for Zingerman, B. I.): observational mode and participatory mode. This article also contains practical data analysis. Examples are given on the basis of a document plays, playwrights created: Peter Weiss, Rolf Hochhuth, Heinar Kipphardt, Carter Brow, Caryl Churchill, and others. The author considers the canonical work of documentary theater directors.

Keywords: documentary theater, Erwin Piscator, documentary drama, «Theatre.doc».

References

1. Mamadnazarbekova K. T. Istoriya fakta: istoki i vekhi dokumental'nogo teatra [History Fact: the Origins and Milestones Documentary Theater]. Teatr: Literaturno-khudozhestvennyy zhurnal [Theatre: literary and art journal]. Moscow, STD RF, 2011, no. 1 (2), P. 112–125.
2. Apchel E. A. Dokumental'niy teatr kak vid sovremennoy postdramaticheskoy teatral'noy kul'tury [Documentary Theater as a Form of Contemporary Theatrical Postdramatic Culture]. Ukraïns'ka kul'tura: minule, suchasne, shlyakhi rozvitku. Sb. nauch. rabot: uch. zap. Rovens. gosud. gumanit. un-ta. Rovno, Rivne State Humanitarian University, 2012, Issue 18 (1), P. 199–204.
3. Bolgova S. M. Sovremennaya dokumental'naya drama kak novoe zhanrovoe obrazovanie [Modern Docudrama as a New Formation of Genre]. Pushkinskie chteniya. Pushkin Leningrad State University, 2014, no. XIX, P. 79–84.
4. Zhurcheva O. V. Zhanrovye i stilevye tendentsii v dramaturgii XX veka: uchebnoe posobie [Genre and Stylistic Trends in the Drama of the XX Century]. Samara, Samara State University of Social Sciences and Education, 2001, 184 p.
5. Kaluzhskikh E. V. Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, 2014, no. 1 (37), P. 74–76.
6. Istoriya zarubezhnogo teatra: v 4 ch. Ch.3: Teatr Zapadnoy Evropy i SShA (1917–1945): uchebnoe posobie dlya kul'turno-prosvetitel'nykh i teatral'nykh uchilishch i institutov kul'tury [The History of Foreign Theater: in 4 Parts. Part 3. Theatre of Western Europe and the United States (1917–1945): Manual for Cultural, Educational and Theatrical Schools, and Cultural Institutions]. Moscow, Prosveshchenie, 1986, 907 p.

7. Uvarova E. D. Estradnyy teatr: Miniatyury, Obozreniya, Myuzik-kholly (1917–1945) [Variety Theatre: Thumbnails, Ferris, Music Hall (1917–1945)]. Moscow, Iskusstvo, 1983, P. 92–132.
8. L'yuis E. Sozdat' boevoy rabochiy teatr v obstanovke fakticheskogo bezvlastiya [Create a Combat Theater Work in an Atmosphere of an Actual Anarchy]. Available at: <http://www.informos.ru/> (Accessed: January 2017).
9. Stanislavskiy K. S. Sobranie sochineniy: V 9 t. T. 2. Rabota aktera nad soboy. Chast' 1: Rabota nad soboy v tvorcheskom protsesse perezhivaniya: Dnevnik uchenika [Collected Works in 9 Volumes. Volume 2. The Work of the Actor on Himself. Part 1: Work on a Creative Process of Experiences: the Student Diary]. Red. i avt. vstup. st. A. M. Smelyanskiy. Kom. G. V. Kristi i V. V. Dybovskogo. Moscow, Iskusstvo, 1989, 511 p.
10. Kolyazin V. F. «Daesh' Evropu, Meyerkhof'd!» Gastroli GosTIMa v Germanii [«Give Europe Meyerhold!» State Theater named after Vs. Meyerhold Tour in Germany]. Publication, introductory article, trans. and comments by V. F. Kolyazin. Dokumenty i fakty iz istorii otechestvennogo teatra XX veka. Issue. 4. Moscow, 2009, 740 p.
11. Piskator E. Politicheskiy teatr [Political Theater]. Moscow, State Publishing House of Fiction, 1934, 264 p.
12. Ginzburg L. Bezdna. Povestvovanie, osnovannoe na dokumentakh [Abyss. The Story, Based on Documents]. Moscow, Sovetskiy pisatel', 1968, 278 p.
13. Solov'eva I. N. Vetvi i korni [The Branches and Roots]. Moscow, Moskovskiy Khudozhestvennyy teatr, 1998, P. 157–159.
14. Social history: Social and cultural activities, A History of the County of Middlesex, Vol. 12, Chelsea (2004), P. 166–176.
15. Teatr.doc [Theatre.doc]. Available at: <http://teatrdoc.ru/stat.php?page=about> (Accessed: November 2016).
16. Lingvistika. «Serditye molodye lyudi» v angliyskoy literature 50-kh godov. (rasserzhennoe pokolenie) [«Angry Young Men» in the English Literature of the 50s]. Available at: <http://linguistics-konspekt.org/?content=4040> (Accessed: December 2016).

УДК: 908(470+292.471)-058.237:008-021.414-027.252"1917"

1917 ГОД: КРЫМСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ

Филимонов С. Б.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: Filimonov.47@list.ru

В статье, основанной на исторических источниках, раскрывается роль старейшей и авторитетнейшей в Крыму историко-краеведческой организации – Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК), объединявшей в своих рядах многочисленных представителей многонациональной и многоконфессиональной крымской интеллигенции, в деле сохранения культурного наследия в революционном 1917 году. Приведены документальные свидетельства об отношении крымской интеллигенции к событиям февраля и октября 1917 года, а также об энергичных попытках спасения памятников представителей рухнувшего режима (памятники императорам Екатерине II, Александру II, Александру III), сохранения архивов упраздненных государственных учреждений (в частности, архива губернского жандармского управления), сосредоточенных в «дворянских гнездах» библиотек, коллекций и документов (например, обширного и очень ценного родового архива Поповых, один из которых, Василий Степанович, был видным деятелем эпохи Екатерины II). Сообщается о мерах, предпринимавшихся крымской интеллигенцией по пропаганде и популяризации дела охраны памятников. Раскрывается особо важная роль в памятникоохранительной деятельности многолетнего председателя ТУАК выдающегося ученого и организатора науки Арсения Ивановича Маркевича.

Ключевые слова: Крым, интеллигенция, Таврическая ученая архивная комиссия, революционные события 1917 года, охрана культурного наследия.

В течение более 35 лет (24 января (5 февраля) 1887 г. – 25 марта 1923 г.) вопросы истории Крыма, этнографии его народов, охраны и использования многочисленных и разнообразных памятников их истории и культуры энергично разрабатывались старейшей и авторитетнейшей в Крыму краеведческой организацией – Таврической ученой архивной комиссией (ТУАК). Численность ТУАК достигала 300 человек. Членами ТУАК состояли главным образом представители крымской интеллигенции, а также общественные деятели Крыма, священнослужители, крымоведы из других регионов страны. Бессменным председателем ТУАК в 1908–1923 гг. был замечательный ученый-крымовед и организатор науки Арсений Иванович Маркевич (1855–1942), в 1927 г. избранный в члены-корреспонденты Академии наук СССР [1, с. 10–46].

В 1917–1920 гг., в период революционных событий и Гражданской войны, ТУАК принадлежала выдающаяся роль в деле сохранения культурного наследия. Раскрытию этой роли посвящены некоторые публикации автора настоящих строк, появившиеся в печати еще в середине 1990-х гг. [2, с. 37–66; 1, с. 11–15, 36]. Но в

нынешнем 2017 г., в год 100-летия событий в России, кардинальным образом изменивших страну, представляется целесообразным вновь возвратиться к указанной теме, особое внимание обратив на деятельность ТУАК в 1917 г. и на оценку тогдашней крымской интеллигенцией событий февраля и октября 1917 г. Источниками для этого послужили делопроизводственные материалы ТУАК за 1917 г. – протоколы ее ежемесячных заседаний [3, с. 289–349] и годовой отчет [4, с. 377–390].

2 (15) марта 1917 г. в результате отречения императора Николая II от престола монархия в России пала. Власть формально перешла к Временному правительству, на деле в стране установилось так называемое двоевластие, в реальной жизни означавшее отсутствие твердой государственной власти со всеми вытекающими из этого последствиями – анархией, смутой, хаосом, разложением общества, разрухой и вандализмом.

Но последствия эти будут осознаны гражданами России позже. Пока же, в марте 1917 г., интеллигенция Крыма пребывала в состоянии эйфории.

13 (26) марта 1917 г., 11 дней спустя после отречения императора, состоялось заседание ТУАК. Открыв заседание, председатель ТУАК А. И. Маркевич обратился к собравшимся с восторженной речью: «Мм. Гг. Со времени последнего нашего собрания в нашем отечестве произошли события величайшего, исключительного значения. Старый уклад русской государственной жизни рухнул; началась новая эпоха в истории России, занялась над нашим отечеством долгожданная заря просвещенной свободы. Все события последних дней мы воспринимали и переживали с волнением, подъемом духа и радостью, а та наука, с которой мы связаны своими симпатиями и занятиями в Комиссии, вносит в наши души успокоение и бодрость, она укрепляет и возвышает нашу любовь к родине. Проникнутые сознанием важности переживаемого момента, радостными чувствами и светлыми надеждами, в полной преданности новому Временному правительству, будем еще дружнее и энергичнее продолжать свою скромную работу на пользу науки и дорогого отечества» [3, с. 306–307].

По предложению А. И. Маркевича приветственные телеграммы были направлены председателю Совета министров князю Г. Е. Львову и председателю Государственной думы М. В. Родзянко. В этих документах от имени «отныне свободного народа» ТУАК «радостно приветствовала» «солнце свободы, ярко осветившее своими живительными лучами нашу многострадальную родину» [3, с. 307].

Но уже через месяц, 13 (26) апреля 1917 г., на заседании ТУАК было заслушано отношение Московского археологического общества от 8 (21) марта 1917 г., содержавшее горячий призыв ко всем патриотам России сплотиться в деле защиты и спасения памятников «прошлого исторического развития русского народа и народов, входящих в состав Русского государства, ввиду опасения в переживаемое тяжелое время на Руси за сохранность памятников старины» [3, с. 309–310].

В ответ ТУАК постановила: обратиться к населению губернии с особым воззванием о важности сохранения памятников древности, старины и искусства от

порчи и уничтожения и просить председателя Комиссии составить текст этого воззвания [3, с. 310].

14 (27) мая 1917 г. на заседании ТУАК А. И. Маркевич доложил, что, согласно поручению Комиссии, он напечатал от ее имени воззвание к населению губернии с просьбой о сохранении памятников древности, старины и произведений искусства. Воззвание напечатано в трех местных газетах в количестве 1000 экземпляров и разослано по всей губернии. Кроме того, он поместил в газетах воззвание к населению с просьбой о присылке в Комиссию всех печатных изданий, касающихся переживаемого Россией переворота, и обращение к помещикам с просьбой о присылке ей в дар или на хранение вотчинных и семейных архивов, дел и бумаг [3, с. 315].

Особую тревогу вызывала у членов ТУАК судьба памятников представителей рухнувшего режима, архивов упраздненных государственных учреждений, сосредоточенных в «дворянских гнездах» библиотек, коллекций и документов.

Так, на заседании ТУАК 13 (26) апреля 1917 г. А. И. Маркевич сообщил о том, что «в первых числах этого месяца несдержанная толпа рабочих и солдат уже пыталась уничтожить памятник императрице Екатерине Великой в Симферополе. К счастью, благоразумные элементы среди самих солдат сдержали эту попытку, и толпа отказалась от исполнения своего варварского намерения. Но подобные инциденты возможны и в других местах губернии» [3, с. 310].

И действительно, если памятник Екатерине II в Симферополе удалось сохранить, то памятник Александру III в Феодосии был снесен. 12 (25) июля на заседании ТУАК была обсуждена присланная В. Д. Гейманом информация о том, что 22 июня (5 июля) по постановлению феодосийского Совета рабочих и солдатских депутатов, «ввиду непрекращавшихся эксцессов у памятника Александру III, начаты были работы по снятию с пьедестала фигуры. Матросы случайно проходившего судна и солдаты ускорили эту вандальскую работу, стащив фигуру канатами. Фигура сильно пострадала и будет отослана на завод для переливки. При этом г. Гейман сообщает, что памятник был открыт 14 ноября 1896 г. по инициативе И. К. Айвазовского в ознаменование перевода торгового порта из Севастополя в Феодосию» [3, с. 321].

А. И. Маркевич заявил, что немедленно по получении этого сообщения он обратился к Таврическому губернскому комиссару и в Феодосийский общественный комитет с просьбой о сохранении снятой фигуры Александра III как памятника искусства и истории г. Феодосии в феодосийском музее, что в ответ получил телеграмму от исполняющего должность феодосийского городского головы Перека с сообщением о том, что снятая статуя Александра III временно помещена во дворе городского пожарного обоза. Присутствовавший на том же заседании ТУАК Л. П. Колли заметил, что при небрежном снятии памятника и издевательствах толпы изображение императора Александра III сильно пострадало [3, с. 321–322].

На том же заседании ТУАК В. И. Тихий и А. И. Маркевич обратили внимание на снятие в последнее время, по постановлениям земских и городских собраний, портретов и бюстов русских императоров. В частности, по постановлению

чрезвычайного губернского земского собрания 24 мая (6 июня) 1917 г. убраны были из зала губернской земской управы портрет и бюст императора Александра II, помещенные там ранее по постановлениям тех же земских учреждений в память великих реформ царя-освободителя. Было решено принять меры к сохранению, по возможности, хотя бы тех императорских портретов и бюстов, находящихся в различных учреждениях, которые представляют художественную и историческую ценность [3, с. 322].

В протоколе заседания ТУАК от 19 октября (1 ноября) 1917 г. зафиксирована также информация об уничтожении памятников императору Александру II в с. Саки Евпаторийского уезда и в с. Б. Белозерка Мелитопольского уезда и, помимо того, о порче памятника в Бахчисарайском дворце, сооруженном в память 300-летия царствования дома Романовых [3, с. 340].

Трогательной заботой о сохранении документальных богатств Крыма проникнуто было письмо председателя Московского археологического общества 77-летней графини П. С. Уваровой к председателю ТУАК А. И. Маркевичу, процитированное в протоколе заседания ТУАК от 16 (29) августа 1917 г.: «Председатель прочел выдержки из письма к нему из Евпатории почетного члена Комиссии графини П. С. Уваровой, в котором она сообщает, что очень желала присутствовать на этом заседании Комиссии, но не может приехать по причине запаздываний поездов. Сожалея об этом, графиня выражает надежду “на лучшие дни, когда можно будет спокойно снова заниматься наукой и архивами. Пока же, – продолжает графиня, – потолкуйте и подумайте о необходимых и неотложных мерах, которые обязательно должны быть приняты во время окружающей нас разрухи для спасения архивов разного рода, начиная с волостных и кончая семейными ”» [3, с. 324]. (С учетом того, что и это письмо графини Уваровой сгинуло неведомо куда вместе со всем личным архивом А. И. Маркевича, значимость протокола заседания ТУАК с цитатами из письма трудно переоценить). В ответ было постановлено: «Просить А. И. Маркевича передать графине П. С. Уваровой чувства глубокого сожаления, что она не могла почтить настоящего заседания своим присутствием, и готовности употребить все старания для продолжения посильной работы в деле сохранения архивных богатств здешнего края» [3, с. 324].

Что касается охраны архивных документов, то протоколы заседаний ТУАК зафиксировали мероприятия Комиссии по спасению дел архива упразднённого губернского жандармского управления (протокол от 14 (27) мая 1917 г.), а также обширного и очень ценного родового архива Поповых (протокол от 12 (25) июля 1917 г.), один из которых, Василий Степанович Попов, был видным деятелем эпохи Екатерины II. Как отмечено в отчете ТУАК за 1917 г., «сильно озабочена была Комиссия в истекшем году судьбою архивов, находящихся в пределах Таврической губернии, особенно правительственных и сословных учреждений, прекративших свое существование с государственным переворотом» [2, с. 53].

Резко отрицательно отнеслась ТУАК к большевистскому перевороту. 17 (30) ноября 1917 г., т. е. три недели спустя после переворота, состоялось заседание ТУАК. На нем с гневно-горестной речью выступил председатель ТУАК

А. И. Маркевич. Он обличал большевиков не только в вандализме по отношению к исторической памяти и историческим памятникам, но и в измене и предательстве по отношению к Родине, в развращении народа России. (Помимо этой речи, автором настоящих строк были обнаружены еще несколько публикаций А. И. Маркевича, имевших ярко выраженную антибольшевистскую направленность [2, с. 326–331]. Остается лишь с радостью удивляться тому, что после установления на полуострове советской власти Маркевич не был репрессирован: как известно, начиная с середины ноября 1920 г., когда Крым стал красным в прямом (от крови) и переносном значении этого слова, здесь расстреливали и заключали в тюрьмы и лагеря тысячи людей за менее значительные «преступления» [5, с. 8–13, 20–37, 75–81 и др.]).

Вот текст этой знаменательной речи А. И. Маркевича, в концентрированной форме отражавшей отношение крымской интеллигенции к Октябрьскому перевороту 1917 г.: «Три года тому назад Таврическая ученая архивная комиссия присоединила свой скромный голос к выражению чувств возмущения и негодования, объявивших весь культурный мир по поводу варварского разгрома, уничтожения и расхищения немцами великих сокровищ и знаменитых памятников истории и искусства в Бельгии и северо-восточной Франции.

В настоящее время мы переживаем еще больший ужас, вызванный позорным, небывалым в истории уничтожением, расхищением и непоправимой порчей памятников нашей истории, нашей культуры, нашего искусства, величайших всенародных сокровищ России, производящимися, к неизгладимому во веки веков нашему позору, самими же русскими людьми, разум и чувства которых отравлены врагами и предателями России.

Разгром множества помещичьих усадеб с уничтожением драгоценных собраний предметов искусства, библиотек, документов и зданий по всему пространству России, расхищение дворцов членов бывшего Императорского Дома, музеев, частных и государственных, в том числе Эрмитажа, и правительственных учреждений, с гибелью десятков тысяч предметов величайшей ценности, завершился расхищением и истреблением всего ценного в Зимнем дворце в Петрограде, разгромом артиллерийскими снарядами нашего величайшего сокровища, священного для каждого русского человека, – Московского Кремля. Повреждены Никольские ворота в Кремле, сильно пострадал храм Василия Блаженного на Красной площади, сильно поврежден Московский Успенский собор, причем погибла часть его фресковой росписи, пострадал и Чудов монастырь, разграблена Синодальная ризница, причем погибло множество предметов громадной исторической ценности, и примыкающий к ней храм Двенадцати Апостолов, расхищено множество ящиков с драгоценнейшими сокровищами Эрмитажа и других музеев, Зимнего дворца и других дворцов и учреждений, хранившимся в Московском Кремле, равно как погибло много ящиков с такими же предметами в Петрограде, которых не успели вывезти оттуда.

Гибель всех этих наших народных культурных сокровищ усугубляет то горе, которое испытываем мы, переживая гнусное издевательство над нашим прошлым, гибель нашего государственного величия, славы и мощи, нашего государственного

достоинства, переживая распадение нашей Родины, раздираемой на части и внешними и внутренними ее врагами, изменниками и предателями.

Печальная слава Герострата и Эфиальта меркнет перед той постыдной славой, которую приготовили для себя на вечные времена в нашей и мировой истории нынешние вдохновители и руководители невежественной народной массы, развратившие наш народ, отравившие его душу и приведшие его к бедствиям нашего лихолетия. Имена их навсегда сохранятся на скрижалях истории и будут повторяться с презрением и омерзением. Позор этот падет, конечно, не только на отдельных людей, но и на все наше безвременье. Беспристрастная история над всем произнесет свой справедливый, нелицеприятный приговор.

Предлагаю Комиссии выразить волнующие нас чувства негодования и скорби Российской Академии наук, Российской Академии художеств, Московскому Археологическому обществу и Археологической комиссии».

Как отмечено в протоколе, «собрание с полным сочувствием приняло предложение председателя» [1, с. 12–13].

Оценку событий 1917 года находим и в составленном А. И. Маркевичем отчете о деятельности Комиссии за 1917 год: «Год тревог и волнений, надежд и разочарований, позора и развала России, сверкнувший искрой свободы и сейчас же покрывший черными тучами и мраком эту зарю нашей свободы, истекший 1917-й год был злосчастнейшим годом в истории России и бедственным годом для русской науки, русского просвещения» [2, с. 52].

Впрочем, думается, что с оценкой 1917 года как «злосчастнейшего года в истории России» А. И. Маркевич поторопился. Впереди были 1918, 1919, 1920, 1921-й и другие не менее бедственные для России годы.

Список литературы

1. Филимонов С. Б. Хранители исторической памяти Крыма: о наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.). – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Симферополь: ЧерноморПРЕСС, 2004. – 316 с.
2. Филимонов С. Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. – Симферополь: Н. Орианда, 2010. – 408 с.
3. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь, 1919. – № 56. – С. 289–349.
4. Отчет о деятельности Таврической Ученой Архивной Комиссии за 1917-й год // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь, 1918. – № 55. – С. 377–390.
5. Филимонов С. Б. Тайны крымских застенков. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920 – 1940-е годы. – Изд. 3-е, доп. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. – 308 с.

Filimonov S. B. 1917: Crimean Intelligentsia and Cultural Monuments // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 1. – P. 73–79

The article, based on historical sources, reveals the role of the oldest and most authoritative in the Crimea historical and regional organization – the Taurida Academic Archive Commission (TAAC), which unites numerous representatives of the multinational and multi-confessional Crimean intelligentsia in the preservation of cultural heritage in the revolutionary year 1917. The documentary evidence of the attitude of the Crimean intelligentsia to the events of February and October 1917, as well as of vigorous attempts to save

monuments to representatives of the failed regime (monuments to the emperors Catherine II, Alexander II, Alexander III), archives of abolished state institutions (in particular, the archives of the provincial gendarmerie administration), Libraries, collections and documents concentrated in the "noble nests" (for example, the extensive and very valuable generic Popov archives, one of which, Vasily Stepanovich, was a prominent figure of the era of Catherine II). Reported on the measures taken by the Crimean intelligentsia to promote and popularize the protection of monuments. A particularly important role in the memorial activities of the long-term chairman of the TAAC of the outstanding scientist and science organizer Arseniy Ivanovich Markevich is revealed. The passionate speech of A. I. Markevich, recorded in the minutes of the TAAC meeting on November 17 (30), 1917, that is, pronounced three weeks after the Bolshevik coup in Petrograd. In it, the scientist denounced the Bolsheviks not only in vandalism in relation to historical memory and historical monuments, but also in treason and betrayal of the Motherland. In the report on the activities of the TAAC for 1917, A. I. Markevich summed up: «... the expiring year 1917 was the most unfortunate year in the history of Russia and a disastrous year for Russian science, Russian enlightenment».

Keywords: Crimea, Intelligentsia, Taurida Academic Archive Commission, Revolutionary Events of 1917, Protection of Cultural Heritage.

References

1. Filimonov S. B. Hraniteli istoricheskoy pamjati Kryma: o nasledii Tavricheskoy uchenoj arhivnoj komissii i Tavricheskogo obshhestva istorii, arheologii i jetnografii (1887 – 1931 gg.) [Guardians of the Historical Memory of the Crimea: the Legacy of the Taurida Academic Archive Commission and the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography (1887–1931)], Ed. 2 nd, revised. and additional, Simferopol, ChernomorPress, 2004, 316 p.
2. Filimonov S. B. Iz proshlogo russkoj kul'tury v Krymu: poiski i nahodki istorika-istochnikoveda [From the Past of Russian Culture in the Crimea: the Searches and Finds of a Historian-source Researcher], Simferopol, N. Orianda, 2010, 408 p.
3. Protokoly zasedanij Tavricheskoy Uchenoj Arhivnoj Komissii [Minutes of Sessions of the Taurida Academic Archive Commission], News of the Tavrida Academic Archive Commission. Simferopol, 1919, no. 56, P. 289–349.
4. Otchet o dejatel'nosti Tavricheskoy Uchenoj Arhivnoj Komissii za 1917-j god [Report on the Activities of the Tavrica Academic Archive Commission for the Year 1917], News of the Tavrida Academic Archive Commission, Simferopol, 1918, no. 55, P. 377–390.
5. Filimonov S. B. Tajny krymskih zastenkov. Dokumental'nye ocherki o zhertvah politicheskikh repressij v Krymu v 1920–1940-e gody [Secrets of the Crimean Torture Chambers. Documentary Essays on the Victims of Political Repression in the Crimea in the 1920s-1940s], Ed. 3rd, add. Simferopol, Business-Inform, 2007, 308 p.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 3 (69). 2017. № 1. С. 80–90.

УДК 321

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Папаяни Ф. А.

Научно производственное объединение «Хаймек», г. Донецк, Украина.

E-mail: f.papayani@mail.ru

В статье рассматривается феномен идеологии как область пограничья физики и метафизики, материального и идеального, объективного и субъективного. Идеология выражается в идеях, которые выступают скрепами единичного и общего в социуме, заявляя о себе через одну из форм общественного сознания в диапазоне от политического до религиозного.

Политика как инструмент осуществления власти через систему общественных координат нуждается в достижении результативности через участное сознание людей конкретной социальной общности. Участное сознание обеспечивается политической идеологией, основу которой составляет приоритетная идея, олицетворяющая единство общего, единичного, цели и механизма (средств) ее обеспечения.

Приоритетная идея политической идеологии составляет базовое основание формирования мировоззрения людей как системы их взглядов на мир и на меру их отношения к этому миру.

Автор статьи средствами «бинарной дифференциации», опираясь на метод сравнительного анализа, поставил цель проникнуть в сущность конкретной политической идеологии современного мира, определить ее потенциал, рассмотрев ее стратегию и тактику влияния на систему общественных координат вертикали власти и горизонтالي коммуникаций. Решение этой задачи обеспечило возможность предложить свою типологию основных политических идеологий современности, построив их рейтинг через отношение к основным гуманистическим ценностям мира. Автор полагает, что от этого отношения во многом зависит состояние обстановки в условиях тотальной глобализации мира и поиска нового мирового порядка.

Ключевые слова: идеология, политическая идеология, мировоззрение, демократия, терроризм, империя.

Поскольку идеология – это область, в которой идея выступает прообразом желаемой действительности, идеологию можно рассматривать с точки зрения претензии на «линию горизонта» в условиях необходимости вырабатывать стратегию и тактику развития социума. Востребованность идеологии усиливается в условиях критической ситуации переходного периода. Это время, когда старая шкала ценностных ориентиров не работает, а новая не складывается в одночасье. Критическая ситуация заявляет о себе как исторический вызов – мнение И. И. Кального представляется сегодня весьма актуальным [1, с. 7–37].

Достойный ответ на этот вызов может обеспечить только добротная идея, провоцирующая участное сознание людей конкретной социальной общности. Она становится базовым основанием формирования мировоззрения граждан конкретного общества, обретает легитимный характер через Конституцию – основной закон страны. Этот закон гарантирует права и обязанности граждан. Он определяет жизнеспособность всех сфер общества и жизнедеятельность всех форм общественного сознания. Через Конституцию, основу которой составляет идея ответа очередному историческому вызову, складывается идеология общества и её отраслевые составляющие: от политической до религиозной, включая право, мораль, искусство, философию и науку. Каждая отраслевая идеология обеспечивает дееспособность своей сферы общества с ориентиром на функционирование всей системы общественных координат вертикали власти и горизонтали коммуникаций, где политическая идеология современного общества задаёт общий канон.

Если в основу ответа историческому вызову закладывается порочная идея, рождающая вместо идеала идола, тогда общество становится его заложником, обрекается на агонию существования во имя достижения сомнительной цели избранной элиты. Последующие вызовы потрясают общество кризисами, доводящими его до распада. Оно покидает историческую сцену. Время распада и ухода практически не поддаётся исчислению. В статье речь идёт не о сроках, а о тенденциях и дееспособности в первую очередь политической идеологии.

Политическая идеология распространяет в обществе свои оценки прошлого, редактирует настоящее и проектирует будущее. Опосредованно она формирует нормативную базу общества и регулирует отношения граждан во всех сферах общественного производства и потребления. Она изначально обеспечивает интересы тех групп населения, от которых зависит функционирование системы общественных координат через соответствующую вертикаль власти.

Вся история государств – это не только реализация различных идей правления, но и нескончаемая борьба идей, за которой скрываются те, кто стремится к очередному переделу мира с учётом своих интересов. Поэтому в статье осуществлена попытка проникновения в сущность идеологий XX–XXI вв. (идеологий, существенно повлиявших на европейское сознание и политическую практику) с позиции нового метода их анализа. С его помощью дана компаративно-аксиологическая оценка каждому идеологическому концепту в его сопряжении с фундирующими категориями и разбивка концептов на корневые классы.

Осуществить типологию политических идеологий чрезвычайно трудно, ибо субъекты этих идеологий по необходимости меняют свою личину. Вчера они рядились в либералов, а сегодня – в консерваторов. Правда, они не в состоянии изменить свою сущность, которая засвечивается через «бинарные дифференциации», раскрывающие подлинное отношение различных субъектов политических идеологий к гуманистическим ценностям: добро и зло, порядок и хаос, закон и аномия, естественность и искусственность. Политические идеологии, обеспечивая интересы избранной элиты, игнорируют жизненные интересы всех остальных слоёв общества. Тем не менее в критической ситуации они способны доминировать, используя средства массовой информацией и технологии

воздействия на массовую культуру и общественное сознание. Политические идеологии обеспечивают формирование мировоззрения «потерянных людей», внедряя определённые стереотипы поведения людей между собой и по отношению к другим, как к чужим.

Провести грань между позитивной и негативной сторонами идеологии сложно, ибо и та, и другая развиваются с учетом своей логики, где одна противоположность сменяет другую, где сомнения к ним со стороны объекта (плюралистической массы) сменяется доверием, где энтузиазм и эйфория рождают надежду, «что наше дело правое, и мы победим». Правда – это далеко не всегда истина, ибо покоится на чувственном представлении о мире. В результате складываются два мира: мир иллюзий и мир реальностей. Первый можно упаковать в красивую оболочку и даже обеспечить его доминанту, включив этот мир в механизм социализации людей, где идёт вечный поиск своих, соответствующая идентификация и символизация с ориентиром на размежевание своих и других, которых так легко сделать чужими. Для этого используются средства массовой культуры, технологий формирования соответствующих стереотипов, а словарь истории человечества пополняется новыми словами: православный империализм, русский марксизм, национал-социализм, фашизм, либерализм, исламо-сектантский империализм и т. д. Эти слова, «визитные карточки», «вывески» иногда заставляют вспомнить мудрое замечание Фёдора Ивановича Тютчева об изречённой мысли. Они таят свою неопределённость и выражают свою явную или неявную претензию. Только проверка на их отношении к гуманистическим ценностям добра, истины и красоты раскрывает их подлинное содержание, обеспечивает прозрение души и просветление разума.

С помощью «бинарной дифференциации» и метода компаративистики можно отследить процессы становления и развития основных политических идеологий новоевропейской цивилизации и построить их рейтинг. Как было уже отмечено, идеология – это, прежде всего, вектор ориентации граждан, стратегия конкретного общества, а на уровне политической идеологии – тактика осуществления этой стратегии. Если так понимать политическую идеологию, то высший уровень сравнительного анализа основных политических идеологий занимает бинарная оппозиция «добра и зла». На этот факт обратил внимание ещё Платон, затем Гегель в своей системе объективного идеализма уже выстраивает соответствующим образом формы общественного сознания. Политика, право, мораль непосредственно отражают реальную действительность, а искусство, философия и религия опосредованно, анализируя, прогнозируя, моделируют проекты желаемой действительности.

В европейском сознании, несмотря на современную популярность идей социализма и либерализма, категории «добро» и «зло» традиционно, более тысячелетия, артикулируются христианской аксиологией как имеющей не только религиозную, но и культурно-нравственную опору. Обусловлено это тем, что становление культур всегда проходило на основе тех или иных религиозно-нравственных идей, а современные европейские культуры, с IV века н. э. воспринявшие христианскую аксиологию, на сегодня всё ещё не полностью

разрушены либеральными концептами. Поэтому правомочно трактовать категории «добро» и «зло» традиционно, то есть в аксиологии христианства. Точнее, «добро» как распространяемую на всех людей объединяющую идею милосердной любви, без какого бы то ни было исключения. Таким образом, понятие «добро» выражается категориями «любовь» и «равноправие». «Зло» понимается как разъединяющая идея ненависти, обусловленная представлением о той или иной исключительности (превосходстве, избранности) одних перед другими, то есть понятие «зло» выражается категориями «ненависть» и «исключительность».

Следующий, более низкий уровень рейтинга основных политических идеологий европейской цивилизации можно получить, воспользовавшись бинарными оппозициями «космос – хаос», «закон – аномия», «норма – аномалия», «прекрасное – безобразное», «истина – правда». Они существенно усиливают уровни заявленного рейтинга – отношение политических идеологий к гуманистическим ценностям, засвечивая *естественный* или *искусственный* характер становления и развития политических идеологий.

Отмеченные бинарные оппозиции отличаются определенностью, приближаясь к уровню методологического значения категорий, демонстрируя: однозначность, обусловленность, целостность и разграниченность. О них можно говорить лаконично и лапидарно. В этом смысле предложенные бинарные оппозиции вслед за оппозицией «добра – зла» обеспечивают возможность не только смотреть на разные политические идеологии, но и видеть их сущность. Это уже дорогого стоит, ибо этот уровень помогает преодолевать чувственный уровень восприятия, редактировать чувство симпатии, открывать истину, не ограничиваясь только своей правдой.

Претендуя на определенные основания, бинарная дифференциация обеспечивает оценочное суждение по каждой из основных политических идеологий европейской цивилизации:

1. Православный империализм. Идеология православной империи своими корнями уходит к византизму как системе государственно-имперских, церковных, общественных и нравственных идей [2, с. 7–49]. Она включает государствообразующую имперскую концепцию и православие как религиозно-нравственную позицию. Основным в православной империи является принцип «смфонии», при котором светская и церковная власти находятся в состоянии согласия (гармонии) и сотрудничества (синергии). Этическая составляющая этой идеологии основана на *идее милосердной любви к своему ближнему без какого-то либо исключения*. Все этносы и социальные группы нравственно равноправны, ибо «нет ни Эллина, ни Иудея, ... варвара, Скифа, раба, свободного...», – писал апостол Павел в Послании к Колоссянам [3, Гал. 3 : 27, 28]. Предназначение (мессианское служение) православной империи – «удерживать мировое зло» – мировое богоборчество. Внутренняя идеологическая задача заключается в обеспечении нравственной атмосферы для всех населяющих империю этносов (империя как форма государственного устройства рассматривается как дом, общий для всех равноправных народов), воспитании духовности, высоких моральных качеств, пробуждении и воспитании совести в человеке, справедливости и солидарности. Эта

заявка подтверждается тем, что именно христианство в эпоху Средневековья обеспечило не только скрепы общества, но и прививку человеческого в человеке, утверждая его духовную сущность.

2. Марксизм. В его основе – *идея классовой борьбы*. Предполагается *исключительность роли рабочего класса* в беспощадной борьбе с классом эксплуататоров (буржуазией и аристократами) и строительстве коммунизма. Классовая ненависть в России, выраженная в форме репрессий, помимо капиталистов распространялась большевиками на интеллигенцию (даже в большей степени, чем на буржуазию), дворянство и духовенство, а позднее и на зажиточное крестьянство. Эта ненависть касалась русской культуры и русских духовных традиций. *Исключительность* рабочего класса проявилась в России формально. Фактически это была диктатура нового господствующего сословия – партийной номенклатуры. Цель – построение коммунизма во всём мире, начальным этапом которого провоцировалась социалистическая (в идеале – мировая) революция.

3. Фашизм (Италия, 20–40-е гг. XX века). В его основе – *идея ненависти к концепту коммунизма (социализма) и к социальной справедливости в трактовке социалистов того времени*. Идеология ненависти рождена как реакция местной олигархии (крупной буржуазии и аристократии) на марксизм. Фашизм предполагает милитаризацию экономики и проявляемую в форме диктатуры *исключительность олигархии*. Цель – абсолютная власть олигархии, пожирающей социалистические ценности.

4. Национал-социализм (Германия, 20–40-е гг. XX века). В его основе – *идея национальной ненависти*. Предполагается милитаризация экономики и *исключительность немецкой нации (так называемой «арийской расы»)* как *мирового супер этноса*. Цель – силовое достижение господства немцев над народами и освобождение мира от коммунизма (марксизма-ленинизма), при полном уничтожении носителей идей марксизма.

5. Либерализм (США, Великобритания и все подконтрольные им страны). В его основе – *ненависть к любой традиции, любым антилиберальным взглядам, любому неповиновению квазиимперии англосаксов*. Ненависть распространяется на христианские нравственные ограничения, мешающие свободе наживы, на православие как цитадель христианства. Либерализм англосаксов парадоксален. Он совсем нелиберален по своей сути. Поскольку реальной формой правления в США является диктатура финансовой олигархии [4, с. 344–389] (иначе говоря – фашизм). Более точным названием идеологического концепта англосаксов будет – «либеральный фашизм». Концепт предполагает *исключительность политической нации англосаксов*, которая открыто и неоднократно была заявлена в 2015–2016 гг. президентом США Б. Обамой, Х. Клинтон и др. Цель либерального фашизма – править миром на основе гегемонии англосаксов, чтобы жить за счёт ресурсов и труда народов всей планеты.

6. Украинская русофобия как *ненависть ко всему русскому, России (усечённый вариант неонацизма)*. Предполагается милитаризация экономики и проявляемая *исключительность украинского этноса*, поначалу в форме дискриминации по отношению к русским и ко всему русскому (включая язык, культуру и

историческую память), а с 2014 года ещё и в форме карательной операции на Донбассе с использованием регулярных войск Украины и батальонов украинских неонацистов. Цель – противостоять России, чтобы ослабить ее в угоду геополитическим интересам США. Украинскую русофобию вряд ли можно рассматривать как уже сложившуюся политическую идеологию. Но таковой она становится, если судить по результатам деятельности официального Киева.

7. Исламо-сектантский империализм как религиозная *ненависть* ко всем, не исповедующим сектантский религиозный экстремизм ИГИЛ (запрещенной на территории Российской Федерации террористической организации). Практика ИГИЛ – генерация кровавого хаоса. Идеология ИГИЛ расходится с традиционными представлениями об исламском государстве (например, Османской империи). Даже малейшие отклонения мусульман от предписаний ИГИЛ превращают их в неверных, а всех неверных ждёт смерть. Идеология ИГИЛ проявляется в форме террора, распространяемого на подконтрольных территориях, причём на всех, не разделяющих мировоззрение этих сектантов, а также в форме терактов на неподконтрольных территориях. Цель – силовое достижение господства исламо-сектантской империи во всех исламских странах Евразии. Итоговое распределение политических идеологий можно выразить в форме таблицы № 1:

Таблица 1.

Итоговое распределение политических идеологий

	«Добро» («любовь» и «равноправие»)	«Зло» («ненависть» и «исключительность»)
Православный империализм	+	–
Марксизм	–	+
Фашизм	–	+
Национал-социализм	–	+
Либерализм	–	+
Украинская русофобия	–	+
Исламо-сектантский империализм (ИГИЛ)	–	+

Представленная таблица демонстрирует, что «добро» (любовь и равноправие) является прерогативой идеологии православной империи, а «зло» (ненависть и исключительность) является визитной карточкой политических идеологий коммунизма, фашизма, нацизма, либерализма, украинской русофобии, исламо-сектантского империализма (ИГИЛ). Их можно классифицировать как мутации основной идеологии мирового зла.

Бинарная дифференциация второго уровня усиливает первоначальную картину:

1. Православный империализм (Византия, Российская империя). В Древней Греции (а затем и в Римской империи) в качестве идеологических моральных догматов выступала мифология, повествующая о своеобразном происхождении и

устройстве мира. В этом устройстве сосуществуют люди и боги, а миф выступает в качестве пограничной реальности, нравственно ориентирующей людей. Позднее развивается натурфилософия, ориентированная на познание природы, складывается категориальный каркас, включающий в себя космос, хаос, материю, идею, душу, ум, добро и зло, свободу. Натурфилософы, материалисты, идеалисты, софисты, эпикурейцы, киники, стоики, скептики, пифагорейцы, платоники, пантеисты обеспечили становление и развитие идей будущего христианства. Иисус Христос изменил на тысячелетия мировоззрение и духовный мир людей, отделив истину от лжи, праведность от греховности. На естественных началах брожения, конкуренции и эволюции античных идей и идеологием возник уникальный идеологический феномен византизма. Византизм включает величественную государствообразующую империю и христианство как религиозно-нравственную концепцию ее развития. Основным в византизме является принцип «симфонии», при котором светская и церковная власти находятся в состоянии согласия и сотрудничества. После разделения христианства на католиков и православных византизм более корректно следует называть «православным империализмом», чтобы отличать его от «христианского империализма» Священной Римской империи германской нации или другой империи – Австро-Венгерской. Российская империя к началу XX века осталась единственной преемницей Византии, в полной мере унаследовав принципы её государственного устройства, культурные и духовную традиции и даже герб.

2. Марксизм. Основатели марксизма: К. Маркс и Ф. Энгельс. Идеи марксизма можно рассматривать как мутацию древней иудейской традиции строительства сельскохозяйственных коммун. Активное участие сионистов в марксизме делало его привлекательным для иудейских общин. Всё вместе перекликалось с иудейской религиозной мечтой «править миром» и политикой хазарского каганата (диктатура иудейского меньшинства). На втором съезде РСДРП (Лондон, 1903 г.) один из главных вопросов состоял в том, оставаться ли российскому марксизму чисто еврейским движением или, наоборот, быть ему интернациональным [5]. Победила формулировка интернациональности В. И. Ленина. Фракция сионистского движения «Бунд» покинула съезд в знак протеста. К. Маркс получил покровительство Великобритании. В Лондоне ему были предоставлены все необходимые условия для жизни с семьёй и разработки своей революционной идеологии. Первые съезды российских марксистов (партия РСДРП) проводились исключительно в Лондоне. Марксизм – это искусственная идеология, заказанная масонскими иерархами, политиками Великобритании и иудейским (сионистским) олигархатом. «Призрак коммунизма бродил по Европе», пока триединая политическая сила щедро его спонсировала. Отсутствие постоянного финансирования практически свело марксизм на нет в Европе уже к концу XX века. В самой Европе марксизм не получил сколько-нибудь существенного политического влияния, что лишней раз доказывает его заказной, экспортный и искусственный характер.

3. Фашизм (Италия 20–30-х годов XX века). Распространение марксизма в Европе, а также успех революции в России привели в двадцатые годы XX в. к

чрезвычайной популярности марксизма в Италии. Олигархию Италии (высших аристократов и крупных буржуа) не устраивал российский революционный сценарий экспроприации экспроприаторов. Под руководством бывшего социалиста Б. Муссолини родилась идеология фашизма. Ненависть (пролетарская) породила другую (олигархическую), соответственно, один искусственный политический заказ породил другой.

4. Национал-социализм (Германия 20–40-е годы XX века). Марксистская революция в России 1917 года вполне удалась по замыслу сил, враждебных России. Но с приходом к власти И. Сталина процесс пошёл не по заданному троцкистскому сценарию. СССР вместо разжигания мировой революции стал индустриально подниматься из революционных руин «как отдельно взятая» держава, причём небывало высокими темпами, постепенно превращаясь в империю более мощную, чем некогда была империя царская. У англосаксов (Великобритании и США) возник новый нежелательный геополитический конкурент. Его нужно было уничтожить, причём чужими руками (классическая тактика англосаксов). Их усилиями была определена участь Германии. А. Гитлер, сформулировавший свои идеологические концепты в работе «Майн Кампф», подходил и как идеолог, и как харизматический лидер. Великобритания и США начали вкладывать мощные инвестиции в новую партию национал-социализма А. Гитлера. Возрождение Германии англосаксами совпало с интересами немецкой олигархии и надеждами большинства немцев, пребывающих в депрессивном состоянии после поражения в Первой мировой войне. Резонанс поддержки обеспечил успех национал-социализма. Они захватили власть в Германии. Идеология национал-социализма, щедро спонсированная англосаксами, явилась реакцией на возрастающее могущество СССР. Германию англосаксы «натравили» на СССР. Цели англосаксов частично были достигнуты: послевоенная Западная Европа оказалась полностью под контролем квазиимперии англосаксов. Таким образом, политическая идеология национал-социализма является заказной разработкой англосаксов.

5. Либерализм (иначе – либеральный фашизм, США, Великобритания) – идеология политической культуры англосаксов, распространённая на весь подконтрольный мир вследствие процессов явной или скрытой колонизации. Идеи либерализма получили первое воплощение в Конституции США (1787 г.), в нетрадиционном (искусственном) государстве, созданном с целью править миром («новый мировой порядок»). Идеологические критерии истинности в либерализме формально отрицаются. Все страны, принявшие идеологический концепт либерализма (Западная Европа, Канада, Австралия, Япония и др.), являются не имеющими никакого идеологического, военного или внешнеполитического суверенитета вассалами империи англосаксов. Таким образом, идеология либерализма является заказной разработкой для экспансии интересов навязываемой силовым образом квазиимперии англосаксов, а потому искусственной по своей сути для всех без исключения народов.

6. Украинская русофобия как ненависть ко всему русскому является своеобразным феноменом. Он представляет собой гибрид фашизма, нацизма и либерализма. Парадокс заключается в том, что предполагаемая национальная

исключительность украинцев заявляется находящимися у власти представителями не украинской национальности: евреями, кавказцами и англосаксонами. Украинских фашистов (олигархов-диктаторов), нацистов («Правый сектор», батальоны «Айдар», «Азов» и др.) и либералов (интеллигенцию, живущую на гранты или состоящую на службе НКО, финансируемых США) объединяет русофобия нацеленная на разрушение русского мира как ненависть ко всему русскому и России. Украина с 2014 года находится под внешним управлением США и рассматривается ими как часть глобального американского проекта [6]. Политика Украины подконтрольна англосаксам. Русофобия Украины имеет заказной (внешний) характер и тем самым, искусственна и даже абсурдна для украинского народа, большей частью русского. Это ещё не идеология, но уже первые шаги ее становления в ипостаси ненависти ко всему русскому.

7. Исламо-сектантский империализм (иначе – исламский терроризм). Этот феномен соединяет лозунги исламского экстремизма (на базе салафизма), Халифата (на основе исламского государства) и социальной справедливости (социализма). Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ) было создано бывшими офицерами спецслужб Ирака (С. Хусейна), оставшимися не у дел после разгрома Ирака армией США, а также представителями спецслужб Сирии, Турции, Саудовской Аравии, Катара и США, при доминирующей роли последних. Целью является создание квазигосударства, провоцирующий хаос в исламских странах. Формально ИГИЛ объявлено вне границ, а фактически оно имеет вполне определённые границы, обозначенные спонсорами. Это скорее инструмент заказного характера, а не суверенная единица мирового порядка. В этом смысле политическую доктрину ИГИЛ вряд ли можно воспринимать как разновидность политической идеологии. Это скорее возможность стать политической идеологией и не более. Итоговое распределение основных политических идеологий и их подобие можно свести в таблицу № 2:

Таблица 2.

Итоговое распределение основных политических идеологий

	естественность	искусственность
Православный империализм	+	–
Марксизм	–	+
Фашизм	–	+
Национал-социализм	–	+
Либерализм	–	+
Русофобия	–	+
Исламо-сектантский империализм	–	+

При рассмотрении второго уровня оценки политической идеологии через призму «естественность – искусственность» все рассмотренные политические идеологии распределяются на «естественные» (с ориентиром на внутреннюю эволюцию идей) и «искусственные» (с ориентиром на внутривнутриполитический или

внешнеполитический заказ). Естественную политическую идеологию представляет православный империализм, а искусственные (заказные) политические идеологии – марксизм, фашизм, нацизм, либерализм, русофобия, исламо-сектантский империализм.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

1. Метод бинарных дифференциаций и компаративистики позволяет не только анализировать все известные политические идеологии, но и давать им оценку, в соответствии с которой целесообразна их классификация на основе внутренней эволюции идей – «естественной» – политической идеологии православного империализма с опорными категориями любви и равноправия; и на основе внутривнутриполитического или внешнеполитического заказа «искусственные» политические идеологии – марксизм, фашизм, нацизм, либерализм, украинская русофобия и исламо-сектантский империализм с ориентиром на ненависть и исключительность.

2. Православный империализм как политическая идеология пока что не представлен в отечественной академической и справочной литературе философской и политической направленности. Похоже, что современной России необходим не только внешнеполитический суверенитет, но еще и идеологический. В этом контексте политическая идеология православного империализма должна быть восстановлена в своём статусе, который обеспечит самобытное развитие России с ориентиром на служение идее добра. России нужна система общественных координат на базе политической идеологии – православной империи, но не на уровне реставрации прошлого, а на базе той Идеи, которая отвечает нынешнему состоянию геополитики, где каждый ведущий актер располагает своей политической идеологией с ориентиром на свои технологии формирования мировоззрения граждан, в первую очередь, своих стран.

Список литературы

1. Кальной И. И. Идея Платона – горизонт желаемой действительности / Идеология: поиски и находки. Монография / науч. ред. проф. И. И. Кальной. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2015. – 420 с.
2. Малер А. Идеология византизма // Северный Кавказ. – 2007. – № 1. – С. 7–49.
3. Библия. – М.: Акварель, 2016. – 292 с.
4. Папаяни Ф. Быть или не быть идеологии Отечества? / Идеология: поиски и находки. Монография / науч. ред. проф. И. И. Кальной. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2015. – 420 с.
5. Солженицын А. Двести лет вместе. Часть первая. – М.: Вагриус, 2007. – 576 с.
6. Муза Д. Е. Россия в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика / Предисловие С. Ю. Жигенева; Центр стратегической конъюнктуры. – М.: Издатель Воробьев А. В., 2016. – 232 с.

Papayani F. A. Political Ideologies of the Modern World // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 1. – P. 80–90

The ideology – the doctrine of ideas, the prototype, of the desired reality; Borderlands is an area of physics and metaphysics, material and ideal, objective and subjective. These ideas are a kind of scrapie single and common in society, expressing itself through one of the forms of social consciousness in the range from political to religious.

Policy as a tool of the authorities through a system of social coordinates, need to achieve effectiveness through people's minds the participants specific social community. Participants consciousness provided political ideology, which is based on the idea of priority, a symbol of the unity of the common, single, purpose and mechanism (means) of its maintenance.

The priority idea of political ideology is the basic foundation of formation of outlook of people, their belief systems of the world and the extent of their relationship to the world.

The author means "binary differentiations", based on the comparative analysis, has set a goal to get to the essence of a particular political ideology of the modern world, to determine its potential by examining its strategy and tactics to influence public authorities coordinate vertical and horizontal communications system. The solution to this problem has provided an opportunity to offer a typology of the main political ideologies of our time, having built their rating through its relation to basic human values in the world. The author believes that by this relationship depends largely on the state of the situation in terms of total globalization of the world and search for a new world order.

Keywords: ideology, political ideology, world view, democracy, terrorism, Empire.

References

1. Kal'noj I. I. Ideja Platona – gorizont zhelaemoj dejstvitel'nosti [The Idea of Plato – the Horizon of the Desired Reality]. Ideology: searches and finds. Monograph. Scientific. Ed. Prof. I. I. Kal'noj. Moscow, International Publishing Center "Ethnosotsium", 2015, 420 p.
2. Maler A. Ideologiya vizantisma [The Ideology of Byzantium]. Severnyj Katehon, 2007, no. 1, P. 7–49.
3. Bibliya [The Bible.]. Moscow, Akvarel, 2016, 292 p.
4. Papajani F. Byt' ili ne byt' ideologii Otechestva? [To Be or Not to Be the Ideology of the Fatherland?]. Ideology: searches and finds. Monograph. Scientific. Ed. Prof. I. I. Kal'noj. Moscow, International Publishing Center "Ethnosotsium", 2015, 420 p.
5. Solzhenicyn A. Dvesti let vmeste. Chast' pervaja [Two Hundred Years Together]. – Moscow, Vagrius, 2007, 576 p.
6. Muza D. E. Rossija v sisteme koordinat global'nogo mira: metafizika, ideologija, pragmatika [Russia in the Coordinate System of the Global World: Metaphysics, Ideology, Pragmatics]. Moscow, Publisher Vorobiev A. V., 2016, 232 p.

УДК 323.233:004.032.26

ПРОЦЕДУРА ГОЛОСОВАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ

Сулейменов И. Э.,¹ Панченко С. В.,² Габриелян О. А.,³

¹*Алматинский университет энергетики и связи, г. Алматы, Казахстан.*

E-mail: esenych@yandex.ru

²*Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан.*

E-mail: serj129@gmail.com

³*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.*

E-mail: gabroleg@mail.ru

В данной статье показано, что процедура голосования в любом органе, укомплектованном лицами, обладающими выраженными собственными интересами, может рассматриваться как аналог нейронной сети Хопфилда. Установлено, что коэффициенты произвольной сети Хопфилда, выходы нейронов которой принимают дискретные значения -1 и $+1$, могут быть заменены на дискретные значения из множества $(-1, 0, +1)$. Это позволяет обеспечить количественный анализ процедур голосования на основе ограниченных сведений о взаимном влиянии лиц, формирующих голосующий орган, и доказать, что решения в действительности принимает не совокупность голосующих лиц, а сформированная ими сеть.

Ключевые слова: информационная война, теоремы о невозможности, голосование, нейронная сеть, теория социального выбора.

На современном этапе информационная война рассматривается как одно из основных средств достижения политических и, более того, геополитических целей. Одной из ее форм являются различные политические технологии манипуляции общественным сознанием, используемые, в частности, в периоды проведения выборов различных уровней.

Как следствие, дополнительную актуальность приобретает изучение всего пласта проблем, так или иначе связанных с теорией социального выбора, в частности с результатами, известными как «теоремы о невозможности».

Наибольшую известность среди них имеет теорема о невозможности Эрроу [1], которая утверждает, что не существует способа, позволяющего заведомо объективно оценить мнение общества по совокупности тех или иных вопросов.

Фундаментальный результат, полученный К. Эрроу, что теперь является общепризнанным [2; 3], на 40 лет вперед определил развитие теории социального

выбора. В [2; 3; 4] данная теорема интерпретируется как принципиальное отсутствие рационального правила общественного выбора, учитывающего мнение всех членов общества. «Рациональный общественный выбор не может быть компромиссным» [4].

Рассматриваемая теорема показывает, что на результат голосования влияет собственно процедура голосования. Это, вообще говоря, ставит под сомнение возможность рассматривать результат голосования как действительно отражающий волеизъявление тех, кто принимает в нем участие.

Более того, в работе [5] было показано, что любую процедуру голосования можно рассматривать на основании аналогии между голосующим органом (голосующим электоратом) и нейропроцессором Хопфилда. Результаты работы позволяют утверждать, что существуют условия, при которых «решение» принимается не отдельными членами голосующего органа, а сформированной ими нейронной сетью.

Доказательства основываются на следующих соображениях. На рис. 1 представлена схема [5], отражающая процедуру голосования в некотором органе (например, ученом совете). С формальной точки зрения считается, что каждый из членов совета принимает решения независимо. В действительности, однако, следует принять во внимание их взаимное влияние друг на друга (например, член совета может проголосовать «за», даже если рассматривается заведомо слабая работа, по просьбе своего коллеги и т. д.). Наличие таких связей делает рассматриваемую систему топологически эквивалентной нейронной сети Хопфилда, что непосредственно вытекает из сопоставления его схемы (Рис. 2) с Рис. 1.

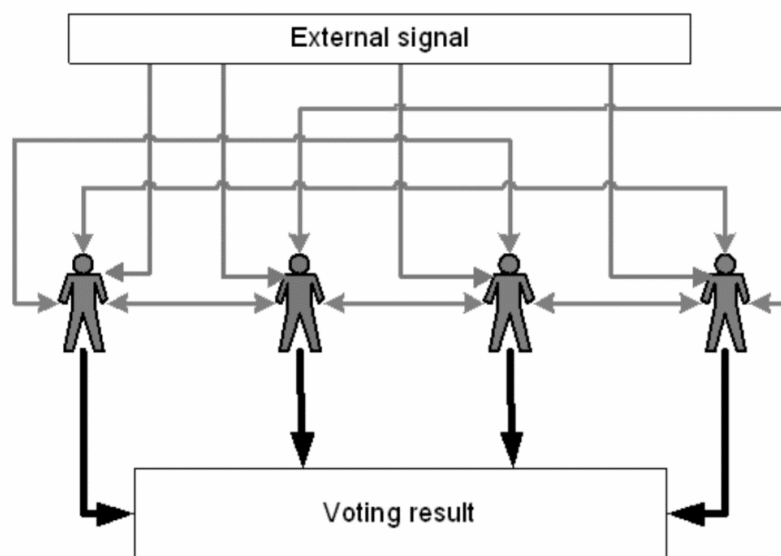

Рис. 1. К существованию системы обратных связей в голосующем органе (например, ученом совете) [5].

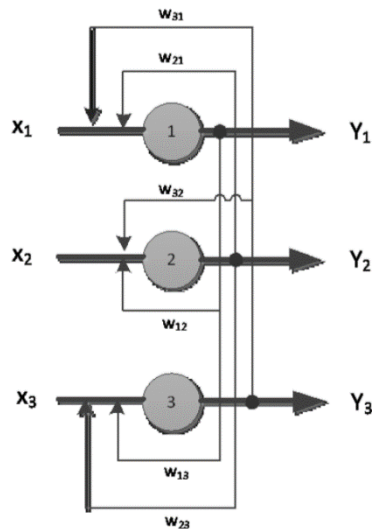

Рис. 2. Схема обратных связей в нейропроцессоре Хопфилда.

Очевидно, что такой режим (ситуация, в которой решение по конкретному вопросу принимают не члены голосующего совета, а нейронная сеть в целом) реализуется только при условии, что плотность обратных связей становится достаточно большой. Тем не менее результаты [5] можно рассматривать как подтверждение вывода, сделанного в [6; 7], в соответствии с которым общество формирует надличностные структуры вполне определенного типа. (Примером является бюрократический аппарат, переродившийся в самостоятельный квазиорганизм, функционирование, точнее, жизнедеятельность которого уже не связана с формально решаемыми им задачами).

Данное утверждение основывается на следующих соображениях. Нейронная сеть обрабатывает поступающую на ее вход информацию совсем не так, как программируемые системы. «Память» нейронной сети является распределенной, она только опосредованно связана с состоянием отдельных элементов сети. В этом отношении нейронную сеть часто уподобляют голограмме: отдельная часть голограммы восстанавливает то же изображение, что и вся она целиком, но с ухудшенным качеством.

Иначе, нейронная сеть представляет собой объект, в котором выражено свойство системности: в обработке информации, осуществляемой ею, принимает участие некое новое качество, которое обусловлено не столько свойствами отдельных элементов, сколько характером связей между ними. Вследствие этого элементы, входящие в любой аналог нейронной сети, «обезличиваются», их особые свойства уже не определяют поведение системы в целом. Именно в этом смысле можно утверждать, что поведение любой системы, являющейся нейронной сетью (или ее аналогом), сходно, что позволяет пользоваться довольно смелыми, на

первый взгляд, аналогиями. Так как только появляются доказательства в пользу того, что данный объект (например, бюрократия) представляет собой аналог нейронной сети, то сразу можно заключить, что пользователь де-факто имеет дело не с отдельными элементами системы, на которые он может влиять непосредственно, но с сущностью иной (информационной) природы, воздействие на которую является опосредованным и, следовательно, плохо контролируемым.

Основное затруднение, которое возникает при попытках исследовать надличностные структуры (например, квазиорганизмы, подобные бюрократическому аппарату) количественно, связано с необходимостью отыскать матрицу весовых коэффициентов соответствующей нейронной сети.

В данной работе показано, что отмеченное затруднение не является критическим, так как соответствующим весовым коэффициентам можно приписывать значения из дискретного множества.

Точнее, имеет место следующая теорема.

ТЕОРЕМА

Пространство векторов, отвечающих весовым коэффициентам обратных связей между i -тым нейроном и остальными нейронами сети Хопфилда, может быть разбито на конечное число областей таких, что в матрице весовых коэффициентов $\{w_{ij}\}$ строка, поставленная в соответствие вектору $w_i \in G_{ik}$, может быть заменена на строку, поставленную в соответствие любому другому вектору $w_i^0 \in G_{ik}$.

Работа отдельного нейрона сети Хопфилда описывается через функцию активации

$$x_i = f(x_{i0} + w_{i1}x_1 + w_{i2}x_2 + \dots + w_{in}x_n), \quad (1)$$

где x_i – переменные, описывающие состояние выходов нейронов, w_{ij} – весовые коэффициенты обратных связей, x_{i0} – постоянная, задающая порог срабатывания.

В рассматриваемом случае можно считать, что состояние выходов описывается переменными, принимающими дискретные значения $+1$ и -1 , $x_i = -1, +1$, которые соответствуют голосу, поданному «за» и «против».

Можно использовать пороговую функцию активации, рис. 3.

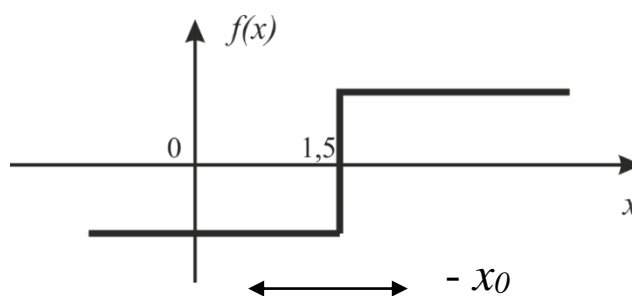

Рис. 3. Вид функции активации нейрона, $f(y) = 1, y \geq 0; -1, y < 0$.

Очевидно, что значение переменной x_i в формуле (1) определяется расположением точки $x = (x_1, x_2, \dots, x_n)$ относительно гиперплоскости, задаваемой уравнением

$$x_{i0} + w_{i1}x_1 + w_{i2}x_2 + \dots + w_{in}x_n = 0, \quad (2)$$

причем точки x лежат на вершинах n -мерного гиперкуба с ребром 2.

Перейдем в двойственное пространство (термин используется в смысле, придаваемом ему проективной геометрией). Известно, что в двойственном пространстве каждой гиперплоскости ставится в соответствие определенная точка, а точке, наоборот, – гиперплоскость.

В частности, в соотношении (2) набор величин

$$(1, w_{i1}, w_{i2}, \dots, w_{in}) \quad (3)$$

можно рассматривать как координаты точки в двойственном пространстве, а набор

$$(x_{i0}, x_1, x_2, \dots, x_n) \quad (4)$$

– как координаты гиперплоскости.

Очевидно, что при рассмотрении двойственного пространства значение переменной в формуле (1) будет определяться взаимным расположением гиперплоскости с координатами (4) и точки с координатами (3).

Коль скоро выходы нейронов рассматриваемой сети характеризуются переменными, принимающими дискретные значения, то число возможных гиперплоскостей в двойственном пространстве конечно. А именно, таких плоскостей существует 2^n , где n – размерность пространства, равная числу нейронов в сети.

Каждая из таких гиперплоскостей разрезает пространство векторов в двойственном пространстве на два полупространства $R_{\alpha}^{\pm}$.

Мультииндекс α представляет собой совокупность дискретных переменных, отвечающих конкретному набору значений x_i , описывающих состояние выходов нейронов сети

$$\alpha = (x_1, x_2, \dots, x_n). \quad (5)$$

Построим множества вида

$$G_k = G^{\beta} = \bigcap_{\alpha} R_{\alpha}^{\beta}, \quad (6)$$

где мультииндекс $\beta = (\beta_1, \beta_2, \dots, \beta_n)$, $\beta_j = \pm 1$ отвечает выбору одного из двух возможных полупространств при каждом разбиении.

По построению, множества G_k (области в двойственном пространстве) представляют собой пересечения полупространств, образованных гиперплоскостями (4). Следовательно, если две точки

$$w^1 = (w_{11}, w_{21}, \dots, w_{n1}) \quad (7)$$

$$w^2 = (w_{12}, w_{22}, \dots, w_{n2}) \quad (8)$$

обе принадлежат одному и тому же множеству G_k , $w^1, w^2 \in G_k$, то значение аргумента функции (1) останется неизменным при любой выбранной комбинации выходных переменных. Теорема доказана.

Фактически это означает, что значения весовых коэффициентов нейронной сети Хопфилда можно выбирать дискретным образом. Проиллюстрируем полученный результат на примере сети, включающей в себя два нейрона.

Она описывается системой двух уравнений

$$x_1 = f(x_0 + w_{11}x_1 + w_{12}x_2) \quad (9)$$

$$x_2 = f(x_0 + w_{21}x_1 + w_{22}x_2), \quad (10)$$

где предполагается, что величины, определяющие порог срабатывания для обоих нейронов одинаковы, что можно допустить без ограничения общности.

Перейдем в формулах (9) и (10) к новым значениям весовых коэффициентов, пользуясь следующим свойством пороговой функции активации

$$f(qx) = f(x), \forall q > 0. \quad (11)$$

Имеем

$$x_1 = f(\pm 1 + s_{11}x_1 + s_{12}x_2) \quad (12)$$

$$x_2 = f(\pm 1 + s_{21}x_1 + s_{22}x_2), \quad (13)$$

где $s_{ij} = w_{ij}/|x_0|$.

Рассмотрим случай положительного значения переменной, задающей приведенный порог срабатывания.

Существует четыре возможных комбинаций двоичных переменных, описывающих состояние рассматриваемой системы: $(-1, -1)$; $(1, -1)$; $(-1, 1)$; $(1, 1)$. Этим четырем комбинациям соответствуют четыре прямые в двойственном пространстве

$$1 - s^1 - s^2 = 0 \quad (14)$$

$$1 + s^1 - s^2 = 0 \quad (15)$$

$$1 - s^1 + s^2 = 0 \quad (16)$$

$$1 + s^1 + s^2 = 0. \quad (17)$$

Эти четыре прямые разбивают плоскость переменных (s^1, s^2) на девять областей (Рис. 4); номера прямых на рисунке соответствуют номерам вышеприведенных формул.

Можно видеть, что работа нейронной сети полностью определяется не столько конкретными значениями весовых коэффициентов, сколько областью, в которую попадает соответствующий вектор. Любые пары конкретных значений могут быть заменены на пары значений, индексирующих области, показанные на рис. 3. В соответствии с доказанной выше теоремой вместо конкретных значений весовых коэффициентов можно использовать более удобные для расчетов.

В частности, области с номерами с 1-го по 4-й удобно индексировать парами значений $(1, 1)$, $(-1, 1)$, $(-1, -1)$ и $(1, -1)$. Эти значения можно приписать векторам весовых коэффициентов при условии, что исходные значения принадлежат одному из множеств с номерами с 1-го по 4-й.

Если исходные значения попадают в область (5), их можно заменить на пару $(1+\varepsilon, 0)$, где ε – сколь угодно малая положительная величина, если в область (6), то на $(0, -1-\varepsilon)$, и т. д. При условии, что исходные коэффициенты попадают в центральную область (9), их эквивалентные значения могут быть приняты равными нулю.

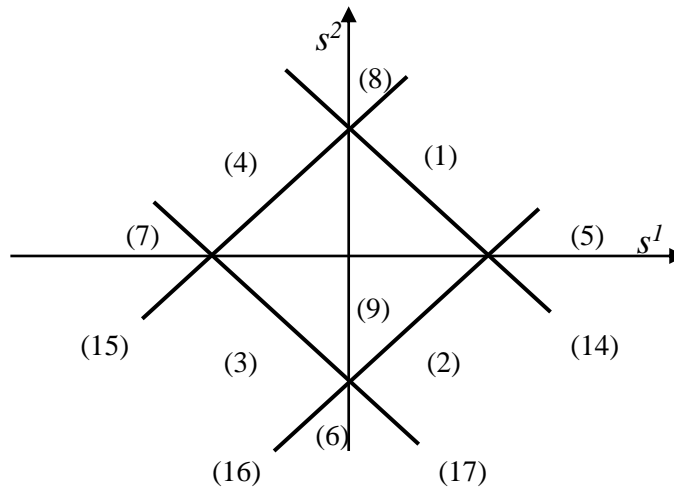

Рис. 4. Классификация векторов, отвечающих значениям коэффициентов обратной связи в сети Хопфилда, с помощью построения в двойственном пространстве.

Аналогичное построение для случая сети Хопфилда, содержащей три нейрона, представлено на рис. 5.

В данном случае пересечение плоскостей вида

$$1 \pm s^1 \pm s^2 \pm s^3 = 0 \quad (19)$$

(выбирается только один из знаков при каждой переменной) формирует октаэдр – геометрическое тело, обладающее четырьмя парами параллельных граней. Число областей, на которые разрезается двойственное пространство, в данном случае составляет, как можно видеть из рисунка, $27 = 3^3$.

Можно показать, что указанные области индексируются тройками $(\beta_1, \beta_2, \beta_3)$, где каждая из величин принимает значения из множества $(-1 \pm \varepsilon, 0, 1 \pm \varepsilon)$.

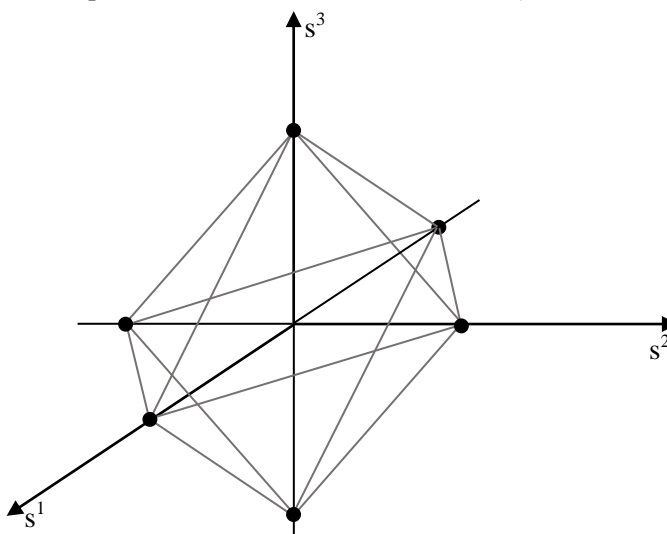

Рис. 5. Разбиение двойственного пространства на области, отвечающие дискретным значениям.

Таким образом, рассматривая сеть Хопфилда, нет необходимости определять точные значения весовых коэффициентов. По существу, они могут быть определены на основании одних только качественных соображений (влияние является либо положительным, либо отрицательным, либо отсутствует вовсе).

Это создает предпосылки для последовательного математического анализа любых социальных систем, поведение которых так или иначе связано с процедурами голосования.

С точки зрения собственно теории нейронных сетей полученный результат открывает новые возможности для построения новых алгоритмов для их обучения.

Список литературы

1. Arrow K. J. Social Choice and Individual Values. – N.Y.: Wiley and sons, 1951; 2nd ed 1963.
2. Aizerman M., Aleskerov F. Theory of Choice. – Elsevier: North-Holland, 1995. – 314 p.
3. Geanakoplos J. Three Brief Proofs of Arrow's Impossibility Theorem. Cowles Foundation Discussion Paper no. 1123RRRR. – New Haven, Connecticut, 2004.
4. Полтерович В. М. Кризис экономической теории. Доклад на семинаре «Неизвестная экономика». ЦЭМИ РАН, январь 1997 г. [Электронный ресурс] / В. М. Полтерович – Режим доступа: <http://www.rusreforms.ru/vmp.htm>.
5. Suleimenov I., Gabrielyan O., Mun G., Panchenko S., Amirzhan T., Suleimenova K. Voting Procedure and Neural Networks // International Journal on Communications. – 2014. – Т. 3. – П. 16–20.
6. Нанотехнология. Экономика. Геополитика / Ергожин Е. Е., Арын Е. М., Сулейменов И. Э., Беленко Н. М., Габриелян О. А., Сулейменова К. И., Мун Г. А. – Библиотека нанотехнологии. Алматы – Москва – София – Антиполис – Симферополь: Изд-во ТОО «Print-S», 2010. – 227 с.
7. Nanotechnology versus the global crisis / Yergozhin Ye. Ye., Aryn Ye. M., Suleimenov I. E., Mun G. A., Belenko N. M., Gabrielyan O. A., Park N. T., Negim El-S. M. El-Ash., Suleymenova K. I. – Seoul: Hollym Corporation Publishers, 2010. – 300 p.

Suleimenov I. E. Panchenko S. V. Gabrielyan O. A. The Voting Procedure from the Point of View of The Theory of Neural Networks // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 1. – P. 91–99.

It is shown that the voting process in any organ, staffed with persons having expressed their own interests, can be considered as an analog of the Hopfield neural network. It is established that the coefficients of arbitrary Hopfield network, output neurons which take discrete values -1 and $+1$, can be replaced by discrete values from the set $(-1, 0, +1)$. This allows to provide a quantitative analysis of voting procedures based on limited information about the mutual influence of the makers of the voting body and to prove that the solutions in fact is not a set of voting individuals and formed their network.

Keywords: information war, of the impossibility theorem, voting, neural network, theory of social choice.

References

1. Arrow K. J. Social Choice and Individual Values. – N.Y.: Wiley and sons, 1951; 2nd ed 1963.
2. Aizerman M., Aleskerov F. Theory of Choice. Elsevier, North-Holland, 1995, 314 p.
3. Geanakoplos J. Three Brief Proofs of Arrow's Impossibility Theorem. Cowles Foundation Discussion Paper no. 1123RRRR. New Haven, Connecticut, 2004.
4. Polterovich V. M. Krizis ekonomicheskoi teorii. Doklad na seminaru «Neizvestnaya ekonomika» [Report on the seminar "Unknown economy"]. Available at: <http://www.rusreforms.ru/vmp.htm>
5. Suleimenov I., Gabrielyan O., Mun G., Panchenko S., Amirzhan T., Suleimenova K. Voting Procedure and Neural Networks. International Journal on Communications, 2014, Vol. 3, P. 16–20.
6. Nanotekhnologiya. Ekonomika. Geopolitika [Nanotechnology. Economy. Geopolitics]. Ergozhin E. E., Aryn E. M., Suleymenov I. E., Belenko N. M., Gabrielyan O. A., Suleymenova K. I., Mun G. A. Library of nanotechnology. Almaty – Moscow – Sofia – Antipolis – Simferopol: Publishing house «Print-S», 2010, 227 p.
7. Nanotechnology versus the global crisis / Yergozhin Ye. Ye., Aryn Ye. M., Suleimenov I. E., Mun G. A., Belenko N. M., Gabrielyan O. A., Park N. T., Negim El-S. M. El-Ash., Suleymenova K. I. Seoul, Hollym Corporation Publishers, 2010, 300 p.

УДК 221.32

СТАЛИН И МОИСЕЙ, ИЛИ БИБЛЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Чемшиш А. А.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

E-mail: histphilsoc@sevsu.ru

Предметом статьи является выявление и проведение некоторых аналогий и параллелей метафизического (историософского) плана между масштабными историческими событиями, разделяемыми тысячелетиями, но содержащими общие смыслы. Подчеркивается, что определенные идеи, в силу своего величия, выдвигаются на века и тысячелетия. Одной из таковых является идея социальной справедливости (классового или национального характера). В ветхозаветных сюжетах обнаруживается множество сопоставимых с советской действительностью эпизодов и событий, наполненных схожим смыслом, целями и задачами. В центре находятся фигуры Сталина и Моисея как предводителей крупных исторических движений.

Опираясь на исторический и сравнительный методы научного познания, автор обнаруживает ряд аналогий между библейской историей исхода израильского народа из дома египетского рабства и пути в землю ханаанскую с реальной историей советской эпохи (попытка прыжка из царства необходимости в царство свободы).

Обосновывается идея о том, что сокровенный смысл великого пути богоизбранного народа в «благодатную» землю и великого похода людей страны Советов в «светлое будущее» – по сути, один и тот же. Это путь освобождения от эксплуатации, обретения человеческого достоинства и социальной справедливости. Реализация замысла также носит сходный характер: через тяжёлые испытания, через преодоление. В библейской версии – через испытания пустыней (40 лет), опасности и смертельные жертвы. В советском варианте – через предельную мобилизацию всех средств и ресурсов (30 лет), через задействование инструмента страха, использование ГУЛАГа, существование общества на пределе его возможностей.

Делается вывод о необходимости овладения историческим методом постижения прошлого: историю следует понимать через систему координат минувшего времени, по господствовавшим в тот или иной период политическим правилам, моральным установкам, историческим возможностям. Что особенно важно – историческую личность надобно судить историческими мерками, т. е. соразмерно вкладу в сокровищницу истории.

Ключевые слова: социальная справедливость, общественные законы, божественная воля, Сталин, Моисей, библейская история, советская эпоха.

История, помимо прочего, вещь своеобразная и занятная. История – одновременно факт и его интерпретация, объективная реальность и субъективная оценка, повествование очевидца и пересказ с чужих слов. Она содержит в себе

очевидное и сомнительное, правду и домысел, между которыми пролегает зыбкая грань [1; 2].

Резонно предположить, что самые значительные события в истории человечества имеют различную степень соответствия между тем, как они произошли в действительности, и тем, какое освещение нашли на страницах печатных изданий. В нашем случае не столь важно, насколько точно и скрупулёзно отражены события и процессы в тех или иных суждениях. Для нас представляет первостепенное значение, насколько убедительно и аргументированно раскрыты и выявлены смыслы этих суждений.

Логичным является также предположение о том, что не просто крупные, но грандиозные исторические действия, при сохранении правдивости описания доминирующей фабулы разворачивающихся событий, могут «обрастать» сюжетами, играющими вспомогательные, второстепенные роли.

Отталкиваясь от вышесказанного, думается, не будет некорректной попытка выявления и проведения некоторых аналогий и параллелей метафизического плана между масштабными историческими событиями, разделяемыми тысячелетними временами, но содержащими общие смыслы, несмотря на разноплановые источники: научную литературу и Священное Писание.

Оказывается, великие идеи потому и великие, что выдвигаются на века и тысячелетия, по-видимому, до окончания времен или до полного осуществления. Таковой является идея справедливости и равенства, не суть важно, социального или национального. Идея устранения классового господства в России в XX веке была так же свежа, как и идея обретения свободы от египетского порабощения народа Израиля 3000 лет тому назад. Внимательно читая ветхозаветные книги «Исход», «Левит», «Числа», «Второзаконие», несложно обнаружить множество схожих с советской действительностью эпизодов, событий, сюжетов, наполненных похожим смыслом, целями, задачами. Библейская история исхода израильского народа из дома египетского рабства и поход в землю ханаанскую, где течёт «молоко и мёд», обнаруживает немало аналогий конкретно с историей советской эпохи (попытка «прыжка» из царства необходимости в царство свободы).

Нас несколько не смущает поиск указанных аналогий, несмотря на сложности, обусловленные факторами времени, места, природой источников и т. д. Решающее значение здесь имеют постановка и осмысление так называемых вечных вопросов человечества: осуждение рабства, стремление к свободе, социальной справедливости, национальному равноправию, человеческому достоинству, лучшему общественному обустройству, возведению на пьедестал моральных ценностей. Весь набор человеческих устремлений, свойственный народу Израиля 30 веков тому назад, был целиком, без изъятий, актуальным и для советского народа в прошлом веке. Поэтому путь, пройденный соплеменниками Моисея, вполне может быть сравним с дорогой, которую прокладывали соотечественники Сталина [3, с. 93–95].

Оба народа – и легендарный библейский, и конкретно-исторический – изначально пребывают в роли страждущих и взывающих к исправлению своего положения. В обоих случаях востребованы одни и те же идеи: сама идея свободы и

практические усилия по организации освободительного движения. Поскольку рабство в продолжение нескольких веков стало нормой общественного бытия, встает задача вдохновить огромные массы людей на новое мировоззрение (сломать стереотипы, переориентировать, перевоспитать и т. д.), более того, заставить сделать практические шаги к новой жизни. Всё это возможно сделать только сверхусилиями и сверхмерами. В библейской версии сама идея освобождения от рабства избранного народа и дарования ему земли «просторной и широкой» исходит не от кого бы то ни было, а от единственно сущего, Творца земного мира, Господа Бога [4, с. 45].

Всемогущему Иегове всё под силу, но вмешиваться в дела земные напрямую ему как-то не с руки, не дело это «царя небесного». В божью миссию входит лишь обозначение вектора, тенденции того или иного процесса и обеспечение ему благословения. Для практической реализации замысла творца нужен смертный, но не просто смертный, а наиболее авторитетный из смертных, больше, чем человек, пророк. Таковым предстает Моисей – самый заслуженный представитель богоизбранного народа, последний из пророков, удостоенный прямого контакта с Иеговой [4, с. 175].

Как бы это не казалось странным, но реальная история в виде «эпохи исторического материализма» имела весьма сходные с ветхозаветной предпосылки. Разница лишь в том, что пробуждающей от «сна» силой, призывающей отречься от «старого мира», выступает так называемая теория научного коммунизма, в более широком понимании – марксистско-ленинское учение об объективных законах развития общества, по своему могуществу, во время наивысшего взлета, не уступающее силе божественного провидения.

Но всепобеждающая сила коммунистической теории, по авторитету уравненная с библейским божеством, оказывается равна ему и в том, что она, по природе сила духовная, бесплотная, становится также и материальной, когда овладевает массами. Теория, между тем, нуждается в её носителях, пророках и равных им революционных вождях. Библейским пророкам Аврааму, Исааку, Иакову вполне соответствуют коммунистические вожди Ленин, Троцкий, Зиновьев. Но если искать фигуру из советской эпохи, которая была бы эквивалентом фигуре Моисея, то это, без сомненья, личность Сталина [5; 6].

Сталин и Моисей есть избранники. Не будем оспаривать текст Святого Письма. Моисей есть избранник божий. Сталина в качестве водителя советского народа выбрала сама история. На крутом повороте истории появляются сразу несколько крупных личностей. Каждая претендует на лидерство, предлагая свой вариант развития. В беспощадной, ожесточённой борьбе побеждает сильнейший. В этом и заключён исторический выбор [7; 8, с. 609]. Из текстов святого писания давным-давно известна глубокая истина, современным языком звучащая так: «Правящий класс никогда не уступает господство без сопротивления, добровольно, поскольку нет в этом его интереса». Все потуги Моисея, все его просьбы и увещания фараона пойти на определенные уступки были тщетны. И Иегова, направляющий усилия Моисея, знает, что просить египетского царя бесполезно, потому что существующий порядок заведён самим Богом и без его вмешательства ничего в

сложившемся порядке не может измениться. Смысл вовлечения Моисея в игру с участием высшей силы состоит в том, чтобы убедить самого Моисея, а через него – весь народ в реальном всемогуществе единого Сущего и в том, что порядок вещей меняется исключительно по его воле.

Поскольку большевизм руководствовался материалистическим пониманием истории только на словах, а на деле – ленинским девизом, заимствованным у Наполеона: «Надо ввязаться в бой, а там посмотрим», сопротивление старого преодолевалось без учёта того, насколько этот мир устарел и насколько новый мир может улучшить то, что считалось устаревшим. Как бы там ни было, но социальный антагонизм русского царя со своим народом сильно напоминает вражду египетского фараона с чуждым ему народом Израиля.

Библейские тексты показывают, что проблема общественных перемен стара как мир. Ветхозаветным борцам за справедливость вначале был приемлем большевистский призыв: «Весь мир насилья мы разрушим до основания...». Сам Иегова, научая Моисея, предупреждает: «Страшно будет то, что я сделаю для тебя». Моисей получает прямое указание, как поступать с безбожниками, т. е. народами, негодными Господу и не усвоившими его заповедей, постановлений и законов: «Смотри, не вступай в союз с жителями той земли, в которую ты войдёшь, дабы они не сделали сеть среди вас. Жертвенники их разрушьте, столбы их сокрушите, вырубите священные рощи их...» [4, с. 72].

Большевистские вожди Ленин и Троцкий, спровоцировавшие гражданскую войну, в дальнейшем Сталин, осуществлявший ликвидацию кулачества как класса, вполне могут стоять в одном ряду с легендарным Моисеем. Они не имели возможности двигать вперёд идею справедливости, как она понималась ими и их современниками, не разрушая старых устоев, безжалостно ломая их несущие конструкции, традиции, верования, ценности и одновременно человеческие чувства, судьбы и самую жизнь. Можно сколько угодно сетовать на жестокосердие и злодеяния, проявленные в ходе общественных борений (революций), но никак не избежать сурового заключения: *общественный прогресс бескровным не бывает*. И содержат эту истину не только партийные документы, но и тексты Святого Письма.

Следующая мысль, логически вытекающая из предыдущей, состоит в том, что путь из дома рабства (тюрьмы народов) к «земле, где течёт молоко и мёд» (социализму), одинаково тяжёл и по библейской легенде, и в реальном историческом измерении. Вести рабов в землю обитаемую Моисею приходилось *силой*. Многократно он сталкивался с ропотом, недовольством и возмущением народа [4, с. 54, 56, 57, 118, 120, 127]. Порой, казалось, и сам Моисей мог бы не выдержать всех испытаний, выпавших на его долю и судьбу всего его народа. Но он неизменно пользовался божьей помощью, что позволяло ему принимать адекватные решения, обретать уверенность, владеть ситуацией и двигаться дальше к заветной цели «в землю, где течет молоко и мёд». Моисей был тираном, потому что в первую очередь служил Богу [4, с. 71, 123], затем народу, и был беспощаден с теми, кто, образно говоря, «шёл не в ногу» [4, с. 71, 122]. Об авторитарности строительства социализма в СССР и говорить не приходится. Со временем авторитаризм и вовсе перерос в тоталитаризм. Но наивно бы было полагать, что «светлое будущее» и

«молоко с мёдом» ждут и дожидаются, когда до них доберутся наивные мечтатели из уютных кабинетов. Приз полагается не им, а победителям, тем, кто потом и кровью, немислимыми страданиями строили, сооружали, воевали, преодолевали, голодали, не спали, но дошли до финиша, ведомые железной рукой, несгибаемой волей, выдающимся интеллектом. Стройки социализма, как и хождение по пустыне, предполагали подстёгивать ленивых, наказывать нерадивых, карать смутьянов, паникёров, вредителей.

Авторитарное управление народом во время крупных общественных движений нельзя сводить исключительно к насилию, но по преимуществу все же это принудительное движение. Этически его нельзя оправдать, но политически можно. Если социальное принуждение исходит из интересов большинства и во имя большинства, оно исторически оправданно. Сталин и Моисей относятся к числу авторитарных предводителей, сделавших насилие инструментом осуществления стратегически оправданных проектов.

И Сталин, и Моисей большое значение придавали формированию у народа веры в успех задуманного предприятия. Но вера в неизведанное, в «молочные реки и кисельные берега», светлое будущее – хрупкое и ненадёжное чувство. В пятикнижии Моисея мысль о неверии в успех предприятия, освященного самим Богом, повторяется многократно, и людское недовольство направляется против Моисея – пророка и водителя, вынуждая его всякий раз обращаться за божьей помощью. И всякий раз мы видим, как Господь прибегает к методу наказания своего народа за неверие в божье слово, а значит, и за неверие в самого Бога, не говоря уже о неверии в предводителя. В отдельных случаях Моисей самостоятельно, а в большинстве – со ссылкой на божественный авторитет восстанавливает пошатнувшуюся было веру соплеменников. В этом плане Сталин более решительный и непоколебимый лидер. Нет сомнения в том, что Сталин впитал в себя не только начала марксистско-ленинского учения, но и воспринял библейские догмы в контексте практической полезности. В сочетании с железной волей истины Библии и марксизма сделали его пророком и вождём советского народа, который по своей миссии не только не уступает легендарному Моисею, но и превосходит его. Это превосходство заключено в том, что Бог вел израильский народ через посредника – Моисея, а советский народ был ведом напрямую Сталиным, опирающимся на ленинское учение как икону и трансцендентное начало. В обоих случаях – и библейском, и советском – успех предприятия гарантирован только при единении двух сил: безусловного авторитета (Бог, объективный закон) и сверххаризматичного вождя, воспринимаемого всеми кем-то большим, чем человек.

Великие исторические события требуют великих человеческих жертв. Эта крылатая истина – истина на все времена. Она распространяется в равной мере и на нашу эпоху социалистического строительства, и на библейскую историю освобождения богоизбранного народа. Говоря об эпохе социализма, нельзя не затронуть темы репрессий. То, что сегодня называется сталинскими репрессиями, по нашему мнению, представляет собой целый клубок весьма противоречивых действий различных группировок и лиц. Принцип, по которому нам сегодня либералы всех мастей предлагают мерить то время, весьма примитивен: все, кого

посадили или расстреляли при Сталине, – невинные жертвы. И жертвы, и преступники – все свалены в одну кучу, все невиновны. Виноват во всём и всегда один Сталин [11, с. 139].

Попробуем опереться на факты относительно числа осужденных в период сталинизма. Никаких «десятков миллионов», о которых твердят либеральные теоретики, политики и историки, нет и в помине. Согласно справке, которую в феврале 1954 года подготовили для Хрущёва генеральный прокурор Р. Руденко, министр внутренних дел С. Круглов и министр юстиции К. Горшенин, за период с 1921 года по 1 февраля 1954 года было осуждено за контрреволюционные преступления коллегией ОГПУ, «тройками» НКВД, Особым совещанием, Военной комиссией, судьями и военными трибуналами 3 777 380 человек, в том числе приговорено к расстрелу 642 980 человек [9, с. 139–140].

Это за тридцать один год. Не забудем, что это конец гражданской войны и эпоха после неё. Это 4 года страшной войны с фашизмом. Это послевоенный период. Это борьба с бандами бандеровцев и лесных братьев. Здесь и предатели власовцы. Здесь дезертиры и мародёры. Паникёры, самострельщики, участники бандитского подполья, пособники нацистов.

В ходе крупных общественных перемен (революций в особенности) репрессии являются адекватным политическим инструментом подавления противника. Нет никаких сомнений в том, что в случае прихода к власти «троцкистов» «сталинистов» ждал не менее жестокий террор. Следует помнить, что по обе стороны «баррикад» находились бескомпромиссные и беспощадные революционеры, на «счету» у которых были тысячи человеческих жизней. Среди них не было «невиновных»! Другой вопрос – в чём была их вина [10, с. 196]?

В бурные исторические времена востребован лозунг: «Пусть пострадают 10 невинных, чем уцелеет один виновный». Отсюда и случайные жертвы: «Лес рубят – щепки летят».

Что же касается библейского текста, то он весь испещрён божественными установками и распоряжениями Моисея на безжалостное подавление тех, кто оказался против народного движения за освобождение [4, с. 104, 119, 121, 122, 127, 131, 133, 137, 156].

Массовые репрессии – вещь неизбежная. Жертвами охвачен не только обычный народ, но и его элитная часть, включая вождей. Примерами могут служить наказание за отступление от божьих заветов брата и сестры Моисея – Аарона (смертью) и Мириам (болезнью, а затем смертью). Даже сам Моисей не избежал кары за проявленные колебания. Ему было отказано войти в «землю обитаемую», и закончил он свои дни, не ступив в её пределы.

В Библии содержится важная мысль о том, что отступление от Идеи (Бога) карается смертью [4, с. 71]. Соответственно пророк (Моисей) и вождь (Сталин) должны были в своей деятельности руководствоваться принципом: фундаментальная Идея (будь то божества или строительства новой жизни) суть выше судьбы отдельного человека и даже конкретно живущих в данный момент всех людей. Именно этим принципом руководствовались Моисей, приказав убить 3000 соплеменников за проявленное ими безбожие [4, с. 71], и Сталин, издавая

знаменитый приказ № 227 «Ни шагу назад!» и объявляя предателем любого, кто добровольно сдался в плен.

Таким образом, и в библейской, и в советской истории мы обнаруживаем одну и ту же идею – идею справедливости, подлежащую осуществлению по благословению свыше. В первом случае речь идет об освобождении от египетского рабства богоизбранного народа Израиля. Во втором – об освобождении от эксплуатации передового общественного класса – пролетариата. В обоих случаях присутствует фактор мессианства, избранности. Израильский народ отмечен печатью божеской, а пролетариат наделен особой миссией самой историей, подчиненной объективным законам общественного развития. Если еврейскому народу в его праведном деле – освобождении от рабства – покровительствует Бог, то гарантом пролетарского стремления к справедливой жизни выступают общественные законы, играющие роль абсолютного авторитета, своеобразного божества.

Сокровенный смысл Великого пути богоизбранного народа в благодатную землю и Великого похода людей страны Советов в светлое будущее – по сути один и тот же. Он заключается в качественном изменении человеческого бытия, в обретении свободы, справедливости и материального достатка. Реализация этого замысла также носит общий характер: *через тяжёлые испытания, через преодоление*. В библейской версии – через испытание пустыней с её змеями, скорпионами, палящим солнцем, голодом и жаждой, болезнями и смертельными жертвами. В советском варианте – через предельную мобилизацию всех средств и ресурсов, через задействование инструмента страха, использование ГУЛАГа, доведение общества до состояния, когда оно существует на пределе человеческих возможностей. Но трудности как одного, так и другого похода не в силах перечеркнуть или изменить Великий замысел, положенный в основу обоих событий.

И библейский, и советский походы преследовали грандиозные цели, осуществление которых возносило бы народ на невиданную высоту. Развитие древнего народа шло в направлении усвоения закона как регулятора жизни, мерила добра и зла в человеческих отношениях. Установление закона было столь сложным делом, что требовало ссылки на трансцендентное начало. Ветхозаветный БОГ (Иегова) – жестокий бог, он постоянно грозит и карает за непослушание, а более всего требует признания себя в качестве непререкаемого авторитета, не терпящего никакой конкуренции. В обмен на беспрекословное повиновение и признание Господь готов даровать избранному народу землю обетованную (нечто вроде земного Эдема). Для Бога самое главное – это признание людьми именно его – Бога – как верховного существа, и признание заповедей, постановлений и законов, им установленных. За это людям полагаются «молоко и мёд» как дарованные за пережитые испытания. В советской стране «светлое будущее» требуется построить самим. Пройти своеобразную «пустыню», не только уклоняясь от скорпионов и змей, а преобразуя её, прокладывая каналы, орошая безжизненные территории, устилая их виноградниками и цветущими полями. Неизменной остается беззаветная

вера в правильность избранного пути («генеральной линии») и в непогрешимость того, кто ведёт.

Итак, народ должен уверовать в великую цель, которую задает ему трансцендентный авторитет: то ли Бог, то ли объективный закон истории. Великая цель отправляет народ в Великий поход, возглавляемый авторитетнейшим пророком (вождем), который либо полагается на божественное провидение, либо опирается на науку о законах общественного развития. В нашем случае речь идет о Моисее и Сталине. Моисей 40 лет водил свой народ по пустыне, дабы изжить из народного сознания рефлекс рабства, чтобы привить веру в единого Бога, чтобы испытать его и научить жить по заповедям и законам. Никто не упрекает Моисея за все мытарства, которым он подверг своих соплеменников, за понесенные лишения, жертвы и смерть. Никому не приходит в голову считать Моисея злодеем, палачом и убийцей. Очевидно, что Моисею повезло больше, так как, ведя свой народ, он не сделал ничего такого, что шло бы в разрез с божьей волей. Думается, Сталину выпала более тяжёлая доля. Он возглавил Великий поход как пророк марксизма-ленинизма – в то время весьма популярной идеологии, претендовавшей осчастливить всё человечество. Сталину пришлось идти по пути, навязанному обстоятельствами, а не двигаться по заранее намеченному свыше плану. Сталин 30 лет вёл советский народ вперед к счастливому будущему. Вёл через индустриализацию, коллективизацию, культурную революцию, Великую Отечественную войну, сопровождаемые голодом, разрухой, репрессиями, смертью. Но это был путь от сохи до атомной бомбы, на исходе 30-летия этого пути страна находилась на передовых рубежах науки, образования, культуры, медицины, спорта, военного дела. СССР стоял на пороге освоения космоса, граждане страны были преисполнены патриотизма, самоотверженности, самовосхищения. Сталина нет физически более 60 лет, а его всё пытаются добить окончательно, называя палачом и кровавым диктатором. При этом сетуют, что, несмотря на сверхусилия, прилагаемые СМИ и либеральными политиками, в массовом российском сознании к Сталину сохраняется скорее позитивное отношение, чем негативное. Это как раз и не удивительно. Коллективный разум народа или массовое народное сознание, способен отражать суть великих исторических процессов адекватно и не поддается никаким манипулятивным технологиям. Историческую личность надобно судить историческими мерками, т. е. соразмерно её вкладу в сокровищницу истории [11; 12; 13].

Список литературы

1. Монтефиоре Симон С. Сталин: двор красного монарха. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 767 с.
2. Шубин А. 10 лидеров Советской страны. Правда о Великой эпохе. – М.: Яуза, ЭКСМО, 2008. – 416 с.
3. Чемшиг А. А. Ветхозаветный «ИСХОД» и большевистский ПОХОД: метафизические параллели. Христианство и ислам – диалог культур и цивилизаций: материалы Международной науч. конф. Севастополь, 16–20 мая 2011 г. СевНТУ / гл. ред. Ю. А. Бабинов. – Севастополь: РИБЭСТ, 2011. – 100 с.
4. Библия. Копии Священного Писания Ветхого и Нового завета. – Дилленбург: Благая весть, 2002. – 921 с.

5. Верг Н. История советского государства. 1900–1991. – М.: ИНФРА «Весь мир», 2000. – 544 с.
6. Жуков Ю. Н. Иной Сталин. – М.: Издательский центр «Аква-терм», 2010. – 512 с.
7. Емельянов Ю. В. Сталин – путь к власти. – М.: Вече, 2002. – 576 с.
8. Киров С. М. Избранные статьи и речи 1912–1934. – М.: ОГИЗ, 1939. – 623 с.
9. Стариков Н. В. Сталин. Вспоминаем вместе. – СПб: ПИТЕР, 2015. – 416 с.
10. Колесов М. С. «Советская Атлантида». Философские очерки. – Севастополь: СевНТУ, 2010. – 464 с.
11. Сталин И. В. Политический отчет центрального комитета XVI съезду ВКПб. Сочинение. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 12. – С. 531–544.
12. Сталин И. В. О задачах хозяйственников. Сочинение. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 13. – С. 29–42.
13. Сталин И. В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. – М., 1947. – С. 15.

Chemshit A. A. Stalin and Moses or Biblical History and Historical Reality the Metaphysical Parallels // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 1. – P. 100–109.

The subject of the article is to identify and conduct some analogies and parallels metaphysical (historiosophical) plan between the large-scale historical events, shared thousands of years, but contain common meanings. It is emphasized that certain ideas, because of its greatness, nominated for centuries and millennia. One of those is the idea of social justice (class or national character). The Old Testament reveals a lot of subjects comparable to the Soviet reality episodes and events filled with a similar meaning, goals and objectives. In the center is the figure of Stalin and Moses as leaders of major historical movements.

Based on historical and comparative methods of scientific knowledge, the author reveals a number of similarities between the biblical story of the Exodus the Israelites from Egyptian slavery and the way the land of Canaan with the real story of the Soviet era (attempting to jump from the kingdom of necessity to the kingdom of freedom).

Substantiates the idea that the hidden meaning Great way God's chosen people in the "fertile" land of the Long March and the people of the country of the Soviets in the "bright future" – in fact, one and the same. This is the path of liberation from exploitation, acquisition of human dignity and social justice. The implementation plan is also similar in nature: through an ordeal, through overcoming. In the biblical version – through the desert tests (40), danger and death sacrifices. The Soviet version – by limiting the mobilization of funds and resources (30), through the involvement of the tool of fear, the use of the Gulag, the existence of the company at the limit of its capabilities.

The conclusion about the necessity of mastering the historical method of understanding the past: history must be understood through the coordinate system of the last time, prevailed in a given period of political rules, moral precepts, a historic opportunity. Most importantly – historical figure discerned historical standards, i. e. in proportion to the contribution to the treasury of stories.

Keywords: social justice, social laws, divine will, Stalin, Moses, the biblical story of the Soviet era.

References:

1. Montefiore Simon S. Stalin: dvor krasnogo monarha [Stalin: The Court of the Red Tsar]. Moscow, OLMA-PRESS, 2005, 767 p.
2. Shubin A. 10 liderov Sovetskoj strany. Pravda o Velikoj jepohe [10 Leaders of the Soviet Country. The Truth About The Epoch Times]. Moscow, Jauza, JeKSMO, 2008, 416 p.
3. Chemshit A. A. Vethozavetnyj ISHOD i bol'shevistskij POHOD: metafizicheskie paralleli [The Old Testament "OUTCOME" and the Bolshevik HIKE: Metaphysical Parallels]. Christianity and Islam – a Dialogue of Cultures and Civilizations: Materials of the International Scientific. Conf. Sevastopol, May 16–20, 2011, SevNTU [Chief Editor Ju. A. Babinov], Sevastopol', RIBEST, 2011, 100 p.

4. Bibliya. Kopii svjashhennogo pisanija Vethogo i Novogo zaveta [The Bible. Copies of the Holy Scriptures of the Old and New Testament]. Dillenburg, Blagaja Vest', 2002, 921 p.
5. Vert N. Istorija sovetskogo gosudarstva. 1900–1991 [The History of the Soviet State. 1900–1991]. Moscow, INFRA «Ves' mir», 2000, 544 p.
6. Zhukov Ju. N. Inoj Stalin [Another Stalin]. Moscow, Publishing center «Akva-term», 2010, 512 p.
7. Emel'janov Ju. V. Stalin – put' k vlasti [Stalin – the Path to Power]. Moscow, Veche, 2002, 576 p.
8. Kirov S. M. Izbrannye stat'i i rechi 1912–1934 [Selected Articles and Speeches 1912–1934]. Moscow, OGIZ [Association of State Publishing Houses], 1939, 623 p.
9. Starikov N. V. Stalin. Vspominaem vmeste [Stalin. Remembering Together]. SPb., PITER Publ., 2015, 416 p.
10. Kolesov M. S. «Sovetskaja Atlantida». Filosofskie ocherki ["Soviet Atlantis." Philosophical Essays]. Sevastopol', SevNTU, 2010, 464 p.
11. Stalin I. V. Politicheskij otchet central'nogo komiteta XVI s'ezdu VKPb. Sochinenie [Political Report of the Central Committee of the XVI Congress of the Communist Bolshevik Party. Composition]. Moscow, Gospolitizdat, 1955, Vol. 12, P. 531–544.
12. Stalin I. V. O zadachah hozjajstvennikov. Sochinenie [The Tasks of Business. Composition]. Moscow, Gospolitizdat, 1955, Vol. 13, P. 29–42.
13. Stalin I. V. Rech' na predvybornom sobranii izbiratelej Stalinskogo izbiratel'nogo okruga g. Moskvy 9 fevralja 1946 g. [Speech at the Election Meeting Stalin Electoral District of Moscow, February 9, 1946], Moscow, 1947, P. 15.

УДК 130.2

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ТРАКТОВАНИЯ ИСТОРИЙ НАРОДОВ И НАЦИЙ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ МАНИПУЛИРОВАТЬ ИХ САМОСОЗНАНИЕМ

Чудомех В. Н.

Крымский инженерно-педагогический университет, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: chudovnik@mail.ru.

В статье проанализированы технологии специализированных манипулятивных трактований историй народов и наций, их предназначение, планируемые ими отражения в поведении народов и наций. Детализирован механизм влияния манипулятивных трактований историй народов и наций на их самоосознание: на видение ими своего места и своей значимости в мире, а также на их мироориентацию и мировоззрение. На основе проанализированного показано: а) манипулятивные трактования историй народов и наций, а также их традиций и духовных ценностей конъюнктурны (ситуативны) и используются в краткосрочных идеологических или политических целях; б) однако последствия их долговременны: ведут к ложной мироориентации народов и наций и к недоверию между ними; дезорганизуют и затормаживают наметившееся в XXI веке сближение народов и наций в условиях идущей глобализации их нынешнего бытия. Исходя из таких последствий манипулятивной дезинформации народов и наций, рассмотрены возможности и путь активного ей противостояния.

Ключевые слова: история, фальсификация, манипуляция, мировоззрение, народы и нации.

В энциклопедиях «история» (от греч. *historia* – рассказ о прошедшем) трактуется и как процесс развития общества, и как наука, изучающая прошлое человечества [1, с. 518]. То есть, у «истории» чего-либо (кого-либо) два уровня. Один «действительный» – то, что действительно происходило с чем-либо (кем-либо) в виде процесса неких изменений его бытия во времени, отчётливые фрагменты которых именуют событиями. А второй уровень «истории» – поствременные «рассказы о былом» с приближением к «действительному», зависящему от полноты его отражения в былых событиях, от их количества, от наличного знания всех сторон происходившего в прошлом, а также от его познавательно-объяснительной парадигмы, избранной рассказчиками истории.

Действительная история народов и наций являет собой временную последовательность событий в их бытии, так или иначе отражавших генезис и становление их *особых* – идейных, духовных и социокультурных устоев и традиций. В последовательности былых событий в жизни народов и наций и формировался тот особый «исторический лик», который выделял их в прошлом и выделяет их ныне в среде других народов и наций. Соответственно, «истории» народов и наций – это процессы с содержанием, предопределённым: а) их материальным базисом

(территорией бытия народов и наций, её материально-энергетическим потенциалом, деятельными и производительными качествами народов и наций и т. д.); б) их «осевой идеей» (идеей особого бытия народов и наций, сформировавшейся в прошлом и хранимой ими в своих духовных, социальных, мировоззренческих и деятельных традициях); в) интервальными, но сильными – внутренними и внешними воздействиями на их течение (вызывавшими кризисы или переломные моменты в бытии народов и наций); г) способностью народов и наций противостоять вызовам времени и неуклонно следовать осевым идеям своего бытия, сформировавшимся в их историческом прошлом (т. е. сохранять свой узнаваемый «исторический лик»).

До XX века «история» народов и наций традиционно рассматривалась как объект познания, полагавшего прояснение их *действительной истории*. В XX веке истории народов и наций стали ещё и объектом спецманипуляций, преследующих цели идеологические и политические. Близкими нам примерами идеологического подхода к «истории» на государственном уровне могут служить СССР и Украина. В СССР, примерно до 70-х годов XX века, целенаправленно возвеличивалась именно история СССР и принижалась предшествовавшая ей (история царской России), а в Украине в конце XX века сделан крен к трактованию: а) истории пребывания Малороссии в составе России, а затем и Украинской ССР в составе СССР как истории многовекового угнетения украинцев; б) истории Западной Украины 20–40 годов XX века как начала активной борьбы украинцев за независимость Украины; в) истории формирования «государства Украины» как истории непрестанной борьбы украинцев за своё освобождение от ига их «угнетателей» – «москалей».

В XXI веке истории народов и наций подвергаются спецманипуляциям и в *глобальных* политических целях. Для обеспечения планетарной гегемонии США и страны ЕС активно используют, наряду с финансово-экономическими, политическими и военными средствами, и стратегию «управляемого хаоса» [2, с. 10], предусматривающую: а) устранение у людей «балласта традиционных ценностей» (национальных, культурных и др.); б) стирание у людей «исторической памяти» [3, с. 3]; в) фальсификацию «истории» [4, с. 100]; г) задействование всех видов средств массовой информации для практической реализации вышеперечисленного.

Во второй половине XX века был начат процесс фальсификации истории и в западных государствах. В преддверии 71-й годовщины завершения Второй мировой войны во всех странах Запада проводились опросы мнений их граждан – «какие из государств мира внесли наибольший вклад в её завершение?», обобщённые результаты этих мнений граждан стран Запада такие: вклад США – 55–65 %, стран Европы – 15–20 %, СССР – 17–20 %. Из этих результатов вполне понятно и функциональное предназначение запущенного в западных странах процесса фальсификации истории Второй мировой войны: выставить США её победителем и многократно принизить роль СССР в победе над фашистской Германией.

Цель данной статьи – показать и раскрыть влияние специализированных интерпретаций историй народов и наций как на самоосознание ими себя-положения в мире, так и на восприятие их бытия и поведения в мире другими народами и

нациями. *Актуальность* статьи обусловлена становлением ныне специализированных интерпретаций происходившего и происходящего в мире: а) популярными средствами для достижения государствами и идейно-политическими течениями неких идеологических или политических целей; б) факторами прямого воздействия на отношения и на связи народов и наций.

Уже известные результаты практики идеологических и политических спецманипуляций «историей», начатых в XX веке, выявили следующее:

1. При рациональной стратегии фальсификаций историй народов и наций с какой-либо целью, идеологической или политической, отражения этих фальсификаций могут проявляться в жизни народов и наций уже через 15–20 лет в виде принятия ими «сфальсифицированного» за «действительное».

2. Для фальсификаций историй народов и наций используется множество способов (инотрактование её фрагментов, гиперболизация её негативных моментов, создание её новой мифологии и т. д.) и запускаются фальсификации истории, как правило: а) предложениями подойти к «былому» не с официальной и уже общепринятой точки зрения, а *иной* (и предложениями этого иного видения «былого» или некоторых его периодов); б) организациями потоков научных и общественных дискуссий о правомочности иного видения «былого»; в) широкой популяризацией его предложенного, *иного* видения.

3. Все фальсификации историй народов и наций, запущенные в глобальных идеологических или политических целях, сопровождают также специально организованные параллельные процессы: а) замыкания внимания народов и наций на текущей их жизни (созданием конфликтов между ними и проблем для их выживания); б) навязывания народам и нациям современных «западных ценностей» как должных быть у всех народов и наций (унификация их бытия по «западной модели» и её внедрение в их бытие исходно предполагает последующее упрощение управления ими).

Чем чревато использование «истории» в качестве объекта целевых спецманипуляций? Выше уже упоминалось: история народов и наций – это история генезиса и становления их особых идейных, духовных и социокультурных устоев и традиций, а также история формирования их особого «исторического лица». Самоценность собственных идейных, духовных и социокультурных устоев и традиций для народов и наций заключается в том, что они служат для них: а) *базисными* опорами, сохраняя которые, они могут воспроизводить во времени свой «узнаваемый лик»; б) *корнями* личности не только образа их бытия, мировоззрения и мироотношения, но и *самоосознания* их, то есть истоками видения ими: и своего места, и своей значимости в мире людей. Поэтому спецманипуляции «историями» народов и наций направлены, как правило (и главным образом), на корректировку основ самоосознания ими себя активными и значимыми *субъектами* исторических процессов.

В реальных историях всех народов и наций всегда можно выделить периоды, которыми они вправе гордиться, а также периоды, в которых их представители совершали поступки и действия, выходящие за рамки «приличного» или бывшие «позорными» с точки зрения общественной морали (привносящие в мир

«недопустимое зло»). Организация манипулятивных *негативных* спецвоздействий на самосознание народов и наций обычно включает в себя: 1) выбор периодов в их истории, которые можно отнести к «позорным» или трактовать как «позорные»; 2) обоснование их как «типичных» для народа (нации); 3) возведение такого «позорного» в ранг «присущего» народу (нации); 4) «просвещение» народа (нации) о «порочности» своих устоев и традиций, порождавших былые «позорные» действия и поступки его представителей, потенциально способных породить такие же их поступки и действия, и далее; 5) пропагандирование ответственности народа (нации) за былые «грехи» и формирование у народа (нации) таким образом *комплекса вины* за своё прошлое. После Второй мировой войны США по такому алгоритму воздействовали на самоосознание западногерманских немцев (в ФРГ) – «вы соучаствовали в деяниях Гитлера», а во второй половине XX века на самоосознание англичан и французов («вы виновны в колониальных угнетениях африканских народов»). Подобно же в СССР во время Второй мировой войны оправдывали депортации из Крыма: немцев, греков, армян, болгар и крымских татар.

Специализированные трактования историй народов и наций, внедряемые в ряде государств с середины XX века в широкое общественное сознание в конъюнктурных идеологических и политических целях, чреватые ростом: а) причин для конфронтаций между народами и нациями (напоминание им о пережитых прежде «исторических обидах» способно породить их вновь, но уже в настоящем); б) недоверия между народами и нациями и предубеждённости их и в «нечестности», в «коварстве» всех других народов и наций.

В специализированных трактованиях историй народов и наций, предложенных в XXI веке, прослеживаются тенденции: а) к обелению историй США и стран ЕС (в них тоже были весьма позорные и неоправданно кровавые периоды); б) к обоснованию истории западной цивилизации как единственной, неустанно прокладывающей путь человечеству к светлому будущему; в) к очернению историй и традиций народов и наций, сомневающих в необходимости следовать в будущее по пути, прокладываемому западной цивилизацией, и пытающихся жить в чём-то и как-то иначе, развиваться самостоятельно.

Отстаивая свою планетарную гегемонию как *по праву* принадлежащую западной цивилизации, США и страны ЕС активно используют ныне и «принцип Прокруста»: а) глобальной цензурой отсекают от появления в СМИ всё то, что как-то или в чём-то противоречит западной идеологии в обосновании правомочности планетарной гегемонии США и стран ЕС; б) монопольно наполняют все подвластные им СМИ только вписывающимся в рамки современной западной идеологии. Для подкрепления её «верности» также повсеместно специализируются под неё: а) представления и трактования в СМИ и происходящих ныне современных событий в жизни человечества; б) тематика всех проводимых Западом международных форумов – научных, общественных и общественно-политических; в) тематика и направленность выступлений и публикаций всех ведущих западных политиков и экспертов; г) повестки заседаний всех международных органов, в том числе, что весьма прискорбно, и Организации Объединённых Наций.

Добавив к вышеприведённому новостное содержание информационных СМИ по всему миру (в нём доминируют сведения о терактах, трагедиях, катастрофах, кризисах, военных действиях и т. д.), вполне логично умозаключить, что глобальные информационные потоки, обрушивающиеся ныне на современные поколения людей Земли, способны привести:

а) к переориентации былых в XX веке забот людей о будущем *всего* Человечества на заботы частные – на заботы о *собственном* выживании в текущем настоящем (рост турбулентности и напряжённости уже обрёл характер устойчивой тенденции во всех сферах бытия людей);

б) к размыванию и к искажению традиционных идейных основ бытия народов и наций (основ особенностей их бытия, создававшихся тысячелетиями);

в) к понижению духовной и социальной пассионарности народов и наций (концентрация внимания на выживании в текущем и возрастающая зависимость своей жизни от содержания жизни «других» вынуждает народы и нации: и мириться с тем, что есть, и гасит их надежды на самостоятельное процветание);

г) к замедлению сближения народов и наций, начавшегося в конце XX века в ходе глобализации экономик государств (конъюнктурное ранжирование народов и наций на «хороших», «плохих» и «очень плохих» позволяет западным странам «разделять и властвовать», а во «властвовании» оправдывать свой базисный идейный принцип – «кто не с нами, тот должен быть повержен»).

Начавшейся интенсификации информационных спецвоздействий западных стран на самоосознание народов и наций с целью изменить под себя идеологию их существования, а также их мировоззрение и представление ими смысла своего бытия можно успешно противодействовать только противопоставив её контрroversную стратегию «*управляемого порядка*» [5, с. 18]. Её базисный принцип несложен, и вытекает он из теоретически необходимого для реализации уже активно используемой Западом стратегии – «управляемого хаоса». Обязательному в ней принижению традиционных ценностей народов и наций (национальных, культурных и др.), стиранию у них исторической памяти и фальсификациям их историй следует противопоставить *ускоренное* углубление всеми народами и нациями *знаний*: а) своей доподлинной, реальной истории (особенно созидательной её части); б) исконного смысла своих исторических традиций, а также своих духовных и религиозных устоев (их исходной предназначенности для добра); в) выдающихся моментов в своей истории, которыми они уверенно могут гордиться (в которых проявлялось лучшее в их представителях); г) своих созидательных и творческих возможностей нести добро в окружающий их мир.

Нынешним интенсивным попыткам стран Запада информационными и всеми иными усилиями перестроить другие государства под своё видение (какими они должны быть) можно также воспрепятствовать широким просвещением всех людей на Земле:

– о подлинной сути происходящего ныне в их планетарной среде и обо всех его теневых сторонах (о том, куда оно ведёт, для чего и каким образом);

– о наличии альтернативных западным – ноосферных видений будущего бытия человечества (системного, гармонизированного и справедливого);

– о периодах в истории народов и наций, в которых они успешно: и преодолевали свои противоречия, и плодотворно сотрудничали (множественные примеры этого есть и в современной истории, практике народов и наций);

– о том, что содержание жизни народов и наций ныне непосредственно зависит и от их практической способности: относиться критически к происходящему в мире людей и в собственной среде (от способности и умения отделять «зёрна» от «плевел»), активно противостоять фальсификациям и принижениям мировой значимости их былых историй, аналитически верно выбирать своих «предводителей» (не по речам их, а по душе и по делам);

– о том, что современная реанимация былых «исторических обид» между народами и нациями преследует целью возвращением их внимания к прошлому – *замедлить* их продвижение к совместному созидательному будущему.

Расширяющиеся потоки специально сфальсифицированной информации об истории народов и наций, в том числе и о нынешней их жизни, негативно влияют на народы и нации и на их взаимоотношения (растёт количество межнациональных и межконфессиональных конфликтов в государствах, участились попытки переворотов власти в государствах, возвращается былое недоверие между народами, нациями и государствами). Специализированным фальсификациям подвергаются ныне не только истории народов и наций, но и идейные и духовные ценности народов и наций, даже первоосновы мировых религий. А привести всё это в совокупности может: к формированию ложных онтоориентиров для народов и наций; к возвращению их отношений между собой, как минимум, в 20–30 годы XX века; к утрате народами и нациями возможности объективно оценивать всё происходящее в их текущем бытии и предлагаемые в нём кем-то или вводимые в него кем-то специальные изменения, облекаемые в форму нужных им «новаций».

При такой всесторонней информационной атаке на своё самоосознание народы и нации могут сохранить свои исторические идейные и духовные ценности и свою историческую особость, если будут:

– хорошо знать свои исторические корни и подлинный смысл своих традиций, своих исторических идейных и духовных ценностей;

– всемерно отстаивать своё право быть активными субъектами истории;

– избирать своими лидерами людей, способных: консолидировать их и достойно представлять их в мире, всемерно отстаивать их интересы, выдвигать и реализовывать плодотворные идеи их развития, организовывать и поддерживать добрые и полезные отношения со всеми народами и нациями.

Список литературы

1. Советский энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет: А. М. Прохоров и др. – М.: Советская Энциклопедия, 1981. – 1600 с.
2. Манн С. Р. Теория хаоса и стратегическое мышление [Электронный ресурс] / С. Р. Манн – Режим доступа: <http://www.spcurdumov.ru/what/mann2> (Дата обращения: январь 2014 г.)
3. Лепский В. Е. Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития [Электронный ресурс] / В. Е. Лепский – Режим доступа: [http://www.spcurdumov.ru/ what/technologiei-organizuemogo-haosa](http://www.spcurdumov.ru/what/technologiei-organizuemogo-haosa) (Дата обращения: январь 2014 г.).

4. Зиновьев А. А. Глобальное сверхобщество и Россия / А. А. Зиновьев. – Минск: Харвест; М: АСТ, 2000. – 128 с.
5. Чудомех В. Н. Культурные традиции как аттракторы и ориентиры развития Человечества // Учёные записки КФУ им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Политология. Культурология». – 2015. – Т. 1 (67). – № 2. – С. 13–19.

Chudomekh V. N. The specialized interpretations of the peoples and nations histories as the ability to manipulate of their self-consciousness // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 1. – P. 110–116.

In article are analyzed: the technologies of specialized, manipulative interpretations of the peoples and nations histories, their designations and planned reflections in behavior of the peoples and nations. It is detailed mechanism of influence of manipulative interpretations of the peoples and nations histories on their self-consciousness: on their vision of the own place and own importance in the world, on their world orientation and their outlook.

On the basis of this carried-out analysis in article is shown: a) manipulative interpretations of the peoples and nations histories, and their traditions and cultural wealth, are situational and are used for short-term ideological or political purposes; b) but their consequences are long-term: lead to a false world orientation of the peoples and nations and to distrust between them; are disorganized and are slowed the rapprochement of the peoples and nations, which starting in the XXI century in the conditions of the going globalization of their current life.

Proceeding from such consequences of manipulative disinformation of the peoples and the nations, are considered the possibilities and the way of active opposition by it.

Keywords: history, falsification, manipulation, outlook, people and nations.

References

1. Sovietskij encyclopedicheskiy slovar [The Soviet Encyclopedic Dictionary]. Scientific and Editorial Board A. M. Prokhorov and etc. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1981, 1600 p.
2. Mann S. R. Teoriya khaosa i strategicheskoe mishlenie [The Theory of the Chaos and Strategic Thinking]. Available at: <http://www.spcurdumov.ru/what/mann2> (Accessed: January 2014).
3. Lepsky V. E. Technologii upravlyaemogo khaosa – orudie razrushenia subektnosti razvitiya [The Technologies of the Controlled Chaos – the Weapon for Destruction the Subjectivity of Development]. Available at: <http://www.spcurdumov.ru/what/technologii-organizuemogo-haosa> (Accessed: January 2014).
4. Zinovyev A. A. Globalnoe sverkhobschestvo i Rossia [The Global Supersociety and Russia]. Minsk: Harvest; M: AST, 2000, 128 p.
5. Chudomekh V. N. Kulturnie traditsiyi kak attractory i orientiry razvitiya chelovetchestva [The Cultural Traditions as the Attractors and the Guidelines of Humanity Development]. Uchjonye zapiski KFU im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Filosofija. Politologija. Kul'turologija» [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology]. 2015, Vol.1 (67), no. 2, P. 13–19.

УДК 161.2

КВАНТОРНЫЕ СЛОВА В ЛОГИКЕ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Жалдак Н. Н.

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород,
Российская Федерация*

E-mail: zhnn3@rambler.ru

В статье выявляются такие слова естественного языка, которые фактически служат кванторными словами и вместе с тем средствами логического вывода, а следовательно, должны изучаться логикой. Автор показывает, что основные простейшие кванторные слова отдельных суждений существования – «есть» («существует») и «нет» (не существует) – равнозначны всему комплексу логических терминов, которыми связываются описательные термины соответствующих частноутвердительного и частноотрицательного суждений. Статья обращает внимание на то, что логическое содержание логической формы содержательного атрибутивного суждения может быть представлено эквивалентной конъюнкцией форм простых суждений существования, равнозначной линейно-табличной диаграммой существования и равнозначной формулой логики предикатов только с квантором существования или/и с его отрицанием. Таким образом, выявляются важные для вывода кванторные слова: «не все», «только», «не только», «все... кроме» «не всякий раз», «не всегда», «не везде», «общепризнано». Автор показывает, что наиболее полно формы атрибутивных суждений с разными кванторными словами представлены в пяти диаграммных словарях суждений о свойствах предметов, случаев, мест, времен и точек зрения. Каждый словарь содержит 148 линейно-табличных диаграмм существования, которые достаточны для интерпретации простых атрибутивных суждений. Автор подчеркивает следующее. Значения кванторных слов, указанные в словаре форм суждений о предметах как соответствующие естественному языку, должны подтверждаться и фактически для основных форм суждений подтверждены социолингвистическим исследованием, которое включает анкетирование.

Ключевые слова: логика, кванторы, естественный язык, кванторные слова, суждения существования.

Объект исследования: кванторные слова.

Цель исследования: выявить в составе логических средств языка такие слова, которые сводятся к квантору существования или/и его отрицанию.

Исследованием кванторных слов силлогистическая теория начинает различать такие схемы (формы) силлогистических рассуждений, кванторными словами в которых служат: числительные и указание долей в процентах [1], слова «несколько», «большинство», «почти все» [2] и т. д.

Основное в логике – совокупность правил, соблюдение которых гарантирует, что из исходного истинного знания будет выводиться истинное знание, которое может быть новым [3], т. е. не считаваемым из посылок самих по себе. Логический

анализ языка должен определить, какие именно знаки и в каких именно контекстах служат логическими средствами, т. е. значимыми для логического вывода.

Согласно имеющейся литературе, можно делить кванторные слова, что буквально означает количественные слова, на логические и нелогические, точные и неточные, общие и конкретные, выразимые и не выразимые кванторами $\forall$ и $\exists$ и др. [4, с. 159–161]. Различаются слова, служащие кванторными во всех контекстах и не во всех, обоснованные и не обоснованные в качестве кванторных.

Кванторные слова исследуют логики, лингвисты [5], когнитивные психологи [6]. Вопрос о том, при каких условиях и благодаря каким средствам языка, что из чего логически следует, выводится, по крайней мере, их общий вопрос [7]. Т. е. критерием выделения логических средств языка служит передача ими такой информации о каких угодно обсуждаемых предметах, которая из основания извлекается в следствие и которая как в основании, так и в следствии передается именно ими.

Естественному языку соответствует следующее правило релевантного вывода: в следствии должна быть только та информация, которая содержится в основании. В противном случае основание недостаточное. При этом логика различает в естественном языке описательные и логические термины. Первые несут информацию, от которой логика как таковая может абстрагироваться, заменяя их логическими переменными. Вторые же служат для связывания описательных терминов суждений и рассуждений. От вторых зависит, какими могут быть формы следствий при таких-то заданных формах суждений основания, какую значимую для вывода информацию передают эти формы. Граница между описательными и логическими терминами не абсолютна. В некоторой мере и описательные термины «по совместительству» могут выполнять функцию логических средств и, в частности, участвуют в квантификации.

Существует сложная проблема выявления, учета и осознанного понимания и использования всех квантификаторов естественного языка, тем более что квантификаторы могут комбинироваться. Считается, что квантору всеобщности в естественном языке соответствует слово «все», а квантору существования – слово «некоторые». Кванторными считаются и выражения: «ни один», «не существует». Слову «некоторые» логики обычно придают значение «не исключено, что и все». Поэтому нельзя считать, что слово «все» обязательно означает нечто большее, чем слово «некоторые». Также слово «все» не всегда означает и большее, чем «много» или «очень много» [6, с. 313]. Может быть *все*го один или *все*го два элемента в обсуждаемом универсуме. Логика как предматематика словами, соответствующими кванторам всеобщности и существования, отвечает на вопросы о том, что есть, чего нет, но не тем, сколько именно есть того, что есть. Однако в кванторных словах естественного языка имеются дополнительные количественные указатели, которые сами кванторными словами не являются, хотя для выводов не безразличны.

Так, например, «некоторые x » принято считать эквивалентным «существует (хотя бы один) x ». И уже при таком отождествлении мы сталкиваемся с пренебрежением к логическим средствам естественного языка, осуществляющим квантификацию. Эти количественные слова не эквивалентны. Из «существует x »,

где x в единственном числе, не следует «некоторые x », где x во множественном числе. Знание (информация) хотя бы об одном не есть информация более чем об одном. Сказанное уже означает, что различаемые грамматикой окончания единственного и множественного числа являются квантификаторами и вместе с тем логическими средствами естественного языка, т. е. значимыми для правильности выводов. Они могут входить в не кванторные по своей основной функции в языке слова.

Разумеется, существует и квантор единичности, а также выводы могут делаться и из суждений с числительными в роли кванторных слов. Но при этом встает проблема разграничения вычислительных математических действий и собственно логических операций.

Но здесь нас интересуют главным образом те кванторные слова, которые числительными не являются и сводятся к кванторам первопорядковой логики предикатов. Поскольку же квантор всеобщности определяется через квантор существования и через отрицание согласно формуле ($\forall x Ax \leftrightarrow \neg \exists x \neg Ax$), то имеются в виду кванторные слова, которые переводятся на язык логики предикатов квантором существования с отрицанием или без отрицания. Такие кванторные слова далее будем называть экзистенциальными.

Такой подход соответствует теории суждений существования Л. Кэрролла [8]. Согласно этой теории, формы суждений с конструкциями «все... суть», «некоторые... суть», «ни один... не есть» несут информацию о том, что есть (существует) и чего нет (не существует). Притом форма «Все A суть B » равнозначна форме «есть $A B$ и нет A не- B », т. е. общеутвердительное суждение оказывается двойным, в том смысле, что оно равнозначно конъюнкции двух одинарных суждений существования «есть $A B$ » и «нет A не- B ».

Согласно принятым обозначениям существуют две эквивалентности:

- 1) $\exists x (Ax \wedge Bx) \leftrightarrow$ «Существует(ют) $A B$ » $\leftrightarrow$ «Некоторый(ые) A есть B »;
- 2) $\neg \exists x (Ax \wedge Bx) \leftrightarrow$ «Не существует(ют) $A B$ » $\leftrightarrow$ «Ни один A не есть B ».

Первая эквивалентность показывает, что полностью информация квантора существования передаётся кванторным словом «существует(ют)» и не самим по себе словом «некоторые», а словесной конструкцией «некоторый(ые)... есть». Вторая эквивалентность показывает, что информация квантора существования с его отрицанием передаётся словами «не существует» и не самими по себе словами «ни один...», а конструкцией «ни один... не есть». Форма «Существует(ют) $A B$ » равнозначна форме «Есть $A B$ », т. е. слово «существует» в данном случае равнозначно слову «есть». Это и означает, что в основном информацию квантора существования передаёт не само слово «некоторые», а связка «есть». Слово «некоторые» при замене суждения с ним на эквивалентное суждение существования исчезает, а связка «есть» остаётся. Связка «есть» при такой замене и перестановке вообще самостоятельно передаёт указанную информацию. При сравнении форм «Некоторый(ые) A есть B » и «Некоторый(ые) A не есть B » ещё заметнее, что не слово «некоторый(ые)», а связка «есть» без отрицания или с отрицанием определяет, что именно существует (есть) согласно таким формам. Форма «Не существует $A B$ » равнозначна форме «Нет $A B$ ». Следовательно, главный носитель

информации квантора существования с отрицанием – это не слова «ни один(-а, -о)», а словосочетание «не есть», равнозначного которому слово «нет» достаточно для передачи этой информации. В форме «Нет ни одного $A B$ » слова «ни одного» ничего не добавляют и не убавляют.

Полноценным экзистенциальным кванторным словом или набором слов является тот, который самостоятельно выполняет функцию кванторов «существует» или «не существует» или функцию некоторой комбинации этих кванторов, распределенных по той системе суждений существования, которая равнозначна исходному суждению. В русском языке дело осложняется тем, что, в отличие от английского, например, языка, функцию связки «есть» или «суть» выполняют другие средства языка, в частности иные глаголы или тире. Кванторное обозначение, которое выполняет функцию одного или более кванторов, само есть кванторное обозначение. Кванторными словами являются все те, которые выполняют функцию кванторных слов.

«Каждый (всякий) A есть B » $\leftrightarrow$ «Есть (существуют) $A B$ и нет (не существует) A не- B » $\leftrightarrow$ «Некие A есть B и ни один A не есть не- B », а сочетание «Каждое... есть» оказывается всего лишь сокращением более сложной конструкции «Некие... есть... и ни один... не есть не-...».

Таким образом, сами по себе слова «все», «некоторые», «ни один» и т. п. должны признаваться лишь частями тех словесных конструкций, которые выполняют функцию экзистенциальных кванторов естественного языка и в этом смысле являются кванторными словами (отдельными словами или наборами слов). Кванторным в суждении служит весь тот комплект слов, который при передаче логического содержания логической формы суждения эквивалентной системой (чаще конъюнкцией) форм суждений существования преобразуется в слова «есть» («существует») или/и «нет» («не существует»), а на язык логики предикатов переводится квантором существования с отрицанием или/и без него.

Помимо форм суждений традиционной силлогистики в русскоязычной учебной литературе упоминаются выделяющие и исключаяющие суждения, соответственно со словами «только» и «кроме». Слово «только» может считаться кванторным уже потому, что, согласно исследованиям когнитивных психологов, люди считают форму «Только A суть B » равнозначной форме «Все B суть A » [см. 6, с. 313–330].

По педагогическому опыту автора, освоение и осмысленное (обдуманное) употребление детьми слов и выражений «все», «не все», «только», «не только», «все, кроме», «есть только», «только все» происходит и выявляется примерно с 3,5 лет. При этом обнаруживается понимание того, что есть или/и чего нет согласно любому из этих обозначений в сочетании со связкой. Именно передаче такой информации служат все эти слова и выражения в качестве логических средств естественного языка. Любое из них может называться кванторным (количественным), так как суждения с ними сводятся к простейшим суждениям существования. Собственно количественное в этих суждениях есть уже то, что слову «нет» соответствует ноль, а слову «есть» соответствует число больше нуля. Помимо этого, их количественные значения могут подтверждаться посредством понятий «больше», «меньше», «число», «вычитание», «прибавление», примерно

такими интерпретациями: «все A » означает «наибольшее число A »; «только A » – «не больше, но может быть меньше, чем наибольшее число A »; «кроме A » – «за вычетом всех A » («меньше на число всех A ») и т. п.

Все вышеуказанные кванторные слова, как и ещё многие другие, употребляются в суждениях именно для того, чтобы в качестве посылок передавать информацию для логического вывода заключений. Поэтому эти слова должны изучаться в современных курсах логики.

Значения кванторных слов могут зависеть от контекста. Формы суждения со словами «все», как и со словом «только», могут иметь существенно разные значения в зависимости от того, о чем именно обо всем идет речь. Словом «все» могут охватываться все элементы обозначенного описательным термином неуниверсального множества (например: «Все благовоспитанные люди были шокированы»); а могут охватываться и все элементы универсума (например: «Все были шокированы»). Соответствующее различие значений для суждений с двумя терминами показано на линейно-табличных диаграммах существования (ЛТДС), на которых «+» означает «есть», а «-» означает «нет», на рисунке 1 (о ЛТДС как сокращенной форме записи информации таблиц см.: [9; 10]; об их преимуществах для построения и проверки рассуждений о свойствах см. [11]).

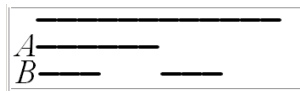
	
+ -	Все A суть B . Только (лишь) B суть (есть) A . Ничто, кроме B , не есть A .
+ - - -	Все суть $A B$. Есть только $A B$. Ничего нет, кроме $A B$.

Рис. 1.

Это наглядный пример того, что многие кванторные слова служат для такого сокращения предложений, без которого нужную информацию пришлось бы передавать сочетанием двух или более суждений существования. Такое сокращение увеличивает эффективность естественного языка.

Экзистенциальные кванторные слова, образующие логическую форму суждения, в принципе, могут быть такими, которые несут в себе информацию неопределенно большого количества суждений существования. Например, форма «Есть только $A B C D E$ » и эквивалентная ей форма «Все суть $A B C D E$ » равнозначны формам: «Есть $A B C D E$, а ничего другого нет»; «Есть $A B C D E$, и нет ничего, которое не- A , не- B , не- C , не- D или не- E », где выделенное суждение равнозначно конъюнкции 2^5-1 суждений о несуществовании, как показано на диаграмме на рисунке 2.

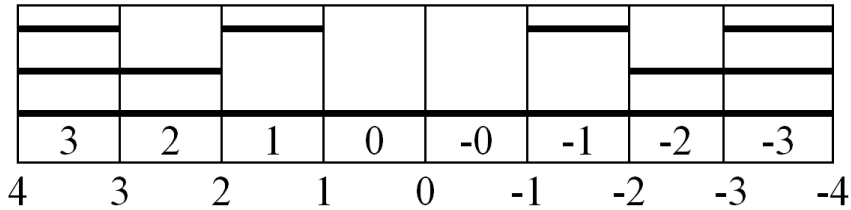

Рис. 3.

Можно вспомнить, что есть дискретные и непрерывные величины. Часть куска золота есть тоже кусок золота, только поменьше. Этот эффект сохранения качества при делении будет иметь место вплоть до деления золота на атомы, но не далее. Статистические же таблицы допускают учет того, какая часть целого, которое не делится физически без потери качества, приходится в среднем на некоторое количество объектов. Этим, казалось бы, сужаются границы пустого множества на числовой оси. Однако любое допущение чего бы то ни было качественно определенного в количестве меньше одного, т. е. меньше натуральной единицы, может быть только условным, так как такая единица есть нижняя граница меры. Такая граница существует для любого качественно определенного: ничего, какого бы то ни было, не может быть меньше одного и тем более бесконечно мало, так как часть не есть целое.

Аналогично рассмотренным выше кванторным словам простых суждений о свойствах предметов существуют и кванторные слова сложных суждений о свойствах случаев [13], мест, времен и точек зрения. В таких суждениях терминами являются суждения. Примеры отличительных кванторных слов этих суждений даны в таблице 1.

Таблица 1.

О предметах	О случаях	О местах	О временах	О точках зрения
Есть, существует, некие	Бывает Иной раз	Кое-где	Иногда	Считается, кто-то считает,
Нет, не существует, ни один	Не бывает	Нигде	Никогда	Ни для кого, никто не считает
Все (каждый, любой)... есть	Всякий раз как... так...	Везде где... там...	Всегда когда... тогда...	Для всякого, всякий считает
Не все, лишь некоторые	Не всякий раз	Не везде	Не всегда	Не для всякого
Только	Только в случаях	Только там, где	Только тогда, когда	Не только для тех, кто

Мною построены 5 соответствующих диаграммных словарей логических форм суждений с двумя терминами для каждого из указанных видов суждений. В каждом словаре одинаковые наборы из 148 разных диаграмм с информацией о пустоте или/и непустоте множеств, о том, что существует или/и чего не существует [9,

с. 252–263, 319–328]. Непосредственный перевод одинаковых диаграмм на язык логики предикатов, разумеется, тоже одинаковый, но значения предикатов различны. Такими словарями существенно расширяется множество учтенных кванторных слов.

Вывод. Кванторными словами естественного языка можно считать такие слова или наборы слов, которые эквивалентно переводятся на язык логики предикатов квантором существования без отрицания или/и с отрицанием. Многообразные кванторные слова представлены в диаграммных словарях форм суждений о свойствах предметов, случаев, мест, времен и точек зрения.

Список литературы

1. Pereira-Fariña M. A fuzzy syllogistic reasoning schema for generalized quantifiers / M. Pereira-Fariña, Juan C. Vidal, F. Diaz-Hermida, A. Bugarin // *Fuzzy Sets and Systems*. – 2014. – Vol. 234. – P. 79–96.
2. Murinová P. A formal theory of generalized intermediate syllogisms / P. Murinová, V. Novák // *Fuzzy Sets and Systems*. – 2012. – Vol. 186. – № 1. – P. 47–80.
3. Жалдак Н. Н. Дедуктивный вывод как метод познания / Н. Н. Жалдак // *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология*. – 2014. – Том 27 (66). – № 1–2. – С. 84 – 90.
4. Barwise J., Cooper R. Generalized Quantifiers and Natural Language / J. Barwise, R. Cooper // *Linguistics and Philosophy*. – 1981. – Vol. 4. – № 2. – P. 159–219
5. Кривоносов А. Т. Язык. Логика. Мышление. Умозаключение в естественном языке / А. Т. Кривоносов. – Москва – Нью-Йорк: ВАЛАНГ, 1996. – 684 с.
6. Johnson-Laird P. N. Only reasoning / P. N. Johnson-Laird, R. M. J. Byrne // *Journal of Memory and Language*. – 1989. – Vol. 28. – № 3. – P. 313–330.
7. Пугач В. С. Изобразительный логико-семантический анализ естественного языка науки. Рецензия / В. С. Пугач // *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*. – 2016. – Т. 2. – № 2. – С. 83–85.
8. Carroll L. *Symbolic logic*. – N.Y.: Clarkson N. Potter, 1977. – 496 p.
9. Жалдак Н. Н. Закон достаточного основания и релевантный вывод с устранением импликации / Н. Н. Жалдак // *Логико-философские штудии: Вып. 4. Сб. статей*. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. – С. 166 – 184.
10. Zhaldak N. N. Practical logic for economists and all users of tables / N. N. Zhaldak // *Studia humana*. – 2012. – Vol. 1:1. – P. 33 – 43.
11. Жалдак Н. Н. Задачи по практической логике / Н. Н. Жалдак. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – 96 с.
12. Жалдак Н. Н. Изобразительный логико-семантический анализ естественного языка науки / Н. Н. Жалдак. – Белгород: ЛитКараВан, 2008. – 264 с.
13. Жалдак Н. Н. Образная практическая логика / Н. Н. Жалдак. – М.: Московский философский фонд, 2002. – 408 с.

Zhaldak N. N. Quantifier Words in Natural Language Logic // *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology*. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 1. – P. 117–125.

The article reveals the words in natural language that actually serve as quantifier words and at the same time the as means of logical inference, and, therefore, should be studied by logic. The author shows that the basic elementary quantifiers of the individual existential assertion "exists" and "does not exist" are equivalents to the entire set of logical terms that connect the descriptive terms of the relevant private affirmative and private negative judgments and not only to the words "some" and "none". The article draws attention to the fact that the logical content of the logical form of a more meaningful attributive judgment can be represented by an equivalent conjunction of logical forms of simple existential judgments, by an equivalent existential linear-

tabular diagram, and by an equivalent formula of the predicate logic with only the existence quantifier or / and its negation. Thus, the author reveals such quantifier words, important for the derivation: "not everything", "only", "not only", "everything ... except" "at not all cases", "not always", "not everywhere", "Universally recognized" and many others, and he points out that the forms of attributive judgments with different quantifier are most full in five diagrams of the dictionaries of judgments about properties of objects, cases, times, places and points of view. Each such dictionary contains 148 existential linear-tabular diagrams, which are sufficient for the interpretation of simple attributive judgments. The author emphasizes the following. The fact that the values of the quantifier words indicated in the dictionary of the forms of judgments about objects as corresponding to the natural language should be confirmed and, in fact, for the basic forms of judgments are confirmed by a sociolinguistic study that includes a questionnaire.

Keywords: logic, quantifiers, natural language quantifier words, existential judgments

References

1. Pereira-Fariña M. A fuzzy syllogistic reasoning schema for generalized quantifiers. *Fuzzy Sets and Systems*, 2014, Vol. 234, P. 79–96.
2. Murinová P. A formal theory of generalized intermediate syllogisms. *Fuzzy Sets and Systems*, 2012, Vol. 186, no. 1, P. 47–80.
3. Zhaldak N. N. Deduktivniy vivid yak metod piznannya [Deductive Inference as a Method of Knowledge]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya. Kulturologiya. Politologiya. Sotsiologiya* [Scientific Notes of Taurida National V. I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology], 2014, Vol. 27 (66), no. 1–2, P. 384–90.
4. Barwise J., Cooper R. Generalized Quantifiers and Natural Language. *Linguistics and Philosophy*, 1981, Vol. 4, no. 2, P. 159–219.
5. Krivonozov A. T. *Yazyk. Logika. Myshlenie. Umozaklyuchenie v estestvennom yazyke* [Language. Logics. Thinking. Inference in Natural Language]. Moscow, New York, VALANG, 1996, 684 p.
6. Johnson-Laird P. N. Only reasoning. *Journal of Memory and Language*, 1989, Vol. 28, no. 3, P. 313–330.
7. Pugach V. S. *Izobrazitel'nyy logiko-semanticheskiy analiz estestvennogo yazyka nauki. Retsenziya* [Representational Logical and Semantic Analysis of the Natural Language of Science. Review]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya*, 2016, Vol. 2, no. 2, P. 83–85.
8. Carroll L. *Symbolic logic*. N.Y., Clarkson N. Potter, 1977, 496 p.
9. Zhaldak N. N. *Zakon dostatochnogo osnovaniya i relevantnyy vyvod s ustraneniem implikatsii* [The Law of Sufficient Reason and Relevant Inference with Implication Removal]. *Logiko-filosofskie shtudii*, Issue 4. St. Petersburg: Publishing house S.-Petersburg University, 2006, P. 166–184.
10. Zhaldak N. N. Practical logic for economists and all users of tables. *Studia humana*, 2012, Vol. 1:1, P. 33–43.
11. Zhaldak N. N. *Zadachi po prakticheskoy logike* [Tasks for the Practical Logic]. Belgorod, Belgorod, 2013, 96 p.
12. Zhaldak N. N. *Izobrazitel'nyy logiko-semanticheskiy analiz estestvennogo yazyka nauki* [Representational Logical and Semantic Analysis of the Natural Language of Science]. Belgorod, LitKaraVan, 2008, 264 p.
13. Zhaldak N. N. *Obraznaya prakticheskaya logika* [Image-bearing Practical Logic]. Moscow, Moscow philosophical fund, 2002, 408 p.

УДК: 164.1

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ФОРМАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Николко В. Н.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: vnikolko@mail.ru

Предлагается обобщенная формулировка определения предмета как речевое выражение его сущности. Вводятся два вида определений: предложное (дефиниция) и словоформное в виде сложного имени. В словосочетаниях непредложного вида выделяются операторы, формулы словоформных определений, словоформы. Строится формальная система определений. Обращается внимание на функциональный статус словоформ. Они являются не просто функциями, представляющими различные соответствия фрагментов множеств, имеющих место в формальной системе определений. Они выступают функторами, т. е. функциями, превращающими элементы одного множества в элементы другого или другие элементы того же самого множества. Представляются основные комплексы формульной системы определений: предметные константы, переменные, формульный состав, а также характеризуются процессы сводимости, коими являются алгоритмические построения словоформ. Задаются условия определенности. В заключение строится пример формальной системы словоформных определений путем интерпретации булевой алгебры на множестве общих имен или их отрицаний посредством связки их союзами «и», «или» и только ими.

Ключевые слова: определение, дефиниция, словоформное определение, сложное имя, словоформа, определенность, формальная система определений.

Цель: предъявить формульную запись словоформных определений.

Новизна: построена формальная система словоформных определений.

Наблюдается отставание раздела логики, занимающегося определениями, от раздела логики, исследующего выводные процессы, в формализации предметных единиц указанных разделов. Не секрет, что проблематика определений в математической логике даже не на втором месте. «В центре внимания логиков... оказались разработка и исследование формализованных логических языков (логических исчислений). Многие проблемы, не связанные непосредственно с логическими исчислениями, отошли на задний план или вовсе выпали из поля зрения логики. Такая участь постигла учение о понятии, составляющее прежде один из разделов логики», – пишет Е. К. Войшвилло [1, с. 3]. Все, что инкриминирует Е. К. Войшвилло авторам математической логики в отношении понятия, имеет место относительно учения об определении.

Длительный застой в развитии теории определений имеет системный характер и требует категориального переформатирования логических знаний, касающихся определений: определением является не только то, что этим словом называлось в

логике. В этой связи предлагается обобщенное понимание определения, а именно: определение – это *речевое выражение сущности предмета* (трактуемого в методологическом аспекте как части, ипостаси, аспекта и т. п. объекта).

В логической литературе определения всегда отождествлялись с предложной формой выражения сущности предмета – дефиницией: правила определения, структура определения, выделение определяемого, определяющего и их связей, ошибки и т. д. ориентированы на предложную форму выражения сущности вещей. До сих пор это считается так. «Дефиниция – то же, что определение», – читаем в [2, с. 41].

А между тем в лингвистике определение толкуется как «второстепенный член предложения, относящийся к имени предложения – слову с предметным значением и характеризующий называемый этим словом предмет со стороны его качества, признака или свойства» [3, с. 494]. Если задача грамматики – описать синтаксические и семантические функции языковых структур, то для логики же важным оказываются их познавательное значение. Поэтому для логики определение именуется признаками, но не любыми, а существенными. Совершенно очевидно, что с точки зрения логики словосочетание, составленное из имени, имеющего предметное значение, и из имён, характеризующих указанный предмет со стороны его качеств, признаков или свойств, так же, как и дефиниция, является речевой формой выражения сущности предмета.

Существуют две основные формы речевого выражения сущности вещей, свойств, отношений, структур, состояний и т. п. – предложная и словоформная, в виде предложений (это – дефиниции) и в виде непредложных словосочетаний, многословных имен. К примеру: дефиницией *квадрата* является предложение: *квадрат есть и только он есть прямоугольник с равными сторонами*. Словоформным же определением *квадрата* выступает словосочетание: *прямоугольник с равными сторонами*.

Дефиниции широко освещены в литературе и в особом представлении не нуждаются. Другое дело – словоформные определения. Они вводятся впервые. Тем не менее дадим определение того и другого:

Определение 1. Дефиницией предмета, имеющего однословное имя b , является предложение повествовательной речи вида $b = f(a_1, a_2, \dots, a_n)$, в котором устанавливается тождество b и многословного имени $f(a_1, a_2, \dots, a_n)$ определяемого предмета, составленного из $(a_1, a_2, \dots, a_n)$ так, что среди a_i (i – от 1 до n) нет b или имён, определяемых посредством b ($=$ – знак тождества).

Дефиниция 1. Словоформным определением некоторого предмета, называемого однословным именем b , является многословное имя, содержащее однословные имена $a_1, a_2, \dots, a_n$, называющее то же самое, что и b , выражаемое письменно в виде $f(a_1, a_2, \dots, a_n)$ при условии, что среди $a_1, a_2, \dots, a_n$ нет b , или таких a_i (i – от 1 до n), которые определяются через b , так что $f(a_1, a_2, \dots, a_n) = b$, где $=$ – знак тождества.

Выделение особого класса определений в виде многословных имен выводит нас на такие факторы определительных процессов, как оператор определения, формула определения, определяющая функция, словоформа, алгоритм определения и т. д., из

которых строятся отдельные системы форм определений, не уступающих в сложности и точности формальным построениям, например, дедуктивного вывода.

Дефиниция 2. Выражения, получаемые из сложного имени $f(a_1, a_2, \dots, a_n)$ путем замены многоточиями всех или части слов из списка $f(a_1, a_2, \dots, a_n)$, будем полагать (и только их) операторами $f(a_1, a_2, \dots, a_n)$. Возьмем, к примеру, следующие дефиниции:

Амперметр – физический прибор для измерения силы электрического тока в проводнике; барометр – физический прибор для измерения атмосферного давления; вольтметр – физический прибор для измерения напряжения электрического тока. Содержащиеся в дефинициях определения амперметра, барометра, вольтметра – построены по одной схеме, в которой нетрудно высмотреть общий оператор определения: *физический прибор, измеряющий ... в ... условиях*. Число операторов, подобных приведенному выше, – огромно на просторах естественного языка. Это и «все те..., которые не ..., но только ...»; «некоторые ... или ..., или ..., но частично...» и т. д. Ясно, что из операторов определений легко получать словоформы, если всюду подставить вместо многоточий переменные $x_1, x_2, \dots, x_n$, пробегающие значения в множестве M общих имен естественного языка.

Обратим внимание на выражения (формулы), получаемые из непреложных словосочетаний путем замены в них отдельных имен знаками переменных. Несомненно, эти выражения – функции. Они давно выделены в литературе. В частности, Л. Кутюра на первой странице «Алгебры логики» писал: «Здесь представляется особенно интересное обстоятельство: эта алгебра допускает в самой логике две различных, почти параллельных интерпретации, в зависимости от того, выражают ли буквы понятия, или предложения» [4, с. 1].

Когда в формулах алгебры логики буквы выражают предложение, формулы называют пропозициональными функциями. Функции, в которых буквы выражают имена и сами становятся именами при подстановке слов вместо переменных, пока не получили название. Уместно назвать их словоформными функциями, или словоформами; записывать традиционно с помощью букв греческого алфавита, с индексами или без них, и строчных букв второй половины латинского алфавита, с индексами или без них, в виде $f_1(x_1, x_2, \dots, x_n)$, $\psi(x, y)$, $\varphi(x, y, z)$ и т. д. При этом, f_1 , ψ , φ – знаки операторов формулы определений, а $x, y, x_1, x_2, \dots$ – переменные, определенные в множестве M общих имен естественного, например, русского языка. Точнее содержание словоформы выражается в **дефиниции 3**: словоформой является любая n -местная функция $f_1(x_1, x_2, \dots, x_n)$, переменные – $x_1, x_2, \dots, x_n$, – которой заданы в множестве M общих имен, русского, к примеру, языка так, что $f(a_1, a_2, \dots, a_n)$ является именем и принадлежит M , если и только если каждое из $a_1, a_2, \dots, a_n$ принадлежит множеству M . Местность словоформ означает количество аргументов словоформы.

Можно увидеть (и нижеследующие примеры словоформ помогут в этом) особую роль словоформ в определительных процессах.

Пример 1 – словоформа «превышение x над y »: если речь идет о превышении расходов над доходами, то все понимают, что речь идет о *дефиците*. Когда же речь

идет о превышении доходов над расходами, то все понимают, что этим определяется *прибыль*.

Пример 2: словоформа «правила образцового *x*»: когда речь идет о правилах правописания, то ясно – словоформа определяет *орфографию*. Если же словоформа загружается словами «образцовое поведение человека», то тогда она определяет *этикет*.

Пример 3: словоформа «тот *x*, который *y*»: при подстановке вместо *x*, *y* соответственно *прямоугольник* и *с равными сторонами* словоформа оказывается определением *квадрата*. При подстановке в означенную словоформу вместо *x*, *y* (соответственно) слов *четырёхугольник* и *с равными сторонами* словоформа превращается в определение ромба. Возьмем, наконец, определение «*галоп – бег лошади вскачь*». Нетрудно видеть, что словоформой определения галопа служит функция «бег лошади *x*», где *x* – вид бега, а не вид лошади. На базе этой словоформы определяются все разновидности аллюра: в карьер, иноходь и т. д.

Имплементация словоформ в современную логику дает по новому строить определения в современной науке. Если ранее традиционно для определения предмета по имени *b* необходимо было обобщить *b* до некоторого *b₁*, а затем ограничивать *b₁* через *b₁₁*, *b₁₂*, ... до такого *b_{1n}*, объем которого совпадает с *b*, то в случае словоформ определить предмет с именем *b* означает существенно иное, а именно:

– из множества словоформ *P*, например, русского языка выбрать словоформу $f_1(x_1, x_2, \dots, x_n)$, для которой в множестве общих слов можно найти такие $a_1, a_2, \dots, a_n$, что $f(a_1, a_2, \dots, a_n) = b$. Тогда $f(a_1, a_2, \dots, a_n)$ можно считать словоформным определением *b* при обычных для этого условиях: среди $a_1, a_2, \dots, a_n$, нет *b* или таких a_i , которые прямо или косвенно определяются через *b*, например, традиционным образом (*i* пробегает от 1 до *n*);

– знак = означает только одно: $f(a_1, a_2, \dots, a_n)$ называет то и только то, что называет *b*. В этом случае сложное имя $f(a_1, a_2, \dots, a_n)$ будем полагать определением *b*.

Подобно тому, как пропозициональные функции берутся за основу построения исчислений математической логики, словоформные функции можно взять в качестве основы для построения формальных систем определений (сокращенно – ФСО). Получаются полноценные формальные конструкции такого же уровня, какой уже достигнут в формализации дедуктивных систем – с синтаксической и семантическими частями, с арсеналом формульных образований, расчетными (алгоритмическими) процессами, с уравнениями и тому подобными обстоятельствами. Так, в качестве предметных констант ФСО можно взять общие имена из словаря русского языка, выразив их с помощью строчных букв первой половины латинского алфавита с индексами или без них, возможно, разными шрифтами): $a, a_1, a_2, \dots; b, b_1, b_2, \dots$ и т. д.

В качестве предметных переменных можно привлекать строчные буквы второй половины латинского алфавита с индексами или без них: $x, x_1, x_2, \dots, y, y_1, y_2 \dots$ и т. д., как это делалось выше. Областью изменений предметных переменных выступает в этом случае множество общих имен *M*. Символически запишем каждое

сложное имя, принимаемое в русском языке, включающее в себя предметные константы $a_1, a_2, \dots, a_n$, посредством выражений вида $f(a_1, a_2, \dots, a_n)$, $\varphi(a_1, a_2, \dots, a_n)$, $\psi(a_1, a_2, \dots, a_n)$ и т. д., где f, φ, ψ и т. д. – строчные буквы греческого алфавита.

Образуем из $f(a_1, a_2, \dots, a_n)$, $\varphi(a_1, a_2, \dots, a_n)$, и т. д. операторы f, φ и т. д., заменой в $f(a_1, a_2, \dots, a_n)$, $\varphi(a_1, a_2, \dots, a_n)$, и т. д. предметных констант $a_1, a_2, \dots, a_n$ на многоточия.

Образуем из $f(a_1, a_2, \dots, a_n)$, $\varphi(a_1, a_2, \dots, a_n)$, и т. д. словоформы, заменив предметные константы $a_1, a_2, \dots, a_n$ на предметные переменные: $f(x_1, x_2, \dots, x_n)$, $\varphi(x_1, x_2, \dots, x_n)$, и т. д.

Из введенного выше материала строится формульная часть ФСО:

1. Любая предметная переменная из набора $x, x_1, x_2, \dots, y, y_1, y_2, \dots$ и т. д. объявляется простой формулой ФСО.
2. Если f_i – оператор ФСО, то подстановка вместо многоточий в него формул ФСО образует сложную формулу ФСО. По мере необходимости вводимы в ФСО иные классы формул.

По аналогии с формульными дедуктивными системами в ФСО можно осуществлять разные процессы сводимости. С этой целью обратим внимание на функциональный статус словоформ. Они являются не просто функциями, представляющими различные соответствия фрагментов множеств, имеющих место в ФСО. Они выступают функторами, т. е. функциями, превращающими элементы одного множества в элементы другого или другие элементы того же самого множества. Например, словоформа – «все x , которые y , но не z » – ставит в соответствие любым трем именам a, b, c из M некоторое имя d , а именно: «все a , которые b , но не c », которое в общем случае не есть a , или b , или c .

Каждый функтор из $f_1, f_2, \dots, f_k$ (где k – целое число) показывает, как из предметных констант или переменных можно образовать новые имена или словоформы. Иными словами, функторы выступают инструкциями, осуществляющими превращение одних имен в другие имена, которые, в свою очередь, под действием других функторов превращаются в третьи и т. д. имена, образуя алгоритмы преобразования одних имен в другие.

В этой связи имеют смысл следующие дефиниции относительно процессов сводимости в ФСО.

Дефиниция 4. Словоформа $f(x_1, x_2, \dots, x_n)$ выполняется (реализуется) на множестве M общих имен, если и только если существует такой набор имен $a_1, a_2, \dots, a_n$ из M , что $f(a_1, a_2, \dots, a_n) \neq 0$, 0 – пустое имя. В этом и только этом случае $f(a_1, a_2, \dots, a_n) \neq 0$ (где $\neq$ – знак неравенства) будем называть реализацией словоформы $f(x_1, x_2, \dots, x_n)$. В противном случае будем говорить, что $f(a_1, a_2, \dots, a_n)$ не выполняется на M и равна 0 .

Дефиниция 5. Предмет, однословное имя которого b , словоформно определим на множестве общих имен M посредством n -местных словоформ $f_1, f_2, \dots, f_k$ (k – целое число), если и только если в M найдется набор имен $a_1, a_2, \dots, a_n$, который выполняет хотя бы одну из вышеупомянутых словоформ, например, f_i (i – целое число, большее или равно 1 , но меньшее или равно k) так, что $f(a_1, a_2, \dots, a_n)$ равно b . Тогда $f(a_1, a_2, \dots, a_n)$ является словоформным определением b , а $f(a_1, a_2, \dots, a_n) =$

b – дефиницией b , если и только если выполняются обычные требования определений. Возможна следующая обобщенная формулировка словоформной определимости.

Дефиниция 6. Предмет, однословное имя которого b , словоформно определим на подмножестве M' из множества M общих имен посредством разноместных словоформ $f_1, f_2, \dots, f_k$, если и только если можно построить такую последовательность общих имен $c_1, c_2, \dots, c_m$, в которой каждое c_j (j пробегает от 1 до m) либо из M' , либо является реализацией одной из словоформ на множестве имен $c_1, c_2, \dots, c_{j-1}$, предшествующих c_j . Естественно, при этом выполняются обычные условия определения: только $c_m=b$, а другие c не определяются через b . Дефиниция словоформной определимости b является аналогом дефиниции формального вывода, представляет собой определяющую последовательность, выступает видом так называемых процессов сводимости в логике. Последовательность $c_1, c_2, \dots, c_m$, фигурирующую в дефиниции 6, уместно назвать алгоритмом определения b на множестве M' посредством $f_1, f_2, \dots, f_k$. Таким образом, дефиниция 6 завершает строительство основных узлов формальной системы словоформных определений. ФСО приобретает производственные мощности сведения (в том числе и выведения) одних имен из других. Конечно, это не означает, что иных узлов в ФСО нет. Они есть, но второго, третьего и т. д. планов и в настоящей работе не рассматриваются.

В заключение, в качестве примера построим формальную систему словоформных определений с конкретными и хорошо исследованными в логике словоформами. Речь идет о формализации непредложных словосочетаний русского языка, в которых общие имена или их отрицания связаны только союзами «и», а также «или». Для этого достаточно взять булеву алгебру в общем виде и преобразовать ее в интерпретацию, предметные константы в которой «выражают понятия» (по терминологии Л. Кутюра). Как известно, булева алгебра представляет собой множество M элементов любой природы, с 0 и 1, в котором действуют два бинарных функтора: $\wedge$, а также $\vee$, и отрицание, удовлетворяющие для любых a, b, c из M следующим равенствам: $a \wedge a = a$, $a \vee a = a$, $a \wedge (b \wedge c) = (a \wedge b) \wedge c$, $a \vee (b \vee c) = (a \vee b) \vee c$, $(a \wedge b) \vee c = (a \vee c) \wedge (b \vee c)$, $(a \vee b) \wedge c = (a \wedge c) \vee (b \wedge c)$, $\neg(a \vee b) = \neg a \wedge \neg b$, $\neg(a \wedge b) = \neg a \vee \neg b$, $\neg\neg a = a$, $0 \vee a = a$, $1 \wedge b = b$, $\neg a \vee a = 1$, $0 \wedge a = 0$, $1 \vee a = 1$, $\neg a \wedge a = 0$. При этом $(,)$ – скобки, а черточка перед a, b, c и другими элементами M – знаки отрицаний.

Перестроим данное выше содержание булевой алгебры по пунктам:

1. Заменяем всюду во всех выражениях алгебры предметные константы на предметные переменные (соответственно) – a, b, c и т. д. на x, y, z и т. д. Тогда выражения булевой алгебры превратятся в формулы интерпретации.
2. В качестве 0 и 1 возьмем пустое и универсальные имена соответственно.
3. Всякую, в выражениях булевой алгебры, заменим $\wedge$ на союз «и», $\vee$ – на союз «или», знак отрицания – на частицу «не» перед тем выражением, перед которым стоял знак отрицания.
4. Вместо M возьмем словарь общих имен русского языка.

После выполнения пунктов 1–4 все равенства, т. е. законы идемпотентности, симметричности, ассоциативности, дистрибутивности и т. д. выполняются, что

означает только одно – полученная формальная система словоформ, использующих в качестве связок только «и», «или» и отрицания – одна из немногих интерпретаций булевой алгебры, которая, кстати, совсем не изучена в контексте формализационных возможностей словоформных определений, представленных в ней.

Список литературы

1. Войшвилло Е. К. Понятие. – М.: Изд-во Московского университета, 1967. – 285 с.
2. Логический словарь: ДЕФОРТ / Под ред. А. А. Ивина, В. П. Переверзева, В. В. Петрова. – М.: Мысль, 1994. – 268 с.
3. Современный русский язык / Изд. 4-е, испр. и переработанное. – под ред. Д. Э. Розенталя. – М.: Высшая школа, 1984. – 735 с.
4. Кутюра Л. Алгебра логики / пер. с франц. и предисловие И. В. Спешинского. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во Книжный дом «Либроком», 2012. – 128 с.
5. Николко В. Н. Современная формальная логика. Часть 1: учебное пособие / В. Н. Николко. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2012. – 226 с.

Nikolko V. N. Constructing the Formal System of Definitions Experience // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 1. – P. 126–132.

A generalized formulation of the definition of an object as a verbal expression of its essence is proposed. Two types of definitions are introduced: the propositional and the word-form as a complex name. In the non-propositional word combinations, operators, formulas of word-form definitions, word-forms are distinguished. The basic complexes of the formula system of definitions are represented: subject constants, variables, formula composition, and also the processes of reducibility, which include algorithmic constructing the word-forms. Formal system of definitions is constructed. Attention is drawn to the functional status of word forms. They are not simply functions representing different correspondences of sets fragments in a formal system of definitions. They are functors, i. e. functions that transform the elements of one set into elements of the other set, or into other elements of the same set.

Conditions for definability are given. In conclusion, an example of a formal system of word-form definitions is constructed by interpreting Boolean algebra on a set of common names or their negations by binding them with unions "and", "or" and only by them.

Keywords: definition, word form, complex name, word-form, definability, formal system of definitions.

References

1. Vojshvillo E. K. Ponjatie [Notion]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta [Publishing house of the Moscow University], 1967, 285 p.
2. Logicheskij slovar' [Logical Dictionary]: DEFORT. Edited by A. A. Ivin, V. P. Pereverzev, V. V. Petrov. Moscow, Mysl' Publ., 1994, 268 p.
3. Sovremennij russkij jazyk [Modern Russian Language]. Fourth edition, corrected and revised. Edited by D. Je. Rozental'. Moscow, Vysshaja shkola, 1984, 735 p.
4. Kutjura L. Algebra logiki [Algebra of Logic]. Translation from French and preface by I. V. Speshinskiy. Second edition. Moscow, Knizhnyj dom «Librokom» Publ., 2012, 128 p.
5. Nikolko V. N. Sovremennaja formal'naja logika [Modern Formal Logic]. Part 1. study guide. Simferopol', Publishing House Arial, 2012, 226 p.

Сведения об авторах

Антипов Г. А. – д-р филос. н., профессор кафедры философии Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: Dr-eji2@yandex.ru

Габриелян О. А. – д-р филос. н., профессор, декан философского факультета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: gabroleg@mail.ru

Жалдак Н. Н. – канд. филос. н., доцент кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: zhnn3@rambler.ru

Климков О. С. – канд. филос. н., докторант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: ole823@yandex.ru

Кугушева А. Ю. – аспирант 2 года обучения кафедры культурологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; зав. научно-экспозиционным отделом ГБУ РК «Симферопольский художественный музей». E-mail: pantarba@mail.ru

Кузьменко Н. С. – магистрант кафедры философии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: n.s.kuzmenko@mail.ru

Лазарев Ф. В. – д-р филос. н., профессор кафедры социологии и социальной философии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: fellazarev@rambler.ru

Николко В. Н. – д-р филос. н., профессор кафедры философии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. E-mail: vnnikolko@mail.ru

Панченко С. В. – докторант физического факультета Казахского национального университета им. аль-Фараби. E-mail: serj129@gmail.com

Папаяни Ф. А. – канд. техн. н., доцент, генеральный директор Научно-производственного объединения «Хаймек». E-mail: f.papayani@mail.ru

Пружина И. А. – аспирант 3 года обучения кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин Крымского университета культуры, искусств и туризма. E-mail: fleshka_7@mail.ru

Сулейменов И. Э. – д-р хим. н., канд. физ-мат. н., профессор, заведующий лабораторией нанoeлектроники Алматинского университета энергетики и связи. E-mail: esenych@yandex.ru

Филимонов С. Б. – д-р истор. н., профессор, заведующий кафедрой истории России Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: filimonov.47@list.ru

Чемшиит А. А. – д-р. полит. н., профессор кафедры исторических, философских и социальных наук Севастопольского государственного университета. E-mail: histphilsoc@sevsu.ru

Чудомех В. Н. – канд. филос. н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Крымского инженерно-педагогического университета. E-mail: chudovnik@mail.ru.

Шоркин А. Д. – д-р филос. н., профессор кафедры философии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: alexshorkin@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Antipov G. A. High-Hume Versus High-Tech?	3
Кузьменко Н. С. К вопросу о противодействии идеологии терроризма в Крыму	13
Лазарев Ф. В. Абстрагирование и смыслообразование: конститутивные основания	23
Шоркин А. Д. Европейский путь к рациональным технологиям Нового времени (1400–1650 годы)	35

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Климков О. С. Личность и труды Тихона Задонского в эпоху духовной секуляризации	45
Кугушева А. Ю. Проблематика диалога «внутреннего» и «внешнего» пейзажей в нарративном наследии К. Ф. Богаевского	54
Пружина И. А. Девяностолетний современный документальный театр. 63	
Филимонов С. Б. 1917 год: крымская интеллигенция и памятники культуры	73

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Папаяни Ф. А. Политические идеологии современного мира	80
Сулейменов И. Э., Панченко С. В., Габриелян О. А., Процедура голосования с точки зрения теории нейронных сетей	91
Чемшит А. А. Сталин и Моисей, или Библейская история и историческая реальность: метафизические параллели	100
Чудомех В. Н. Специализированные трактования историй народов и наций как возможность манипулировать их самосознанием	110

ЛОГИКА И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Жалдак Н. Н. Кванторные слова в логике естественного языка	116
Николко В. Н. Опыт построения формальной системы определений	126
Сведения об авторах	133
Содержание.....	135

About the Authors

Antipov G. A. – Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy Department of Novosibirsk State University of Economics and Management. E-mail: Dr-eji2@yandex.ru

Gabrielyan O. A. – Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Philosophy of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: gabroleg@mail.ru

Zhaldak N. N. – Candidate of Philosophy, Associate Professor of Philosophy Department of Belgorod National Research University. E-mail: zhnn3@rambler.ru

Klimkov O. S. – Candidate of Philosophy, Doctorant of Saint-Petersburg State University, Institut of Philosophy. E-mail: ole823@yandex.ru

Kugusheva A. J. – Post-Graduate student of the Department of Culturology of V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Head of the Scientific exposition department of the Simferopol Art Museum. E-mail: pantarba@mail.ru

Kuzmenko N. S. – Undergraduate student of Philosophy Department of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: n.s.kuzmenko@mail.ru

Lazarev F. V. – Doctor of Philosophy, Professor of Sociology and Social Philosophy Department of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: fellazarev@rambler.ru

Nikolko V. N. – Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy Department, V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: vnnikolko@mail.ru

Panchenko S. V. – doctoral student of the Faculty of Physics of Kazakh National University. E-mail: serj129@gmail.com

Papayani F. A. – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, General Director of Scientific Industrial Corporation “Hymec”. E-mail: f.papayani@mail.ru

Pruzhyina I. A. – Post-Graduate student of the department of Philosophy, Culturology and Humanitarian Disciplines of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism. E-mail: fleshka_7@mail.ru

Suleimenov I. E. – Doctor of Chemical Sciences, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Nanoelectronics of Almaty University of Energy and Communications. E-mail: esenych@yandex.ru

Filimonov S. B. – Doctor of Historical Sciences, professor, Head of the Department of Russian history, V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: filimonov.47@list.ru

Chemshit A. A. – Doctor of Political Sciences, Professor of Department of Historical, Philosophical and Social Sciences Sevastopol State University. E-mail: histphilsoc@sevsu.ru

Chudomekh V. N. – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Socio-Humanitarian faculty of the Crimean Engineering-Pedagogical university. E-mail: chudovnik@mail.ru.

Shorkin A. D. – Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy Department of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: alexshorkin@mail.ru

CONTENT

PHILOSOPHY

Антипов Г. А. High-Hume versus High-Tech?	3
Kuzmenko N. S. On the Issue of Countering the Ideology of Terrorism in the Crimea	13
Lazarev F. V. Abstract and Sence-Formation: Constitutive Foundations	23
Shorkin A. D. The European Way to the New Age Rational Technologies (1400 - 1650)	35

CULTUROLOGY

Klimkov O. S. The Personality and Works of Tihon Zadonskyj in the Epoche of Secularization	45
Kugusheva A. J. Problem of the Dialogue of "Internal" and "External" Landscapes in the Narrative Heritage of Konstantine Bogaevsky	54
Pruzhyna I. A. Ninety-Year Modern Documentary Theatre	63
Filimonov S. B. 1917: Crimean Intelligentsia and Cultural Monuments	73

POLITICAL SCIENCE

Papayani F. A. Political Ideologies of the Modern World	80
Suleimenov I. E. Panchenko S. V. Gabrielyan O. A. The Voting Procedure from fhe Point of View of The Theory of Neural Networks	91
Chemshit A. A. Stalin and Moses or Biblical History and Historical Reality the Metaphysical Parallels	100
Chudomekh V. N. The specialized interpretations of the peoples and nations histories as the ability to manipulate of their self-consciousness	110

LOGIC AND METHODOLOGY OF SCIENCE

Zhaldak N. N. Quantifier Words in Natural Language Logic	116
Nikolko V. N. Constructing the Formal System of Definitions Experience	126
About the Authors	137
Content	139